

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«КРАСНОЯРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ им. В.П. Астафьева»
Региональный лингвистический центр Приенисейской Сибири
Карлов университет в Праге

**ЭКСПЛИКАЦИЯ
БАЗОВЫХ ЦЕННОСТЕЙ ЭТНОСА
В РЕЧИ И ТЕКСТЕ**

*Материалы научно-практической конференции
с международным участием*

Красноярск, 17 ноября 2016 г.

Красноярск
2016

ББК 81.2.Рус
Э 414

Редакционная коллегия:

А.Д. Васильев (отв. ред.)

С.П. Васильева

А.В. Михайлов

Э 414 **Экспликация базовых ценностей этноса в речи и тексте:** материалы научно-практической конференции с международным участием. Красноярск, 17 ноября 2016 г. / отв. ред. А.Д. Васильев; ред. кол.; Краснояр. гос. пед. ун-т им. В.П. Астафьева. – Красноярск, 2016. – 232 с.

ISBN 978-5-00102-093-6

ББК 81.2 Рус

Сборник подготовлен при финансовой поддержке РГНФ и Красноярского краевого фонда поддержки научной и научно-технической деятельности. Проект «Базовые ценности регионального языкового сознания русских Приенисейской Сибири» № 16-14-24003.

ISBN 978-5-00102-093-6

© Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева, 2016

СОДЕРЖАНИЕ

Барилловская А.А., Пронина А.Ю. Особенности перевода на английский язык референциально-безэквивалентной лексики (на материале рассказов В.М. Шукшина).....	6
Бибриш Н.Н. Колоративная лексика в миниатюрах В.П. Астафьева «Загеси».....	15
Бибриш Н.Н., Уфимцев А.Е. Концепт «лень» и ассоциативное поле «лень» в языковом сознании жителей Приенисейской Сибири.....	23
Бизюков Н.В. Тоталитарная коммуникативная практика как стратегия языковой манипуляции (на материале современного публицистического дискурса)	31
Бурмакина Н.А., Богданова Т.А. Реализация нормативного компонента в молодёжной медиасреде.....	41
Васильев А.Д. МЫ и ОНИ в выступлении В.В. Путина на Мюнхенской конференции по вопросам политики безопасности 10 февраля 2007 года.....	49
Васильев А.Д., Карлина В.А. Иноязычные графические вкрапления в названиях красноярских предприятий как отражение изменения ценностных ориентаций	56
Васильева С.П. Ассоциативное поле ДУРАК в ценностном аспекте (по результатам массового ассоциативного эксперимента в Приенисейской Сибири).....	60
Григорьева Т.М. Из истории русской эпистолярной культуры.....	68
Емельянова О.Н. Устаревшая лексика в системе языка и в речи его носителей (по материалам толковых словарей современного русского языка и текстов СМИ)	76

Зорина В.В.

Позвольте представиться! К вопросу об изучении
речевого этикета будущими бакалаврами-педагогами 84

Игнатенко Ю.А.

Языковые средства литературы постмодернизма
(на материале романа Б. Акунина «Статский советник») 89

Карманова С.В.

Лексика церковно-религиозной сферы
в покаянных выступлениях политической оппозиции
20–30-х годов XX века 94

Кипчатов М.Ю.

Заимствованная лексика в русских
старожильческих говорах Енисейской губернии
(по словарным материалам А.Д. Григорьева) 98

Кипчатова А.В.

Эволюция ЛСГ глаголов «отчуждения-лишения»
в языке XVIII века
(по материалам сибирской частной переписки) 107

Курделяс А.А.

Сравнительный анализ русскоязычных
и англоязычных эвфемизмов в заголовках печатных СМИ 116

Мамаева Т.В.

Образ «промысловая рыба» в языковом сознании
рыбаков Приенисейской Сибири 124

Мердак Н.В.

Фразеологические единицы
с антропонимическим компонентом
в заголовках ведущих политических изданий
на английском и русском языках 130

Михайлов А.В.

Способы представления идеологемы как установки 138

Михайлова Т.В.

Идея справедливого воздаяния
в древнерусских текстах потестарной семантики 143

Осетрова Е.В. Языковой имидж: текстовая составляющая	152
Подсохин Ф.Е. Три этапа информационной кампании.....	160
Сергиенко С.А. Сибирь глазами В.П. Астафьева – курс занятий для студентов-инофонов.....	167
Смирнов Е.С. Ценностная составляющая концепта «чужой» в ангарской лингвокультуре	172
Сперанский А.В., Сперанская А.Н. Паремии о речи как инструмент измерения коммуникативной рефлексии	184
Такаскова Е.В. Фамилии в русском языке XIX века (на материале дневников В.Д. Касьянова).....	193
Тимченко А.Г. Частные темпоральные представления носителей русских говоров Красноярского края (семиотическая оппозиция «весна–зима»)	200
Тихонова Д.В. Влияние климата и внешней среды на речевые ситуации	208
Ускова С.В., Чижова Е.А. Представление о социальном поступке в молодёжной среде.....	213
Устьянцева Е.В. Изучение базовых ценностей жителей Приенисейской Сибири на материале ассоциативных словарей	219
Цемина М.В. Обучение младших школьников основам речевого этикета на занятиях «Школы вежливости»	226

А.А. Бариловская, А.Ю. Пронина
*Красноярский государственный педагогический
университет им. В. П. Астафьева*

**ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА НА АНГЛИЙСКИЙ ЯЗЫК
РЕФЕРЕНЦИАЛЬНО-БЕЗЭКВИВАЛЕНТНОЙ ЛЕКСИКИ
(НА МАТЕРИАЛЕ РАССКАЗОВ В.М. ШУКШИНА)**

В статье представлены особенности переводов авторских неологизмов и преобразованных фразеологических выражений, которые не имеют в словарном составе переводящего языка ни полных, ни частичных эквивалентов и передаются на другой язык путем описательного перевода и различных трансформаций.

Лексика, семантика, фразеологизмы, особенности перевода, безэквивалентная лексика.

A.A. Barilovskaya, A.Y. Pronina
*Krasnoyarsk State Pedagogical University
named after V.P. Astafiev*

**PECULIARITIES OF TRANSLATION INTO ENGLISH
REFERENTIAL-NON-EQUIVALENT VOCABULARY
(BASED ON STORIES BY V.M. SHUKSHIN)**

The article presents the peculiarities of translating author neologisms and transformed phraseological expressions, which are not in the vocabulary of the target language, neither full nor partial equivalents and are transferred to another language by descriptive translation and the different transformations.
Vocabulary, semantics, phraseological unit, peculiarities of translation-specific vocabulary, non-equivalent vocabulary.

Художественные произведения и их перевод позволяют наиболее полно выразить культуру страны и менталитет носителей языка. Яркий пример тому творчество В.М. Шукшина. В его рассказах отражаются социальная дифференциация и вариативность языка. С первых строк рассказов Шукшина на читателя «обрушивается» шквал просторечных слов и выражений. Для писателя характерна

приверженность к истокам народной речи. Элементы разговорной речи часто встречаются на страницах книг писателя: это и пословицы, и поговорки, и жаргонизмы, и изменённые формы слова, и неполные предложения, и диалогизация речи персонажей. В языке писателя трудно установить грань между литературным языком и повседневным, разговорным – они неотделимы. В языке персонажей писателя много местных слов и самобытных выражений, но они никогда не кажутся лишними, избыточными, они несут свою характерологическую функцию естественно и свободно, помогают максимально достоверно выразить материальную и духовную культуру русского народа.

К референциально-безэквивалентной лексике относятся реалии, термины, фразеологизмы, индивидуальные (авторские) неологизмы, семантические (понятийные) лакуны, слова широкой семантики, сложные слова, значения которых могут быть переведены не только с помощью описательного перевода или различных трансформаций [Иванов 2006: 80]. Поскольку целью нашего исследования является выявление особенностей перевода безэквивалентов, остановимся на рассмотрении специфики перевода некоторых видов референциально-безэквивалентной лексики.

Особый интерес представляют переводы авторских неологизмов и преобразованных фразеологических выражений, которые не имеют в словарном составе переводящего языка ни полных, ни частичных эквивалентов и передаются на другой язык путем описательного перевода и различных трансформаций.

Одной из главных задач переводчика (в случае перевода текстов, содержащих безэквивалентную лексику) является сохранение в таких текстах как семантического, так и культурного соответствия.

По мнению И.О. Иванова, семантические лакуны обозначают понятия, отсутствующие в переводящем языке, в силу специфики национально-языкового мышления. Поэтому такая лексика требует многословного описания для передачи ее значения при переводе [Иванов 2006: 82].

В рассказе В.М. Шукшина «Степкина любовь» присутствует авторский неологизм *целинщица*, который является семантической лакуной для англоговорящих стран, так как это слово имеет определенную этимологию, и отсылает нас к советскому периоду, когда на работу в целинные степи по комсомольским путевкам ехала молодежь со всей страны. Переводчик принял решение не делать сноски с исторической справкой, сумел осуществить перевод, который фактически заключает в себе краткое толкование данного слова, не выходя за пределы текста, с помощью описательного метода перевода.

Пример:

... Степан Емельянов влюбился. В *целинщицу* Эллочку.

... *Stepan Yemelyanov fell in love. With Ellochka, a girl who had come out to Siberia on the virgin lands scheme.*

В особую группу были выделены слова, характерные для советской действительности, например, *сельно* переведено как *village store*, что является уместным. Однако при переводе рассказа «Упорный» переводчик не разграничил понятия *колхоз* и *совхоз*, которые являются реалиями, относящимися к советской действительности, поэтому при переводе их выражением *Collective farm* не раскрываются особенности сюжетной линии данного рассказа, что требует лучшего понимания смысла, заложенного в тексте оригинала. Предпочтительным является перевод с помощью транслитерации. Возникает очевидная необходимость краткой исторической справки.

В группу референциально-безэквивалентной лексики входят и сложные слова. По мнению И.О. Иванова, сложные слова – это такие слова, которые не имеют готовых эквивалентов в переводящем языке. Такая лексика требует развернутого описательного перевода или необходимости применить определенные трансформации на уровне всего предложения [Иванов 2006: 110].

При переводе семантических лакун чаще используется описательный перевод. К слову *собутыльник* переводчик не нашел подходящего существительного и кратко описал ситуацию: ... *He goes boozing with with my old man* ... Однако при переводе данного слова переводчик мог проявить творческий подход и как носитель языка изобрести свой авторский неологизм, тем самым украсив текст перевода.

Реалии, обозначающие сельский или деревенский быт, переводятся опираясь на их семантику и не несут в себе эндемичности понятия (пимы – boots : дословно – ботинки; лежак – a bed: дословно – кровать; кошма – a piece of felt: дословно – кусок войлока; тулуп – a sheepskin coat: дословно – дубленка; загашник – secret larder: дословно – секретная кладовая; маляр-шабашник – a house-painter: дословно – маляр). При таком переводе теряются эмоционально-экспрессивная составляющая шукшинской прозы, деревенский колорит и атмосфера русской деревни. Именно поэтому проблема безэквивалентности лексики рассматривается в переводоведении в свете адекватности переводного текста оригиналу.

Максимальным уровнем уникальности обладают слова, обозначающие реалии быта русского народа, особенно деревенских жителей. Такие слова часто трудно воспринимаются даже носителями языка и тем более представляют собой особую проблему для специалистов в области пе-

ревода художественной литературы, особенно если в ней описывается жизнь села или деревни. Рассмотрим некоторые варианты: *пятистенок* переведено как *a good-sized house*, *баня* – *a Russian steam bath*. При переводе слова *горница* переводчики учитывают контекст употребления и ситуативную семантику, исходя из этого выбирают наиболее удачные ситуативные эквиваленты – *the bestroom*, *the main room*, *the parlor*, что выгодно определяет основную смысловую нагрузку этого слова.

Однако если слово-реалия находится в составе фразеологизма и не несет особой смысловой нагрузки в данном контексте, то переводчики выпускают его из перевода, чтобы облегчить восприятие текста и сюжета. Например: *Сор из избы не выносят.* – *They don't like wash in their dirty linen in public.* Здесь можно отметить, что отклонения от произносительной нормы также утрачиваются при переводе, реципиент не может оценить колорит речи героев рассказа. Фразеология выражает национальную уникальность и самобытность носителей языка, ее анализ позволяет понять ассоциативные клише и культурные и материальные ценности.

Образы, закрепленные во фразеологическом составе, так или иначе связаны с материальной, социальной или духовной культурой народа. Во фразеологических единицах заложены понятия и отношения к таким категориям, как труд, лень, правда, ложь, совесть, судьба, жизнь, смерть. Мыслить о мире, не пользуясь ими, практически невозможно [Телия 1996: 32].

Фразеологизмы, поговорки и окказионализмы с исторической этимологией неоднократно встречаются в рассказах Василия Макаровича. К таким выражениям можно отнести: *Непрошенный гость хуже татарина.* – *An uninvited*

guest is worse than a Tatar. Выражение *кулацкий уклон* переведено как: *a kulak mentality; kulak deviation*, дословно: *кулацкий менталитет, уклон*.

Как слово само по себе имеет определенную семантику, а иногда коннотацию в зависимости от контекста употребления, так и фразеологизмы имеют целостное значение, часто обусловленное не только культурными особенностями и фактами из истории народа, а иногда и религии. Но в то же время значение фразеологизма не тождественно лексическому значению слова. Особенно информирующим о культуре является перевод фразеологизмов народной речи, он представляет немалые трудности, так как каждый язык обладает своим набором фразеологических средств, которые несут в себе смыслы, зачастую понятные только носителю языка, и, чтобы правильно перевести какое-либо понятие, выраженное при помощи фразеологизма, переводчику приходится затратить немало сил и времени, а выбранные, по мнению переводчика, эквивалентные аналоги часто не совпадают, или, к примеру, один и тот же смысл выражается абсолютно разными понятиями, которые при дословном переводе представляют собой абсолютную бессмыслицу. Изучение фразеологии составляет необходимое звено в усвоении языка, в повышении культуры речи. В рассмотренных рассказах В.М. Шукшина были выделены 67 фразеологизмов, которые имеют устно-народное происхождение. Образные выражения данной группы отражают те или иные реалии жизни, для чего может служить либо отдельный лексический компонент, либо весь фразеологизм.

По своей структуре используемые В.М. Шукшиным фразеологические обороты можно разделить на три группы: *фразеологические сращения, фразеологические единства и фразеологические сочетания.*

Фразеологические сращения – это выражения, общий смысл которых никак не зависит от лексического значения входящих в них слов. Например, «пороть горячку» – действовать с крайней поспешностью, горячностью. Здесь переведено целым, законченным по смыслу предложением (*It's too bad you let your temper get the best of you*), которое содержит в своем составе сходный по значению фразеологизм «*to let your temper get the best of you*», что служит абсолютно точным эквивалентом фразеологизма «пороть горячку».

Фразеологические единства – это связанные словосочетания, смысл которых в большей или меньшей степени мотивирован и обусловлен значениями слов-компонентов. Например, в рассказе «Верую» встречается выражение «клевать носом». Во Фразеологическом словаре русского языка под редакцией А.И. Молоткова фразеологический оборот «клевать носом» разъясняется следующим образом: опускать голову, забывшись, задремав на мгновение (сидя или стоя) [Фразеологический словарь русского языка 2007: 120]. Перевод данного фразеологизма осуществлен с помощью выражения «*his head was nodding*», которое не является фразеологизмом в английском языке, но передает исходный смысл выражения, хотя недостаточно эмоционально.

Фразеологические сочетания – это такие словосочетания, в которых одно из слов-компонентов связано, не свободно в своем употреблении и встречается только в данном словосочетании (реже – в двух-трех), хотя и имеет самостоятельное значение. К данной группе можно отнести фразеологический оборот: «раз и навсегда», который толкуется следующим образом: на все время; о чем-либо сделанном, установленном, неизменно сохраняющем свою силу [Фразеологический словарь русского языка 2007: 185]. Для перевода этого фразеологизма было использовано аналогичное выражение английско-

го языка «once and for all». Выражение *рубануть сплеча* (поступить необдуманно, опрометчиво) относится к группе фразеологизмов, содержащих лексический компонент-реалию, обычно выражающих понятия или смысл, знакомые или, по крайней мере, понятные также носителям другого языка. Это видно из перевода *straight from the shoulder* (дословно – сплеча; прямо, без обиняков, откровенно). Можно сказать, что в таких фразеологизмах в специфической национальной форме заключено интернациональное содержание.

Перевод фразеологизмов, по-видимому, является самым сложным для переводчиков. Фразеологизмы, найденные нами в рассказах В.М. Шукшина, отражают ту или иную реалию народной жизни, но есть ряд особенностей, которые позволяют распределить их на две группы. К первой относятся фразеологизмы, референтами которых служат факты и предметы, известные также носителям ПЯ, но выраженные через национальные реалии, ко второй – фразеологизмы, выражающие сугубо национальные реалии, вообще отсутствующие у народа, на язык которого осуществляется перевод. Некоторые фразеологические единицы первой группы имеют прямые аналоги в английском языке и поэтому не представляют собой особых трудностей в переводе и понимании носителями другого языка. Однако же таких фразеологизмов очень мало в рассказах В.М. Шукшина, т. к. налицо преобладание фразеологизмов просторечного характера, присущих по большей части народной речи и имеющих особый план содержания и выражения.

Некоторые фразеологизмы имеют эквивалент в английском языке, другие переводятся с помощью прямых аналогов или синонимических выражений, которые очень близки по смыслу исходным, например, «*покатил бочку*» переведено аналогичным, по мнению переводчика, идиоматическим

выражением: *pulled the rug out from under me* (дословно – *выдернул ковер из-под меня*). Данный прием можно считать удачным, так как соблюден принцип перевода фразеологизма фразеологизмом. Однако часто при переводе фразеологизмов теряются оттенки значения и исходная эмоциональная окраска. Затруднительным оказался перевод выражения «ёлки зеленые», который переводчик не включил в перевод.

Анализ ряда произведений В.М. Шукшина показал, что писатель использует общенародные фразеологизмы либо их варианты и легко преобразует их, встраивая в сюжет фразеологические выражения.

Например, в рассказе «*Выбираю деревню на жительство*» употреблен фразеологизм «*как на базаре*» – шумно, крикливо, бестолково.

Пример: «*Спокойно, мужики, – говорит Николай Григорьевич, – мы же не на базаре*» переведено «*Calm down, fellows. This isn't some Oriental bazaar, after all*».

В рассказах В.М. Шукшина встречается лексика, характеризующая особенности восприятия мира, характерные для жителей российских деревень. Например: «*И покраснел, как свекла. – Snapped suddenly, turning beet-red*». Данный перевод можно считать успешным, так как он включает в себя практически дословный перевод исходного текста.

Библиографический список

1. Иванов А.О. Безэквивалентная лексика. СПб.: Типография издательства СПбГУ, 2006. 200 с.
2. Телия В.Н. Русская фразеология: семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М., 2007.
3. Фразеологический словарь русского языка / под ред. А.И. Молоткова. М., 2007.
4. Шукшин В.М. Рассказы. М.: Вагриус, 2004. 463 с.
5. Vassily Shukshin. Short stories. М.: Радуга, 1990. 379 с.
6. Hornby A.S. Oxford Advanced Learner's Dictionary of Current English. Oxford, 2005. 1905 p.

Н.Н. Бебриш

*Красноярский государственный педагогический
университет им. В.П. Астафьева*

**КОЛОРАТИВНАЯ ЛЕКСИКА
В МИНИАТЮРАХ В.П. АСТАФЬЕВА «ЗАТЕСИ»**

В статье рассматривается функционирование колоративной лексики в цикле миниатюр «Затеси» В.П. Астафьева, определяются основные цвета и их оттенки, описываются особенности использования колоративов, их функции в текстах миниатюр, выделяются индивидуально-авторские колоративы.

Колоративная лексика, функции колоративов, амбивалентность цвета, индивидуально авторские колоративы, миниатюры В.П. Астафьева.

N.N. Bebrish

*Krasnoyarsk State Pedagogical University
named after V.P. Astafiev*

**COLORATIV VOCABULARY IN MINIATURES
OF V.P. ASTAFEV «ZATESY»**

The article discusses the functioning colorativ vocabulary in a series of “Zatesy” V.P. Astafiev, defines the basic colors and their shades, describes the features of the use coloratives, their function in the thumbnail texts stand-alone authoring coloratives.

Colorativ vocabulary, colorativ's functions, colors ambivalence, individually copyrights coloratives, miniatures of V.P. Astafiev.

Природа цвета, механизмы цветовосприятия, символика, семантика и структура колоративов издавна интересуют филологов, культурологов и психолингвистов (А. Вежбицкая, А.П. Василевич, Е.В. Рахилина, В.Г. Кульпина, Н.Б. Бахилина и др.). Традиционно актуально изучение функционирования колоративной лексики в художественной речи [Самарина 2007: 309–311]), определение ее роли в идиолекте писателя.

При этом немаловажным представляется выбор источника исследования, т. е. конкретного художественного текста,

который должен быть значимым в творческой парадигме писателя. Именно таким, на наш взгляд, является цикл миниатюр В.П. Астафьева «Затеси», над которым писатель работал на протяжении многих десятков лет, где отчетливо прослеживается мировосприятие автора, а политематичность цикла позволяет использовать все разнообразие цветовой палитры.

В определенной мере «Затеси» можно рассматривать как микромир, проецирующийся на макромир творчества писателя, но очень личный, важный для самого В.П. Астафьева: «Однако в любом возрасте у человека, тем более у творческого, есть желание запомнить и рассказать достоверно, в узком кругу, увиденное, поразившее воображение, интересные факты из жизни, истории или явлений природы, дорожные впечатления, мимолетные разговоры, просто поделиться интересной мыслью, мелькнувшей или застрявшей в голове, быть может, и интересной-то лишь одному автору, надеясь при этом, что если тебя не поймут, то хотя бы внимательно выслушают» [Астафьев 2003: 681].

Воплощению авторского замысла способствует и жанровое своеобразие «Затесей»: «Виктор Астафьев создал свой “фирменный” жанр, который, будучи не скованным устоявшимися формами литературы, отражает такие особенности художественной индивидуальности автора “Последнего поклона”, как исповедальное и проповедническое начала. <...> “Затеси” – с их монтажной композицией, отсутствием сюжета, когда инструментом творческого познания является мысль и центром художественного мира становится рассказчик, а бытовые рамки приобретают значимость символа, – организованы по законам поэтического текста» [Бурдин 2002].

«Затеси» В.П. Астафьева традиционно привлекают внимание исследователей литературоведов и лингвистов (рабо-

ты И.А. Подюкова, Н.Я. Саковой, В.А. Зубкова, Г.М. Сердобинцевой, Ю.С. Бобковой и др.), но представляется, что колоративная лексика в этом цикле изучена недостаточно, в основном имеются более или менее подробные комментарии по ходу основного повествования (например, анализ цветописи в миниатюре «Мелодия» [Подюков 2009: 566]).

Задача статьи – рассмотреть функционирование колоративной лексики в цикле «Затеси» В.П. Астафьева, определить основные цвета и их оттенки, использованные в миниатюрах, выявить особенности употребления колоративов.

Вслед за О.И. Кулько, под колоративом в статье понимается «достаточно четко очерченная в языке группа прилагательных, обозначающих цвет» [Кулько 2004: 224–225], колоративная лексика – группа слов, выражающих значение цвета.

Источником исследования послужили 252 миниатюры цикла «Затеси» В.П. Астафьева. Анализ материала показал, что в текстах встречаются все основные цвета и их оттенки: белый цвет отмечен 194 раза, черный – 124, красный – 82, зеленый – 81, синий / голубой – 63, желтый – 50, оранжевый – 24, коричневый – 11. Такое употребление колоративов в основном соответствует «наивной картине» мира цвета в русском языке [Фрумкина 2007: 64] и свидетельствует о богатстве языка и цветовой картины мира писателя. В.П. Астафьев использует всю палитру красок, в том числе и самые древние понятия темного (79 раз) и светлого (20 раз), возникшие у человечества еще до появления «цветного» восприятия.

В ходе исследования было установлено, что около сорока пяти процентов текстов миниатюр являются «бесцветными», т. к. колоративная лексика в них вовсе отсутствует («Современный жених», «Дождик», «Паутина»,

«Исторический пример», «Знак памяти» и др.) – примерно 22 % всех текстов, или представлена одним-двумя употреблениями («Хрустальный звон», «Первовестник», «Ужас» и др.) – 22,5 % от всех текстов. Например, в затеси «Дождик» цвет не упоминается, так как акцент сделан на стремительной смене событий, выраженных глаголами: *налетел, продырявил, разогнал, качнул, растрепал, убежал*. В некоторых миниатюрах цвет передается имплицитно: *«пучок мятых звездичек посредине стола в консервной банке **тлеет**»* («Хаптура»).

Цвет в «Затесях» В.П. Астафьева, как правило, амбивалентен, причем это характерно практически для всей использованной палитры колоративной лексики. Так, темный цвет, с одной стороны, указывает на нечто недоброе, злое: *«небо – в **темную адскую** завесу»* («Ужасная дыра»), с другой – на близкое сердцу: *«Машины, лошади хоззвода были убраны под укрытие леса совсем уж **темного**, совсем уж нашенского, в глуби тем только и отличавшегося от сибирской тайги, что по оврагам и поймам речек росли здесь дикие груши, яблони, черешни, ежевика и другие ягодные и плодовые деревья и кусты неизвестного нам вида и названия»* («Бедный зверь»).

Зачастую амбивалентность цвета тесно связана с его символикой. Покажем это на примере белого цвета. У русского человека белый цвет ассоциируется с чистотой, святостью, а также с зимой, которая в культуре символизирует замирание жизни, смерть. В миниатюре «Начало» описание зимы дается в первых предложениях параллельно с картиной разрушающейся деревни, настраивает читателя на размышления о конце жизни: *«К осевшим в сугробы, подследоватым избенкам ведет задремавшая под **белым** снегом дорога, столбы возле нее пошатнулись, где и вовсе упали,*

оставив подпоры в виде виселиц. Обломками черных головешек обвисли и дремлют на ветках школьных тополей вороны, белым сном окутан заснеженный еловый лес за деревней, помеченный ночной заячьей топаниной по опушке, даже синие дымы над избами дремлют, да и сам белый свет здесь отчего-то сер и дремотен». Деревня умирает, покинутая людьми, звенит ее «последний» звонок, «извещающая население о начале апокалипсиса». Мотив вины человечества и грядущей расплаты опосредованно передается через упоминание апокалипсиса и нагнетание белого цвета, усиленное черным и синим.

Помимо зимы, снега коннотация смерти у белого цвета передается и через другие контексты. Так, в миниатюре «Мелодия Чайковского» белый констатирует смерть: *«Портянки, как знамена иль флаги просивших милости и пощады бойцов, белеются по всей дороге, да еще зубы, человеческие зубы; не дались колесам машин, гусеницам танков, бело просвечивают там и сям из расколотых камней и в бугельных щелях».*

В противоположном значении белый цвет предстает при описании объектов живой природы, белые цветы выступают как символ пробуждающейся, незапятнанной жизни: *«Маленькая звездочка на длинной цветоножке, белые, нежно пахнущие лепестки с розовинкой – это лесная ветреница – первовестница весны»* («Первовестник»). Розовый цвет, ассоциирующийся с молодостью, дополняет картину. Положительную коннотацию белого помогают передать эмотивы: *«ждут его люди не только с радостью, но и с надеждой на выздоровление».*

Белый цвет у В.П. Астафьева амбивалентен, представляется одновременно и символом смерти, и признаком зарождающейся жизни, надежды на воскресение: *«Природа*

наша и народ наш похожи друг на друга, они способны воскресать из праха» («Манская грива»).

Как уже было отмечено, В.П. Астафьев в миниатюрах «Затеси» активно использует не только основные (абсолютные) наименования цвета, но и оттеночные. Так, у красного цвета выявлены следующие оттенки: *алый, розовый, румяный, кровавый, багровый, бордовый, багряный, зоревый, вишневый, малиновый, рубиновый*, а также сложные, двусоставные, генетивные слова, сравнительные обороты и др.: *темно-красный, багряно-мерцающий, малиново-зеленый, революционный, телесно-девчоночий*. При этом наиболее часто встречаются колоративы с корнем *-красн-*.

Красный цвет в изображении природы связан в большей степени с описанием осени. В миниатюре «Зеленые звезды» писатель называет красный цвет **осенним**: *«А вон впереди, в неподвижном белом царстве **заполыхали** огоньки. Подходим ближе и видим **запламеневшую** рябину. Пугливое дерево – рябина, оно раньше других почувствовало приближение снега и поспешило окраситься **осенним цветом**. С грустным шорохом опадают **багровые** розетки с рябин и одиноко, печально светятся на белом, но еще не ослепительном снегу»*. Заметим, что красный цвет, имеющий значение силы, энергии, жизни, огня противопоставлен в данном тексте пассивному белому, символизирующему грусть, печаль, одиночество: *красный (**заполыхали** огоньки, **запламеневшая** рябина, окраситься **осенним цветом**) – белый (**неподвижное белое** царство, **багровые** розетки ... **одиноко, печально светятся на белом** ... снегу).*

При описании природы писатель использует все оттенки красного цвета, кроме румяного, которым описывается внешность человека. Помимо румяного, человеческое лицо у В.П. Астафьева бывает *кирпично-красным, красным во время пла-*

ча, красным от сыпи, алым от чахоточного румянца. Четыре раза в текстах употребляется слово *краснорожие*, явно в отрицательной коннотации. Розовое лицо может быть у ребенка: «**Розовеют** их худенькие мордашки», а также у «толстого мужика с **розовым** лицом и обвислыми щеками».

Можно сделать вывод о том, что В.П. Астафьев активно пользуется всем разнообразием существующих в языке наименований красного цвета и его оттенков при описании природы, человека и реалий действительности, употребляя цветопись в символическом значении.

Писатель ломает устоявшиеся стереотипы в применении колоративов. Так, черные глаза, ассоциирующиеся у русского человека со злыми помыслами, у В.П. Астафьева принадлежат детям с чистой душой: «Длястуй, дядя! – сияя чернущими глазами, кричит девочка и шурует дальше. «Здравствуй, маленькая! Здравствуй, дитяtko мое!» – хочется крикнуть и мне, да я не успеваю <...> Вот и мне сделалось легче на душе» («Приветное слово»). В затеси «Белое и черное» черный пес проявляет дружелюбие и незлобивость, он даже подружился с лисой, а белой масти пес, перекрашенный в черный цвет, эту лису убивает. Таким образом, черный цвет приобретает положительную коннотацию в противовес общепринятым представлениям. Но, когда Митряшиха возвращается после долгой болезни к привычному укладу жизни, автор как бы «реабилитирует» белый цвет, возвращая ему привычную для европейской культуры позитивную коннотацию: «Весной тихую, просветленно-женственную, одетую в ситцевую юбку и белую кофту, види Митряшиху на огороде.»

В.П. Астафьев не только мастерски использует в миниатюрах «Затеси» колоративную лексику, формо- и словообразование колоративов (*белеется, чернеет, чернущие,*

оранжево-красный, серо-черный, с розовинкой, с прочернью), но и создает свои индивидуально-авторские оттеночные наименования цвета: *нежно-пепельный пух, очерняющиеся кроны, похмельного цвета река, осенний, революционный, телесно-девчоночий цвета, желтопенная листва берез* и др., привлекая тем самым внимание читателя и заставляя его глубже осознать замысел автора.

Например, в миниатюре «Деревенское приключение» цвет реки (и не только) идет в параллели с описанием поведения человека: *«сонная, летом зарастающая водяной чумой и всякой другой водорослью похмельного цвета, речка Валавуриха в короткую весеннюю водополищу дурела и делалась похожа на колхозного овощевода Парасковьина, который зиму и лето до одурения копался в земле. Но раз в месяц, а то и в два он напивался, пластал на себе рубаху и с осиновым колом гонялся за своей бабой»*.

Цвет в цикле миниатюр В.П. Астафьева «Затеси» выступает одним из важных средств создания выразительности текста, характеризует особенности идиостиля писателя, формирует его цветовую картину мира, выявляя традиционное, ментальное и индивидуально-авторское восприятие. Кроме того, продуманное использование колоративной лексики помогает автору воздействовать на читателя, вступить с ним в диалог: «Цвета действуют на душу, они могут вызывать чувства и возбуждать мысли, которые нас успокаивают или волнуют, печалят или радуют» [Гете 1957: 458].

Библиографический список

1. Астафьев В.П. Затеси. Красноярск: РГ «Вся Сибирь», Красноярское книжное издательство, 2003. 688 с.
2. Астафьев В.П. Затеси. М.: Эксмо, 2008. 800 с.
3. Бурдин В.И. Жанровое своеобразие «Затесей» В.П. Астафьева. URL: <http://www.booksite.ru/fulltext/ast/afi/evs/kie/index.htm>

4. Гете И.В. К учению о цвете: Чувственно-нравственное действие цветов // Избранные сочинения по естествознанию. М.: Изд-во АН СССР, 1957. 553 с.
5. Кулько О.И. Колоративы и обозначения цвета в рекламе // Русская и сопоставительная филология: состояние и перспективы: международная научная конференция, посвященная 200-летию Казанского университета (Казань, 4–6 октября 2004 г.): труды и материалы / под общ. ред. К.Р. Галиуллина. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2004. С. 224–225.
6. Подюков И.А. О двух ритмико-смысловых образах в «Затесях» В.П. Астафьева // Дар слова: Виктор Петрович Астафьев: (к 85-летию со дня рождения): библиограф. указ.: статьи / Гос. универс. науч. б-ка Краснояр. края; Краснояр. гос. пед. ун-т им. В.П. Астафьева. Иркутск: Издатель Сапронов, 2009. С. 562–567.
7. Самарина Л.В. Библиография по антропологии цвета // Наименования цвета в индоевропейских языках: Системный и исторический анализ / отв. ред. А.П. Василевич. М.: КомКнига, 2007. С. 279 – 314.
8. Фрумкина Р.М. Психолингвистика. 3-е изд., испр. М.: Академия, 2007. 320 с.

Н.Н. Бебриш, А.Е. Уфимцев

*Красноярский государственный педагогический
университет им. В.П. Астафьева*

КОНЦЕПТ «ЛЕНЬ» И АССОЦИАТИВНОЕ ПОЛЕ «ЛЕНЬ» В ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ ЖИТЕЛЕЙ ПРИЕНИСЕЙСКОЙ СИБИРИ

В статье рассматривается соотношение ментального и индивидуального в языковом сознании жителей Приенисейской Сибири на примере описания концепта «лень»; производится сопоставление концепта «лень» в русском языковом сознании и ассоциативного поля «лень» в языковом сознании сибиряков.

Психолингвистика, концепт «лень», ассоциативное поле «лень», языковое сознание, ассоциативный эксперимент, ментальное и индивидуальное в языковом сознании.

N.N. Bebrish, A.E. Ufimzev
Krasnoyarsk State Pedagogical University
named after V.P. Astafiev

**THE CONCEPT OF «LAZINESS»
AND THE ASSOCIATIVE FIELD «LAZINESS»
IN THE LINGUISTIC MIND OF THE YENISEY
SIBERIA INHABITANTS**

The article considers the relation of the mental and individual in linguistic consciousness of residents the Prieniseyskoy Siberia as an example to describe the concept of «laziness»; there's a comparison of the concept «laziness» in the Russian language consciousness and associative field «laziness» in the linguistic consciousness of Siberians.

Psycholinguistics, the concept of «laziness» associative field «laziness», linguistic consciousness, associative experiment, mental and linguistic consciousness in the individual.

Статья посвящена изучению лингвокультурного концепта «лень» и ассоциативного поля «лень» в языковом сознании жителей Приенисейской Сибири. Актуальность темы определяется антропоцентрическим подходом к изучению языкового сознания, применением методологии когнитивной лингвистики и психолингвистики (В.И. Карасик, Д.С. Лихачёв, В.А. Маслова, З.Д. Попова, И.А. Стернин, А.Д. Васильев, С.П. Васильева, М.В. Пименова, О.Н. Кондратьева).

Выбор концепта «лень» можно объяснить следующими причинами: 1) концепт «лень» является этноспецифичным для русской ментальности; 2) имеет неоднозначные толкования в современной лингвистике; 3) не изучен в языковом сознании жителей Приенисейской Сибири. Этноспецифика концепта «лень» в русской ментальности во многом обусловлена, на наш взгляд, его амбивалентностью. Неоднозначность представления концепта «лень» в русском ментальном сознании рассмотрена в работах Т. Мироновой, А.В. Зеленина, П.Ф. Каптерева, Е.А. Поповой.

В.И. Карасик и Т.В. Гоннова в работе «Социокультурные характеристики концепта “труд” в русском языковом сознании» отмечают, что концепт может рассматриваться не только как когнитивная структура, но и как мыслительная единица, обогащённая ценностными признаками [Гоннова 2003: 34]. В свете этого оказывается возможным изучение лингвокультурных концептов с применением методологии традиционной лингвистики, когнитивной лингвистики и психолингвистики. С помощью когнитивной лингвистики изучаются ментальные представления о концепте «лень» в русском языковом сознании, а средствами психолингвистики – индивидуальные представления об ассоциативном поле «лень» в языковом сознании жителей Приенисейской Сибири.

Источниками исследования в работе послужили данные 29 словарей русского языка разного типа, в том числе и диакронических (из них толковых словарей – 6, этимологических – 6, фразеологических – 2, диалектологических – 1, церковно-славянского, древне- и старорусского – 3, синонимов, антонимов и эвфемизмов – 7, ассоциативных – 2). Использование в исследовании материалов различных словарей от XI до XXI века продиктовано тем, что, являясь древним, концепт «лень» архетипизировался в русском языковом сознании и является частью вербальной памяти носителей русского языкового сознания. Семантико-когнитивное исследование концепта «лень» в русском языковом сознании проведено в соответствии с методикой, предложенной З.Д. Поповой и И.А. Стерниным [Попова, Стернин 2007: 160].

Слово «лень» этимологически восходит к глаголам «лечь», «лежать», является производящим для большого количества дериватов, имеющих значение «отношение к лежанию»: *лавка для лежания, приспособление для того, чтобы лечь*, и других [Шанский 1971: 238; Цыганенко 1989: 211]. Авторы большинства словарей в семантику слова «лень» вклю-

чают характеристики, относящиеся к темпу, скорости выполнения работы: медлительно, неспешно, вяло, тихо и т. д. Диапазон отношения к понятию «лень» достаточно широк: от резко отрицательного до вполне положительного, что находит отражение и на словообразовательном уровне (*лентяй, лентяйничать, лентяйство, ленивка, ленивый, лениться, леность, ленца, леноватый, ленивенький, полениться*).

Отметим также наличие значительного числа диалектизмов, производных от слова «лень»: *леньгас, ленгал, леньгарь, леньгусья, леньгуз, леньгузить, леньгосья*, что свидетельствует о значимости концепта «лень» для русского языкового сознания.

Анализ материала показал, что ядром концепта является значение «лень как явление (чувство) в отрицательной коннотации»; околоядерная зона содержит противоположное значение «лень как явление (чувство) в положительной коннотации». Можно предположить, что неоднозначность семантики выступает одним из смыслообразующих концепта, в том числе и определяющих его этноспецифичность.

Ближняя периферия концепта «лень» включает значения: приспособления для лежания; характер выполнения деятельности (темп, состояние и т. д.).

Дальняя периферия концепта «лень» содержит значения: выражение отношения к процессу (*лень работать*); лень как наречие (в значении каждый, всякий; *все кому не лень*); приготовленное более быстрым и менее трудоёмким способом кулинарное блюдо (*ленивые вареники*).

К крайней периферии концепта «лень» относятся значения: *лень-матушка, ленивец* (животное, названное так за ленивый образ жизни); *Ленко* как кличка-характеристика лошади (медлительный, ленивый, вялый).

Замечено, что интерпретационное поле концепта «лень» содержит в себе взаимоисключающие характери-

стики. Можно предположить, что это связано прежде всего с психологическими свойствами самого явления «лень», со всем спектром отношения к этому явлению: от лояльного и терпимого до осуждающего.

Прилагательное *ленивый* в проанализированных словарных статьях часто употребляется в названиях кулинарных блюд, приготовленных более быстрым и при этом менее трудоёмким способом: *ленивые щи, ленивые голубцы* и т. д. В данном случае имеем некое указание на явно рационализаторский характер, поскольку наблюдается стремление добиться тех же результатов при меньших затратах. Причем общее значение, которое несет лень в данном контексте, явно положительное.

Сопоставив результаты когнитивного исследования с данными психолингвистического эксперимента, мы можем сравнить ментальное и индивидуальное (региональное) в языковом сознании жителей Приенисейской Сибири на примере концепта «лень» (при анализе были использованы материалы Электронного ассоциативного словаря жителей Приенисейской Сибири (ЭАСПС) [react.ftn24.ru]).

Ядром ассоциативного поля «лень» являются реакции: *диван, спать, матушка*. В околядерную зону вошли реакции: *порок, вставать, безделье, учиться, усталость, работать, сон, плохо, лодырь, кровать, зло*. Периферию ассоциативного поля «лень» составили реакции: *учиться, усталость, работать, сон, плохо, кровать, счастье, вялость, враг, печь, полумрак, труд, тюлень, студент, нельзя, думать, несусветная, пиво, фу, скука, пассивность, ужас, придумана, слабость, лежать, моя, победа, состояние, медлительность, искоренить, подушка, ленивец, Обломов, тоска, утро, мечтать, плесень, ленивый, непросветная, хандра, грех, проблема, расслабление, дебил, о да, писать, делать уроки, всегда, борода, прогресс, есть, у ребенка, схо-*

дочь, работа, праздник, урок, кресло, Ленин, беспечность, потом, объяснить.

Заметим, что ядро и околядерная зона концепта «лень» в языковом сознании жителей Приенисейской Сибири частично совпадают с описанием концепта «лень», полученным при анализе словарных статей, что позволяет говорить о ментальном в языковом сознании жителей Приенисейской Сибири.

Индивидуальное в языковом сознании жителей Приенисейской Сибири проявляется в следующем:

1) стойкая ассоциация лени с предметом для лежания, идущая с древних времён [Фасмер 1987: 205], причём предмет-ассоциат – из реалий современного мира, названный заимствованным иноязычным заимствованием *диван* (франц.) [Фасмер 1986: 512];

2) признак, находящийся в периферийной зоне концепта «лень» в русском языковом сознании, в языковом сознании жителей Приенисейской Сибири входит в состав ядра: *матушка*;

3) отдельные характеристики концепта «лень», не нашедшие отражения в русском языковом сознании, но вошедшие в ассоциативное поле «лень» в языковом сознании жителей Приенисейской Сибири: *утро, полумрак, несусветная, непросветная; хандра, грех, проблема; думать, объяснить, мечтать; Обломов, Ленин; труд, работа; прогресс, победа; фу, о да; пиво; тюлень; плесень; debil; моя; враг; сон; печь; студент; нельзя, придумана; лежать; искоренить; ленивый; писать; борода, есть; у ребенка; праздник; урок; потом.*

Представление концепта «лень» в русском языковом сознании и поля «лень» в языковом сознании жителей Приенисейской Сибири содержит ряд противоречащих характеристик. Например, *плохо, зло, плесень – и счастье, прогресс, победа, расслабление.*

Концепт «лень» в русском языковом сознании – сложный концепт с широким диапазоном смыслов; однозначного толкования концепта «лень» в русском языковом сознании не существует, что свидетельствует о двойственном отношении русского народа к лени – от отрицательного до положительного, одобрительного.

В статье представлена попытка описания концепта «лень» в языковом сознании жителей Приенисейской Сибири. Однако, как отмечает А.А. Залевская, «...весьма наивной представляется вера некоторых исследователей в то, что якобы можно описать содержание некоторой языковой единицы в том виде, в каком она присутствует в сознании носителей языка... мы можем лишь *строить определенные предположения, модели и подобное* в отношении того, что не поддается прямому наблюдению» [Залевская 1990: 32]. З.Д. Попова и И.А. Стернин подчеркивают, что любая модель концепта – это лишь исследовательская модель, некоторое приближение к концепту как ментальной единице [Попова, Стернин 2007: 164].

В связи с этим нельзя считать исчерпывающей данную в рамках проведенного исследования характеристику концепта «лень» в языковом сознании жителей Приенисейской Сибири. Мы можем лишь полагать, что выявленные нами представления концепта «лень» в определенной степени приближены к действительности.

Опираясь на материалы исследования, можно обозначить следующие перспективы в изучении языкового сознания:

- изучение концептов, являющихся эквивалентными концепту «лень»: безделье, тунеядство, праздность, беспечность и т. д.;
- изучение концептов, являющихся антонимичными концепту «лень»: труд, работа и т. д.;

– более углубленное изучение русского языкового сознания и русской национальной культуры в целом.

Считаем также, что для полного анализа реализации концепта «лень» в русском языковом сознании следует изучить и историю вопроса, поскольку концепты нельзя рассматривать в отрыве от действительности, истории, быта народа, а также ряда смежных наук. Так, В.И. Карасик подчеркивает, что изучение национального характера через языковое сознание народа будет неполным, если не принимать во внимание данные, полученные в смежных науках – этнопсихологии и этносоциологии [Карасик 2002: 77].

Библиографический список

1. Гоннова Т.В. Социокультурные характеристики концепта «труд» в русском языковом сознании: дис. ... канд. филол. наук / под рук. проф. В.И. Карасика. Волгоград, 2003. 210 с.
2. Залевская А.А. Слово в лексиконе человека. Психолингвистическое исследование. Воронеж: Изд-во Воронежского унта, 1990. 205 с.
3. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена, 2002. 477 с.
4. Попова З.Д., Стернин И.А. Очерки по когнитивной лингвистике. Воронеж: Истоки, 2001. 191 с.
5. Попова З.Д., Стернин И.А. Когнитивная лингвистика. М.: АСТ: Восток-Запад, 2007. 314 с.
6. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. М: Прогресс, 1986. Т. 1. 576 с.
7. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. 2-е изд., стереотип. М.: Прогресс, 1987. Т. 3. 831 с.
8. Цыганенко Г.П. Этимологический словарь русского языка. 2-е изд., перераб. и доп. Киев: Рад. школа, 1989. 511 с.
9. Шанский Н.М. Краткий этимологический словарь русского языка. М.: Просвещение, 1971. 542 с.
10. Электронный ассоциативный словарь Приенисейской Сибири (ЭАСПС). URL: <http://react.ftn24.ru>

Н.В. Бизюков

Сибирский федеральный университет

**ТОТАЛИТАРНАЯ КОММУНИКАТИВНАЯ ПРАКТИКА
КАК СТРАТЕГИЯ ЯЗЫКОВОЙ МАНИПУЛЯЦИИ
(НА МАТЕРИАЛЕ СОВРЕМЕННОГО
ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА)**

В статье рассматривается явление языковой манипуляции в публицистическом дискурсе, показана тоталитарная коммуникативная стратегия как орудие провокации и политической пропаганды. Автор обрисовывает нетерпимость манипулятора к противным ему точкам зрения и процесс опровержения последних.

Манипуляция, манипулятивный потенциал, политическая лингвистика, публицистический дискурс, коммуникативная практика.

N.V. Bizyukov

Siberian Federal University

**TOTALITARIAN COMMUNICATIVE PRACTICE
AS LANGUAGE MANIPULATIVE STRATEGY
(ON THE MATERIAL OF CONTEMPORARY
MASS MEDIA DISCOURSE)**

The article deals with language manipulation in mass media discourse. Totalitarian communicative practice of mass media communication as means of provocation and politic propaganda is described. The author describes communicative irreconcilability of a manipulator with opposite points of view and shows how they are disproved.

Manipulation, manipulative potential, politic linguistics, mass media discourse, communicative practice.

По словам исследователя политической лингвистики А.П. Чудинова, «гуманитарные науки... очень отличаются от точных наук. В лингвистике... новая теория никогда не «фальсифицировала» прежнюю теорию. Существует скорее появление центров различных интересов, но не опровержение внутреннего устройства унифицированной

науки» [Чудинов 2009: 274]. К гуманитарным наукам относится история. Однако данный тезис к ней применить нельзя; фальсификация присутствует всегда. Особенно ярко искажение объективной действительности внутри страны или за рубежом обнаруживается при смене политического режима либо курса. Мощным орудием информирования широкой общественности выступает публицистический дискурс (далее – ПД), сочетающий в себе многообразие всего, подлежащего коллективному «усвоению». Сюда относятся: истинные факты, часто выставляемые заранее заданным образом, заведомо ложные сведения, а также (остающиеся вне поля зрения большинства потребителей информации) манипулятивные стратегии и приемы, обрабатывающие любую информацию по имеющемуся (всегда) государственному заказу.

Процесс переубеждения всех слоев населения – очень сложное явление, требующее от манипулятора теоретических и практических знаний в области истории, психологии, лингвистики. Авторы ПД широко применяют такие коммуникативно-манипулятивные стратегии, как:

- резкая оппозиция «свой – хорошо, чужой – плохо»;
- превозношение всеми способами «хорошего» и дискредитация любой ценой всего «враждебного».

Для эффективного достижения столь яркого разграничения используются соответственно тоталитарная и демократическая коммуникативные практики [Там же: 15].

В качестве примеров реализации тоталитарной практики в СМИ можно привести высказывания президента Турции Р.Т. Эрдогана о России: «...*На миротворческом форуме ООН в Баку Эрдоган косвенно обвинил Россию в поддержке «государственного терроризма» в Сирии. «В Сирии существует терроризм на государственном уровне. Более шести лет в Сирии гибнут мирные люди. Асад использует против своего народа танки и бомбы, убивает свой собствен-*

ный народ. Те, кто обеспечивает исполнителей террористических актов в Сирии оружием, поддерживают их, кладут под ноги террористов красную ковровую дорожку. Они наравне с террористами несут ответственность за то, что сейчас происходит в Сирии» [Клинический случай:...].

«Тоталитаризм» коммуникации мы видим в жесткости и категоричности заявлений, не допускающих никакого иного, кроме имеющегося, понимания сказанного; в единственно «верном» направлении информирования международной аудитории. За счет актуализации публицистическим дискурсом развернутой метафоры «*кладут под ноги террористов красную ковровую дорожку*», приобретающей в вертикальном и горизонтальном контекстном окружении резко отрицательную коннотацию, манипулятивный эффект высказывания усиливается, ввиду того что «...система метафорических моделей СМИ служит индикатором общественного состояния, мировидения общества даже в том случае, когда общество не отдает себе отчета в состоянии собственного сознания» [Чудинов 2009: 210, цит. по Будаев 2007: 368]. Нам неизвестно, была ли данная или похожая метафора в тексте оригинала, однако, учитывая перевод, в котором она есть, можно констатировать высокий уровень манипулятивного потенциала ПД. В последнем есть и явное указание на то, что обвинение в адрес России было непрямым: «...*Эрдоган косвенно обвинил Россию...*». В результате актуализируется интенсема [Туранский 1990: 33] виновности, поскольку косвенное обвинение в силу порождаемых им ассоциаций и намеков плодотворно воздействует на воображение получателей информации, чем оказывает более сильное манипулятивное воздействие, нежели прямое утверждение.

Очевидно, что предвзятое отношение к России в целом и отрицательная стереотипизация в частности являются характерными чертами политического стиля Р.Т. Эрдогана.

Его речевые манеры характеризуются стремлением к яркости и выразительности, ради достижения которых государственный деятель доходит до резкости, «находящейся на рубеже с вседозволенностью и политическим хамством» [Чудинов 2009: 23]. Наглядным примером последних двух черт являются заявления неизвестного представителя МИД Турции о России (фрагмент 1) и турецкого президента о политике России на Украине и в Крыму (фрагмент 2).

(1) *«Министерство иностранных дел Турции, как передают СМИ Азербайджана, 29 апреля поддержало позицию президента Турции насчет того, что России якобы не стоит говорить о геноциде армян. «Мы отвергаем и осуждаем определение „геноцид“, которое, вопреки всем нашим предупреждениям и обращениям, президент России Владимир Путин дал событиям 1915 года, – заявили во внешнеполитическом ведомстве Турции. – С учетом преступлений и массовых выселок народов, которые Россия осуществляла на Кавказе, в Средней Азии и в Восточной Европе в прошлом веке, мы полагаем, что Россия лучше знает, что такое геноцид и какова его правовая формулировка», – утверждает МИД Турции».*

(2) *«Это уже не первый раз, когда Россия использует слово „геноцид“ по этому поводу. Лично меня печалит, что Путин пошел на этот шаг», – заявил Эрдоган после возвращения из Баку. По словам турецкого президента, Россия сначала должна объяснить миру, что происходит в Крыму и на Украине, а потом уже употреблять слово «геноцид» по отношению к Турции. «Происходящее в Крыму и на Украине очевидно», – сказал Эрдоган».*

Фрагмент (1) содержит целый ряд показателей тоталитарной коммуникации, проявляющейся в агрессивном навязывании «единственно правильной» точки зрения. В одном только коротком фрагменте «С учетом преступлений и массовых

высылка народов, которые Россия осуществляла на Кавказе, в Средней Азии и в Восточной Европе...» проявляются сразу несколько манипулятивных приемов, демонстрирующих политическую коммуникативную вседозволенность:

1) показное вмешательство в чужую политику как средство отвлечения общественности от более актуальных проблем своей политики;

2) избирательность фактов и выставление их в выгодном манипулятору свете;

3) намеренное искажение истории своего и чужого государства;

4) открытое отрицание совершенного в прошлом преступления и беспочвенное обвинение политического противника в этом же правонарушении.

Однако фрагмент (1) содержит «ахиллесову пяту» всей манипулятивной стратегии – предикативную структуру *«мы полагаем»*. Будучи вписанной в контекст изначально либо как формула политкорректности, предназначенная снизить степень категоричности, либо как средство актуализации сем иронии, она способна свести на нет уверенность автора ПД в возможности обосновать свои обвинения в адрес России. В случае отсутствия этой уверенности заявление *«Мы отвергаем и осуждаем определение „геноцид“, которое, вопреки всем нашим предупреждениям и обращениям, президент России Владимир Путин дал событиям 1915 года»* теряет манипулятивный потенциал, поскольку раз уверенности в виновности России в геноциде нет и тем более нет никакого подтверждения – обвинения остаются пустыми словами. Манипулятору остается «полагать» и безуспешно перекладывать вину на других, пытаясь отрицать очевидное черное пятно истории своей страны.

Что касается фрагмента (2), то в нем содержится открытый намек на организацию и проведение Россией геноци-

да жителей Украины и Крыма, сочетающий констатацию заведомо ложного факта, безосновательное обвинение, а также то, что А.П. Чудинов именуется «раскрепощенностью, находящейся на рубеже с вседозволенностью и политическим хамством» [Чудинов 2009: 23].

Тоталитарная коммуникативная стратегия распространяется на заявления и действия России не только по отношению к Турции, Сирии, Украине и Крыму, но и к другим странам: Азербайджану (фрагмент 3) и Армении (фрагмент 4).

(3) *«В нынешней ситуации Россия не может открыто поддержать Армению, потому что имеет взаимовыгодные отношения и с Азербайджаном, – сказал Эрдоган. – С точки зрения территории, количества солдат и других возможностей Армению не сравнить с Азербайджаном. Азербайджан не похож на окружающие его страны. Ни на Грузию, ни на Украину. Россия не смогла добиться своего и в Украине. Она добилась своего только в Крыму, потому что крымских татар мало. Россия ведет себя неполиткорректно».*

Данный ПД содержит комбинированные обвинения: прямые – в неполиткорректности и косвенные:

– во-первых, в противостоянии исламу: *«Она добилась своего только в Крыму, потому что крымских татар мало».* Несмотря на явный тоталитарный стиль информирования массового читателя, в ПД присутствует и элемент с размытой семантикой – лексема *«своего»*, в данном контексте – слово-мифоген [Васильев 2012: 33]. Чего *«своего»* Россия добилась в одном месте и не достигла в другом, уточнения нет. Тем не менее принцип предвзятости налицо: автор ПД, не зная, о чем идет речь, заранее осуждает всё российское;

– во-вторых, в конъюнктурном поведении России: *«В нынешней ситуации Россия не может открыто поддержать Армению, потому что имеет взаимовыгодные отношения и с Азербайджаном, – сказал Эрдоган.* Более того,

в данном ПД присутствуют намеки на: а) намерение России агрессивно проводить свою внешнюю политику: «Россия не смогла добиться своего и в Украине», б) на проводимую ранее или в данный момент, причем неодобряемую автором ПД политику по отношению к Грузии и даже в) скрытые предупреждения об опасности не считаться с Азербайджаном: «С точки зрения территории, количества солдат и других возможностей Армении не сравнить с Азербайджаном. Азербайджан не похож на окружающие его страны. Ни на Грузию, ни на Украину».

(4) «Турецкий лидер также провел параллель между ситуацией в Крыму и на Украине и происходящим в Нагорном Карабахе. Азербайджанские СМИ отмечают, что в этом высказывании содержится «открытый месседж оккупанту», то есть Армении, и союзнику «оккупанта» – России».

Проведенная турецким президентом параллель есть факт предоставления международной аудитории объективных фактов с выгодной манипулятору стороны. Независимо от того, цитируют ли азербайджанские СМИ Р.Т. Эрдогана или сами являются автором рассматриваемого ПД, последний содержит необоснованные и очень серьезные (в том числе и в силу упомянутой выше косвенности) обвинения России как союзника оккупанта (Нагорный Карабах) и самого оккупанта (Украина и Крым). Манипулятивный потенциал ПД усиливается за счет введения в него англоязычного заимствования «месседж», выступающего в роли слова-мифогена: немотивированного в силу иноязычного происхождения и расплывчатого ввиду неясности, какой именно «message» был адресован Армении и России. В этом отношении трудно не согласиться с положительной чертой «жесткой регламентации» публицистического стиля советского периода, ограничивающего «поток заимствований» [Чудинов 2009: 19].

Тоталитарная коммуникативная стратегия также на Армению:

«Насчет Армении Эрдоган заявил, что она «играет с огнем». «В Турции около 100 тысяч армян. Из них около 50 тысяч не являются гражданами Турции. Мы хорошо обращаемся и с теми, кто не имеет права жить здесь. Мы показали свои хорошие намерения», – сказал президент Турции».

Данный ПД с содержащейся в нем фразеологической единицей *«играет с огнем»* актуализирует интенсему опасности и угрозы, потенциальную сему шантажа, а также открыто указывает на крайнюю нежелательность словом или делом выступать против Турции. В ПД присутствует и сема готовности турецкого государства начать преследование и притеснение армян, а фрагмент с расплывчатой семантикой *«...не имеет права жить здесь»* можно расценивать двояко: на первый план может выйти потенциальная сема дискриминации, депортации либо даже латентная сема геноцида. Здесь, как и в предыдущем фрагменте, в случае сознательного сокрытия, искажения сверху или же ненамеренного игнорирования внизу *«...разнообразных языковых, культурологических, социальных, экономических, политических, национальных и иных факторов»* [Чудинов 2009: 35] из дискурса неизбежно выпадут *«знания о мире, мнения, установки, цели адресата, необходимые для понимания текста»* [Караулов, Петров 1989: 8]. В итоге внеязыковое незнание ситуации, основанное на нехватке объективной информации, наличии или избытке заведомо ложных сведений, может сыграть свою немаловажную роль, в данном случае отрицательную. Результатом будет сильный манипулятивный эффект ПД на массовую аудиторию.

Тоталитарная коммуникативная практика характерна не только для ПД Р.Т. Эрдогана, но и П. Порошенко. Ни-

жеследующий фрагмент являет собой комментарий на русском языке действий «Первого канала РФ» касательно речи П. Порошенко о жителях Донбасса.

Важно отметить, что Порошенко говорит о нынешней ситуации на Донбассе, а не о возможной ситуации в будущем. Поэтому «Первый канал» не только вырвал слова из контекста, но и неточно перевел их. Порошенко говорит на украинском «У нас работа буде – у них немає. У нас пенсії будуть, у них немає» (то есть, нет сейчас). Поэтому в переводе на русский некорректно передавать это предложение как «У нас пенсии будут, у них – нет» (в этом случае в украинском варианте было бы «У нас пенсії будуть, у них – ні»), так как из-за такого манипулирования может действительно создаться ошибочное впечатление, что президент говорит о будущем времени – о том, что пенсий у жителей Донбасса якобы не будет в будущем [Ложь:...].

«Разоблачающий» антироссийский комментарий звучит неубедительно. Заявленное грамматическое корректирование может не только свести на нет «манипулятивные» действия «Первого канала», но даже вызвать обратный эффект, порочащий П. Порошенко. Нелогичность высказывания «у нас работа будет (в будущем), у них ее нет (в настоящем)» бросается в глаза, подобно алогичности армейской шутки «а в чье дежурство на кафедре сломали цветной раиоприемник, который я купил на свои государственные сбережения?». Почему у проукраинской части населения страны работа «будет», а не «есть», видимо, что-то не так, как хотелось бы? Можно сделать вывод, что П. Порошенко «перекommунцировал» самого себя.

В заключение стоит отметить, что тоталитарная коммуникативная стратегия при всей своей эффективности очень проста, поскольку автор ПД, будучи уверенным в своей

правоте или притворяясь таковым, морально и психологически снимает с себя всякую ответственность за сказанное и не отвлекается на восприятие иных точек зрения, полностью сосредотачиваясь на своей псевдокоммуникативной задаче [Бизюков 2016: 162].

Библиографический список

1. Бизюков Н.В. Явление речевой манипуляции как ложной коммуникации (на материале публицистического дискурса) // Вестник КГПУ. 2016. № 1 (35). С. 162.
2. Будаев2007:analiculturolog.ru/index.php?module=subjects&func=viewpage&pageid=368.
3. Васильев А.Д. Цели и средства игр в слова. Красноярск, 2012. С. 33.
4. [Клинический случай] Эрдоган: После «Украины и Крыма» Россия не имеет права говорить о геноциде армян. URL: <http://eadaily.com/ru/news/2016/04/29/erdogan-posle-ukrainy-i-kryma-rossiya-ne-imeet-prava-govorit-o-genocide-armyan>
5. Караулов Ю.Н., Петров В.В. От грамматики текста к когнитивной теории дискурса / ван Дейк Т. А. Язык. Познание. Коммуникация: пер. с англ. / Сост. В.В. Петрова; под ред. В.И. Герасимова; вступ. ст. Ю.Н. Караулова и В.В. Петрова. М.: Прогресс, 1989. С. 8.
6. Ложь: Петр Порошенко пообещал, что дети Донбасса будут сидеть в подвалах. URL:<http://www.stopfake.org/lozh-petr-poroshenko-poobeshhal-chto-deti-donbassa-budut-sidet-v-podvalah/>
7. Лучшие афоризмы: Армейские афоризмы – Smeshok.com. URL: <http://smeshok.com/main/humor/aforizms/army/index-00001.shtml>
8. Туранский И. И. Семантическая категория интенсивности в английском языке. М.: Высшая школа, 1990. 173 с.
9. Чудинов А.П. Современная политическая коммуникация: учебное пособие / отв. ред. А.П. Чудинов. Екатеринбург, 2009. 292 с.

Н.А. Бурмакина, Т.А. Богданова
*Красноярский государственный педагогический
университет им. В.П. Астафьева*

РЕАЛИЗАЦИЯ НОРМАТИВНОГО КОМПОНЕНТА В МОЛОДЁЖНОЙ МЕДИАСРЕДЕ

Статья посвящена анализу ошибок в черновых текстах сюжетов молодёжной программы г. Ачинска «ПРОдвижение». Говорится о реализации норм современного русского языка в медиасреде.

Культура русской речи, лингвистический анализ, филологический анализ текста, стилистика, язык СМИ.

O.N. Burmakina, T.A. Bogdanova
*Krasnoyarsk State Pedagogical University
named after V.P. Astafiev*

THE IMPLEMENTATION OF THE REGULATORY COMPONENT IN THE YOUTH MEDIA ENVIRONMENT

The article is devoted to the analysis of mistakes in the drafts of the scripts written for Achinsk youth program “PROdvizhenie” (PROMotion). Norms of the modern Russian language and their realization in media environment are also described.

Russian speech culture, linguistic analysis, philological analysis of the text, stylistics, media language.

Научные разработки в области культуры речи объективно отражают состояние лингвистической компетенции современных носителей языка. Особенно удачны в этом отношении исследования дискурса телевизионных СМИ, что делает актуальными исследования А.Д. Васильева и других лингвистов, занимающихся динамикой речетворчества. В работах А.Д. Васильева «Слово в телеэфире» и С.И. Сметаниной «Медиатекст в системе культуры» обозначены основные проблемы реализации нормативного компонента в масс-медиа, вопросы стилистики представлены в издании Л.Р. Дускаевой «Языково-стилистические изменения

в современных СМИ». Актуальность трудов этих учёных дает возможность филологам разрабатывать новые подходы к анализу текстов с учётом изменений в русском языке.

Нас интересуют типы речевых ошибок и нарушений коммуникативной компетенции. Кроме того, мы провели лингвостилистический анализ дискурса молодежных СМИ, а именно – разграничение и характеристику функциональных стилей.

В статье рассматривается возможность разработки базы заданий для школьников, направленных на устранение наиболее частотных ошибок при создании публицистических текстов, а также анализ и аккумуляция методических рекомендаций по данному вопросу. Основой для методической разработки стал анализ черновых вариантов текстов к сюжетам корреспондентов молодёжной программы «ПРОдвижение», которая начала свое вещание на телеканале «XXI Век» в 2008 г. в г. Ачинске Красноярского края. Концепция авторов передачи заключается в следующем: программу «молодежь делает для молодежи».

У нас была возможность увидеть «сырой» материал до того, как его проверит редактор. Работа телекомпании идет в оперативном режиме, и редактор, работающий сразу на два отдела: молодежной программы и новостей, далеко не всегда способен тщательно проверить предложенный текст. И если корреспонденты новостной программы, как правило, люди образованные – их черновые тексты содержат небольшое количество ошибок, то авторы «ПРОдвижения», в лучшем случае, заканчивают школу или только начинают получать высшее образование, что влияет на их работу.

Изучая такие тексты, мы обнаружили ошибки разных видов. В исследовании мы использовали временной принцип отбора. Нами проверены черновые тексты телевизионных сюжетов, самые ранние из которых датируются 2008 г.,

поздние – 2012 г. Всего исследовано 50 текстов, отобрано около 100 контекстов с ошибками на уровне лексики, морфологии, синтаксиса, стилистики и богатства речи.

Исследования позволили привести следующую статистику: 21 % нарушений норм приходится на лексический уровень, 23 % составляют синтаксические ошибки. Доля ошибок на уровне морфологии равна 14 %, стилистических ошибок всего 13 %. Наиболее частотны ошибки, связанные с богатством речи, – 29 %. Отметим, что такое явление, как тавтология, в исследованных текстах составляет 20 % от общего числа ошибок. На уровне лексики ошибки у авторов молодёжной программы «PROдвижение» возникают из-за незнания лексического значения слова или фразеологизма, особенности их сочетания с другими словами. В области синтаксиса в проанализированных текстах нами обнаружено восемь видов ошибок: пропуск одного из членов предложения, перенасыщение, незавершенность, смешение синтаксических конструкций, неверное употребление однородных членов предложения и др. На уровне морфологии чаще всего сложности вызывает употребление местоимений. Наиболее сложный вопрос для исследования – стилистические ошибки. Особое внимание в работе уделено такому понятию, как богатство речи. Для публицистических текстов стилистическое оформление играет далеко не последнюю роль. Но в дискурсе современных СМИ наблюдаются тенденции к уходу от стилевых и жанровых рамок. Как наиболее частую стилистическую ошибку в исследованных контекстах мы выделили смешение разностилевой лексики.

Современная публицистическая речь, наиболее полно реализующая себя на страницах газет, является первым письменным источником, отражающим общеязыковые тенденции. В их основе лежат различные политические, экономические и социальные процессы, влияющие на психологию масс.

По словам Л.Р. Дускаевой, «из всех функциональных стилей русского языка наиболее заметные изменения в последние полтора десятилетия зафиксированы именно в СМИ, что естественно и закономерно при учёте глобальных политико-социальных преобразований, происшедших в России с 1985 г.» [Дускаева 2006: 664]. С того времени появилось много работ, посвященных анализу разных аспектов публицистического стиля. Для публицистики новейшего времени характерно стилистическое многообразие, раскрепощённость речи в сторону снижения стиля. Процесс «экспансии» разговорной речи вплоть до просторечия и нелитературных языковых средств приобрёл интенсивность. Можно сказать, что изменилась стилевая норма публицистической речи, она сдвигается в сторону разговорности, раскованности и свободы. Средства массовой информации в значительной степени определяют нормы языка и общения, и тем более велика их ответственность за то, чтобы эти нормы отвечали лучшим культурным традициям.

Вследствие этих тенденций зарождается «заколдованный круг обращения языковых средств», который в работе «Слово в телеэфире. Очерки новейшего словоупотребления в российском телевидении» описал А.Д. Васильев. Авторы телевизионных высказываний говорят так, как «говорят все»; «все» же, то есть телезрители, находят в теледискурсе оправдание и поддержку собственному неряшливому словоупотреблению [Васильев 2000: 8].

Особенности лингвистического вкуса русского этноса в настоящее время отражают те изменения в языковой системе, которые мы пока оцениваем как разного рода отклонения и ошибки. Основные тенденции этих изменений можно наблюдать в тех связях, которые устанавливаются между формами языка, между языковыми единицами.

Поэтому, на наш взгляд, наиболее важно начать работу по подготовке молодых корреспондентов к созданию качественных и максимально правильных публицистических текстов.

Приведём наиболее яркий пример нарушения норм из проанализированных текстов. Этот контекст особенно интересен, потому что в нём сделано большое количество различных ошибок: «Еще о сюрпризах, придя отдохнуть в клуб, вас непременно будет ожидать зажигательная программа с элементами юмора, песен, танцев и яркого шоу, не стоит переживать и о музыке, она будет радовать слух для всех возрастов, поэтому уютно и комфортно, другими словами, в своей тарелке себя будут чувствовать как студенты, так и люди более старшего возраста». Эта синтаксическая конструкция сложна для понимания: «Смысловая неясность сложного предложения может возникать вследствие многословия, которое является одной из основных причин нечеткости синтаксической и смысловой связи внутри синтаксических конструкций, в том числе между главной и придаточной частями сложноподчиненного предложения» [Бельчаков 2008: 154]. В данном случае произошло объединение простых предложений в составе бессоюзного. Следует разделить эту синтаксическую конструкцию на более простые составные части. Кроме того, в этом предложении есть грубая ошибка в использовании деепричастного оборота: «...придя отдохнуть в клуб, вас непременно будет ожидать зажигательная программа с элементами юмора...». Получается, что отдыхать в клуб придет зажигательная программа. Ошибки этого предложения связаны с пропуском дополнения и контаминацией синтаксических конструкций: «...она будет радовать слух для всех возрастов...». В справочном пособии мы находим основание для правки: «Целевые отношения выражаются предлогами *для, за, в целях,*

с целью и др. В обычной речи употребляется предлог для + Р. п.» [Розенталь 2001: 599]. Значит, мы можем восстановить пропущенное дополнение: *радовать слух (кого?) людей; подходит для (чего?) всех возрастов*. На основе вышеизложенного материала мы можем сделать кардинальную правку: «Еще о сюрпризах. В клубе вас непременно будет ожидать зажигательная шоу-программа с юмором, песнями, танцами. Не стоит переживать и о музыке, она будет радовать слух людям всех возрастов. Уютно и комфортно себя будут чувствовать как студенты, так и старшее поколение». Как видно, в отредактированном варианте мы избавились еще и от фразеологизма «в своей тарелке». Употребление его здесь неуместно, во-первых, потому что он повторяет уже переданную в предыдущем словосочетании мысль и, во-вторых, относится к разговорному стилю, что не приветствуется в публицистическом тексте.

На наш взгляд, наиболее удачна в отношении культуры речи методическая разработка в учебно-методическом комплекте по русскому языку С.И. Львовой и В.В. Львова. Перенимая опыт авторитетных коллег, мы считаем возможным разработку ряда заданий на основе проанализированных материалов. Формулировки могут звучать следующим образом: построй предложение по образцу, объясни различие в значении заданных пар слов. Для расширения словаря школьника, а также для формирования навыка подбирать эпитеты, что является немаловажным при работе с текстом, могут быть предложены задания на подбор максимального количества прилагательных к одному существительному. С точки зрения лексики и лексической сочетаемости слов упражнения на выбор подходящего слова из пар слов-омонимов, паронимов или разностилевых синонимов являются наиболее эффективными. Задания на понимание значений фразеологизмов, употребление их в предло-

жении и тексте представляются нам важной частью работы над лексической грамотностью школьников.

Кроме того, ученику может быть предложена работа с текстом. Например: соотнесите слово со стилем речи, к которому оно относится; перепишите текст в определенном стиле. Во избежание самой частой ошибки при создании публикации – тавтологии – станут эффективными задания на подбор синонимов, а также разграничение их по стилистической окраске. Создание текста по образцу может стать эффективной работой для решения ряда проблем в области культуры речи.

На более поздних этапах обучения школьнику может быть предложена роль редактора, и он сам сможет выделить ошибки и предложить правку, а также пояснить ее. Финальным этапом обучения станет создание авторских текстов публицистического стиля разной тематической направленности.

Библиографический список

1. Анненкова И.В. Язык в современных СМИ в контексте русской культуры: попытка риторического осмысления // Русская речь. 2006. № 1. С. 69–78.
2. Богомолова Н.Н. Социальная психология массовой коммуникации: учеб. пособие для вузов. М.: Аспект-Пресс, 2010. 191 с.
3. Большой толковый словарь русского языка/ сост. и гл. ред. С.А. Кузнецов. 1-е изд. СПб.: Норинт, 1998. 864 с.
4. Бельчиков Ю.А. Практическая стилистика современного русского языка. М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2008. 424 с.
5. Васильев А.Д. Слово в телеэфире. Очерки новейшего словоупотребления в российском телевидении. Красноярск: КГПУ, 2000. 166 с.
6. Вишнякова О.В. Паронимия в русском языке: учеб. пособие для пед. вузов по спец. «Русский язык и литература». М.: Высш. школа, 1984. 128 с.
7. Головин Б.Н. Основы культуры речи: учеб. для вузов по спец. «Рус. яз. и лит.». 2-е изд., испр. М.: Высш. школа, 1988. 320 с.

8. Голуб И.Б. Стилистика русского языка. 9-е изд. М.: Айрис-пресс, 2007. 488 с.
9. Горбачевич К.С. Нормы современного русского литературного языка. 3-е изд., испр. М.: Просвещение, 1989. 208 с.
10. Дускаева Л.Р. Языково-стилистические изменения в современных СМИ // Стилистический энциклопедический словарь русского языка. М.: Флинта: Наука, 2006. С. 664–675.
11. Жуков В.П., Жуков А.В. Школьный фразеологический словарь. М.: Просвещение, 2009. 576 с.
12. Кожина М.Н. Стилистика русского языка: учеб. для студентов пед. ин-тов по спец. № 2101 «Рус. яз. и лит.». 3-е изд., перераб. и доп. М.: Просвещение, 1993. 200 с.
13. Костомаров В.Г. Наш язык в действии: Очерки современной русской стилистики. М.: Гардарики, 2005. 196 с.
14. Культура русской речи: учебник для вузов / Л.К. Граудина, Е.Н. Ширяев. М.: НОРМА-ИНФРА М, 1999. 560 с.
15. Львова С.И., Львов В.В. Русский язык. 7 класс: учебник для общеобразоват. учреждений: в 3 ч. 8-е изд., перераб. М.: Мнемозина, 2012. Ч. 1. 156 с.
16. Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка: ок. 100 000 слов, терминов и фразеологических выражений. 26-е изд., испр. и доп. М.: Оникс: Мир и образование, 1999. 944 с.
17. Ровинская Т. Методы воздействия СМИ на общественное сознание // Мировая экономика и международные отношения. 2008. № 6. С. 100–103.
18. Розенталь Д.Э. Справочник по русскому языку. Практическая стилистика. М.: ОНИКС XX век: Мир и образование, 2001. 381 с.
19. Сметанина С.И. Медиатекст в системе культуры (динамические процессы в языке и стиле журналистики конца XX века): научное издание. СПб.: Изд-во Михайлова В.А., 2002. 383 с.
20. Современный русский литературный язык: учебник / В.Г. Костомаров, В.И. Максимов. 2-е изд. перераб. и доп. М.: Юрайт, 2010. 916 с.
21. Солганик Г.Я., Дроняева Т.С. Стилистика современного русского языка и культура речи: учеб. пособие для вузов. 4-е изд., испр. М.: Академия, 2007. 256 с.

А.Д. Васильев

*Красноярский государственный педагогический
университет им. В.П. Астафьева*

**МЫ И ОНИ В ВЫСТУПЛЕНИИ В.В. ПУТИНА
НА МЮНХЕНСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ
ПО ВОПРОСАМ ПОЛИТИКИ БЕЗОПАСНОСТИ
10 ФЕВРАЛЯ 2007 ГОДА**

В статье рассматриваются экспликации универсальных семиотических оппозиций в тексте одного из выступлений В.В. Путина. Автор делает вывод об определенном своеобразии формулировок, присутствующих в выступлении.

Базовые ценности, универсальные семиотические оппозиции, политический дискурс.

A.D. Vasiliev

*Krasnoyarsk State Pedagogical University
named after V.P. Astafiev*

**US AND THEM IN SPEECH BY V.V. PUTIN
AT THE MUNICH CONFERENCE ON SECURITY
POLICY FEBRUARY 10, 2007**

The article deals with the explication of the universal semiotic oppositions in the text of one of the performances V.V. Putin. The author concludes that a certain originality formulations present in the speech.

Basic values, universal semiotic opposition political discourse.

Набор базовых ценностей этносоциума отхватывает довольно широкий диапазон концептуально значимых феноменов [Васильев, Васильева, Тимченко 2015]. В числе их весьма важное место принадлежит универсальной семиотической оппозиции *мы / они* (в иных модификациях также *свой / чужой, хороший / плохой* и т. п. [Иванов, Топоров 1965]). Это противопоставление неизбежно возникает в самых разных текстах. Оно же является неотъемлемой

частью политического дискурса, который вообще трудно себе представить без экспликаций названной оппозиции. Причем выбор лексико-фразеологических манифестаций членов оппозиции, и прежде всего ее второго компонента, относительно вариативен: это могут быть *стратегические партнеры, зарубежные коллеги*, а подчас даже и *друзья* (хотя легко догадаться, что последняя из приведенных номинаций очень слабо связана с реалиями политической действительности, об истории же в русском языке существительных *коллега* и *партнер* см. [Васильев 1993: 38–41; 54–56]). Кроме того, следует отметить, что политики далеко не всех стран используют эксплицированные автохарактеристики своих государств; конечно, можно встретить самооценки вроде *оплот мировой демократии, исключительная нация, защитники прав человека, носители общечеловеческих ценностей* и проч., но такие дифирамбы в собственный адрес не являются присущими речам многих деятелей, которые предпочитают выражать близкие им позиции гораздо более сдержанно. И в таких случаях используются риторически отточенные обороты, дипломатически скромно, но не конфронтативно-заостренно позволяющие публично демонстрировать иногда диаметрально противоположные подходы к путям и способам решения международных проблем.

Рассмотрим в качестве примера лексико-фразеологические выражения оппозиции *мы / они* в тексте выступления В.В. Путина на Мюнхенской конференции по вопросам политики безопасности 10 февраля 2007 года (источник – http://archive.kremlin.ru/appears/2007/02/10/1737_type63374_type63376type63377type63381type82634_118097shtml). Это выступление некоторые политики и политологи (прежде всего зарубежные) посчитали декларацией «жесткой позиции Кремля». Надо сказать, однако, что

и сам оратор в начале речи четко обозначил свои интенции и словесные способы их выражения. Об этом буквально было заявлено так: «Формат конференции дает мне возможность избежать “излишнего политеса” и необходимости говорить округлыми, приятными, но пустыми дипломатическими штампами. Формат конференции позволяет сказать то, что я действительно думаю о проблемах международной безопасности. Если мои рассуждения покажутся нашим коллегам излишне полемически заостренными либо неточными, я прошу на меня не сердиться – это ведь только конференция» (разрядка наша. – А.В.).

Для удобства и большей наглядности выделим лишь те микроблоки текста, которые позволяют сопоставить вербализации компонентов «мы» и «они», подаваемые иногда имплицитно, а иногда, что называется, «от противного»; иначе говоря, «своя» позиция подается в форме реакции на тезисы другой стороны либо в качестве контрпредложений. Далее размещаем их в порядке следования в тексте.

ОНИ: «Имею в виду идеологические стереотипы, двойные стандарты, иные шаблоны блокового мышления».

ОНИ: «... Что же такое однополярный мир? <...> Это мир одного хозяина, одного суверена. И это в конечном счете губительно не только для всех, кто находится в рамках этой системы, но и для самого суверена, потому что разрушает его изнутри».

МЫ/ОНИ: «Кстати говоря, Россию, нас постоянно учат демократии. Но те, кто нас учит, сами почему-то учиться не очень хотят».

ОНИ/МЫ: «... Сама модель [однополярного мира] является неработающей, так как в основе ее нет и не может быть морально-нравственной базы современной цивилизации».

ОНИ: «Односторонние, нелегитимные часто действия не решили ни одной проблемы. Более того, они стали генератором новых человеческих трагедий и очагов напряженности».

МЫ/ОНИ: «Сегодня мы наблюдаем почти ничем не сдерживаемое, гипертрофированное применение силы в международных делах...».

МЫ/ОНИ: «Мы видим все большее пренебрежение основополагающими принципами международного права. Больше того – отдельные нормы, да, по сути, чуть ли не вся система права одного государства <...> Соединенных Штатов перешагнула свои национальные границы во всех сферах <...> и навязывается другим государствам».

ОНИ: «В международных делах все чаще встречается стремление решить тот или иной вопрос, исходя из так называемой политической целесообразности...».

ОНИ: «Доминирование фактора силы неизбежно подпитывает тягу ряда стран к обладанию оружием массового уничтожения».

МЫ: «...Надо отталкиваться от поиска разумного баланса между интересами всех субъектов международного общения».

МЫ: «Открытость, транспарентность и предсказуемость в политике безальтернативны...».

ОНИ: «...Такие страны легко идут на участие в военных операциях, которые трудно назвать легитимными».

МЫ: «Убежден, единственным механизмом принятия решений по использованию военной силы как последнего довода может быть только Устав ООН <...>. В противном случае ситуация будет заходить лишь в тупик и умножать количество тяжелых ошибок».

МЫ: «Россия выступает за возобновление диалога по этому важнейшему вопросу [о разоружении]».

МЫ/ОНИ: «Россия намерена строго выполнять взятые на себя обязательства. Надеемся, что и наши партнеры будут действовать также транспарентно...».

МЫ: «Россия строго придерживается и намерена в дальнейшем придерживаться Договора о нераспространении ядерного оружия...».

МЫ: «...Нами подготовлен проект Договора о предотвращении размещения оружия в космическом пространстве».

МЫ/ОНИ: «Нас также не могут не тревожить планы по развертыванию элементов системы противоракетной обороны в Европе...».

ОНИ/МЫ: «Страны НАТО открыто заявили, что не ратифицируют Договор [об обычных вооруженных силах в Европе] <...> до тех пор, пока Россия не выведет свои базы из Грузии и Молдавии <...>. Мы готовы и дальше работать по этому направлению».

ОНИ/МЫ: «Получается, что НАТО выдвигает свои передовые силы к нашим государственным границам, а мы, строго выполняя Договор, никак не реагируем на эти действия».

МЫ: «Её [Берлинской стены] падение стало возможным и благодаря историческому выбору <...> народа России <...> в пользу демократии и свободы, открытости и искреннего партнерства со всеми членами большой европейской семьи».

МЫ: «Мы однозначно выступаем и за укрепление режима нераспространения».

МЫ: «...Россия выступила с инициативой создания многонациональных центров по обогащению урана».

МЫ/ОНИ: «Мы ведем консультации с нашими американскими друзьями».

МЫ: «Мы открыты для сотрудничества <...>. Мы готовы честно конкурировать».

ОНИ: «...Давайте называть вещи своими именами: получается, что одной рукой раздается «благотворительная помощь», а другой – не только консервируется экономическая отсталость, а еще и собирается прибыль».

ОНИ: «ОБСЕ пытаются превратить в вульгарный инструмент обеспечения внешнеполитических интересов одной или группы стран в отношении других стран».

МЫ: «Россия – страна с более чем тысячелетней историей, и практически всегда она пользовалась привилегией проводить независимую внешнюю политику. Мы не собираемся изменять этой традиции и сегодня».

МЫ/ОНИ: «...Конечно, нам бы также хотелось иметь дело с ответственными и тоже самостоятельными партнерами, с которыми мы вместе могли бы работать над строительством справедливого и демократического мироустройства, обеспечивая в нем безопасность и процветание не для избранных, а для всех».

Некоторые выводы

1. Универсальная семиотическая оппозиция *мы/они* (*свой/чужой, хороший/плохой* и иные модификации) является чрезвычайно устойчивой, можно даже сказать – имеющей непреходящий характер, поскольку выступает как одна из определяющих базовые ценности этносоциума.

2. Указанная оппозиция постоянно присутствует в политическом дискурсе, о чем свидетельствует и рассмотренный нами текст, несмотря на содержащиеся в нем неоднократные упоминания о давнем завершении «холодной

войны» как долголетнего взаимного противостояния глобального масштаба.

3. Можно сказать, что использованные российским президентом формулировки для выражения собственных позиций, а с другой стороны – позиций иных государств довольно сдержанны в риторическом отношении и почти не включают в себя сколько-нибудь радикальных инвектив.

4. Однако политическая заостренность данного выступления все-таки имеет место, хотя и выражается довольно корректно, вроде: «шаблоны блокового мышления», «нелегитимные действия», «гипертрофированное применение силы», «пренебрежение принципами международного права» и проч.

5. Небезынтересно отметить, что при аргументации своей позиции оратор обращается не только к положениям международного права, упоминая о ряде действующих документов (например, об Уставе ООН и договорах между государствами), но также, что несколько необычно для текста такого жанра, и к области этических ценностей, заявляя, в частности о том, что модель однополярного мира не имеет в своей основе «морально-нравственной базы современной цивилизации». Правда, о том, что представляет собою эта «морально-нравственная база», в данном выступлении не сообщается.

Библиографический список

1. Васильев А.Д. Судьбы заимствований в русской лексике. Красноярск, 1993. 92 с.
2. Васильев А.Д., Васильева С.П., Тимченко А.Г. Этнокультурное сознание и самосознание сибиряка, отраженное в языке. Красноярск, 2015. 204 с.
3. Иванов Вяч. Вс., Топоров В.Н. Славянские языковые моделирующие системы. М., 1965. 246 с.

А.Д. Васильев, В.А. Карлина
*Красноярский государственный педагогический
университет им. В.П. Астафьева*

**ИНОЯЗЫЧНЫЕ ГРАФИЧЕСКИЕ ВКРАПЛЕНИЯ
В НАЗВАНИЯХ КРАСНОЯРСКИХ ПРЕДПРИЯТИЙ
КАК ОТРАЖЕНИЕ ИЗМЕНЕНИЯ
ЦЕННОСТНЫХ ОРИЕНТАЦИЙ**

Работа посвящена вопросу использования иноязычных графических вкраплений (полной или частичной транслитерации с кириллицы на латиницу) в названиях красноярских предприятий, предположительно являющихся результатом ведения активной языковой политики.

Ценностные предпочтения, языковая политика, кириллица, латиница, транслитерация.

A.D. Vasiliev, V.A. Carlina
*Krasnoyarsk State Pedagogical University
named after V.P. Astafiev*

**THE FOREIGN GRAPHIC BLOTCHES IN THE TITLES
OF THE KRASNOYARSK ENTERPRISES**

The work is devoted to the use of foreign-language graphic insertions (total or partial transliteration from Cyrillic to the Latin alphabet) in the names of the Krasnoyarsk enterprises, presumably resulting from the active conduct of the language policy.

Value preferences, language policy, Cyrillic, Latin transliteration.

В последние десятилетия в результате развития глобализации заметно выросло употребление иноязычной (преимущественно английской) лексики во всех сферах нашей жизнедеятельности. Успех проникновения заимствованных единиц в русскую речь во многом объясняется существованием давно известного стереотипа о том, что всё иностранное превосходит русские аналоги: от словарного состава языка до потребительских товаров [Васильев 2013: 57; 103–

* Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ и Красноярского краевого фонда поддержки научной и научно-технической деятельности. Проект «Базовые ценности регионального языкового сознания русских Приенисейской Сибири № 16-14-24003.

134]. Поэтому и в настоящее время распространено применение иностранных слов в качестве названий российских предприятий, используемое для того, чтобы создать мнимый престиж, заявить о высоком качестве своей продукции.

Одним из способов создания наименований, предположительно повышающих потребительский спрос, является полная или частичная транслитерация названия предприятия с кириллицы на латиницу.

В конце 1980 – начале 1990-х гг. зародилась тенденция использования в некоторых русских словах букв латинского алфавита. В это время население уже было достаточно образованно, чтобы читать «смешанную грамоту». Однако контаминация кириллицы и латиницы в названиях торговых марок, музыкальных групп и т. д. использовалась без существенных на то причин, не имела информативной функции, а также вызывала естественное недопонимание.

Т.М. Григорьевой [Григорьева 2004: 238 – 243] отмечены следующие способы внедрения в русский письменный текст элементов иноязычных систем:

- отсутствие транслитерации иноязычных названий, вхождение их в текст в исконном виде;
- транслитерация русских названий посредством латинского алфавита;
- соседнее расположение русских и иноязычных слов;
- внедрение латиницы в русский текст – гибрид в пределах слова;
- внедрение латиницы в русское слово, сопровождающееся нарушением словообразовательной модели и разрушением присущего ему графического облика;
- включение словокомпонента, предполагающего высокую продуктивность.

Иноязычные вкрапления в настоящее время активно используются при наименовании различных красноярских предприятий. Вероятно, при этом создатели руковод-

ствуются разнообразными рекомендациями по наименованию организаций, представленными в Интернете [9]. Присвоение иностранных слов и включение частей слов в названия предприятий используются для того, чтобы создать мнимый престиж, заявить о качестве продукции. Считается, что название должно быть ярким, иметь позитивные ассоциации. Совмещение кириллицы и латиницы позволяет получить уникальное, не существовавшее ранее название, что повышает эффективность поиска предприятия в Интернете. Иноязычные графические вкрапления помогают также оригинально визуализировать название бренда.

Среди названий красноярских предприятий были выявлены случаи использования иноязычных вкраплений, которые мы разделили на следующие группы.

Сочетание русских и английских слов/их элементов, встречающееся в а) названиях заведений общественного питания, магазинов, службы доставки еды (ресторан «Океан Grill», дисконт-бар «The Градус», гастрономический театр «Скрипка», гриль-бар «ШашлыкоFF», гриль-бар «Братья Grill», ресто-клуб «Саяны Royal», магазин разливного пива «BeerЛога», магазин японской кухни «Суши Wok», кафе «Пауза», столовая «Повар'ОК», служба доставки суши «Суши SELL», кафе «КиноCAFE», суши-бар «Ролл & FILS», служба доставки пиццы «Махі Пицца»; б) в названиях баров, клубов (ночной клуб «Зажигалка», караоке-клуб «Play-Пой», бар «BEERлога»); в) в названиях гостиниц (гостиничный комплекс «Веелого», гостиничный комплекс «Sky Центр», квартирное бюро «BelЭтаж», хостел «Art Hostel», гостиница «Абрикос City»; г) автосервисов (автокомплекс «АвтоR», автомобильная мастерская «Disk сервис», автосервис «Светофор», автотехцентр «AutoБавария»).

Написание английских слов на кириллице, встречающееся в а) названиях заведений общественного питания, магазинов, службы доставки еды (чайно-молочный бар «Милки

Микс», столовая «Сити Фуд», кафе «Рэд Чили»); б) в названии бара: «Бэнди»; в) в названии гостиничного комплекса: «Аква-лайф».

Русские слова, написанные на латинице, встречающиеся в а) названиях заведений общественного питания, магазинов, службы доставки еды (служба доставки суши «RiS», ресторан доставки суши «Farfor», ресторан доставки пиццы «Olivka», кафе быстрого питания «WkusnO», кофейня «Café Terrasa», кафе «VERANDA», кафе «ALLIGATOR»); б) в названиях баров, клубов (бар «MOLOKO», ночной клуб «OBLAKA»); в) в названии гостиницы: «Posutka.com»).

Таким образом, можно заметить, что вкрапление латиницы характерно прежде всего для названий развлекательных заведений, чью целевую аудиторию составляет молодежь, ценности которой ориентированы на новизну, моду, а также люди среднего класса и выше, выбирающие некий престиж, чтобы подчеркнуть свой социальный статус.

Проблема иноязычных вкраплений в названиях красноярских предприятий актуальна и требует дальнейшего глубокого изучения.

Библиографический список

1. Васильев А.Д. Игры в слова. Манипулятивные операции в текстах СМИ. СПб., 2013. 660 с.
2. Васильев А.Д. Слово в российском телеэфире. Очерки новейшего словоупотребления. М., 2003. 224 с.
3. Васильев А.Д., Веренич Т.К. Динамика деэкзотизации заимствований в научно-лингвистическом и обыденном языковом сознании. Красноярск, 2005. 247 с.
4. Григорьева Т.М. Три века русской орфографии (XVIII–XX вв.): исторический очерк. М.: Эллис, 2004. С. 238 – 243.
5. Дешериев Ю.Д. Языковая политика. Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990. С. 616.
6. Швейцер А.Д. Вопросы социологии языка в современной американской лингвистике. М.: Наука, 1971. 104 с.

7. Шелестюк Е.В. Лингвокультурный аспект языковой политики // Вестник Челябинского государственного университета. 2012. Филология. Искусствоведение. Вып. 72. С. 72–81.
8. Naugen E. Planning for standard language in modern Norway. *Anthropol. Ling.*, 1959. P. 8–21.
9. Николай Шмидт. Как придумать красивое название фирмы или компании. URL: <http://kakzarabativat.ru/voprosi-otveti/kak-pridumat-nazvanie-firmy-ili-kompanii/>

С.П. Васильева

*Красноярский государственный педагогический
университет им. В.П. Астафьева*

**АССОЦИАТИВНОЕ ПОЛЕ ДУРАК
В ЦЕННОСТНОМ АСПЕКТЕ (ПО РЕЗУЛЬТАТАМ
МАССОВОГО АССОЦИАТИВНОГО ЭКСПЕРИМЕНТА
В ПРИЕНИСЕЙСКОЙ СИБИРИ)***

В работе даётся структурный и семантический анализ ассоциативного поля ДУРАК (от реакции к стимулу) в региональном и российском языковом сознании, выявляются различия в смысловой структуре поля и ценностных ориентирах сибиряков.

Ассоциативный словарь, ассоциативное поле, ценностный аспект, Приенисейская Сибирь, дурак.

S.P. Vasileva

*Krasnoyarsk State Pedagogical University
named after V.P. Astafiev*

**ASSOCIATIVE FIELD FOOL IN VALUE ASPECT
(BASED ON THE MASS OF THE ASSOCIATION
EXPERIMENT IN SIBERIA YENISEY)**

In the work is given the structural and semantic analysis of the associative field FOOL (the reaction to the stimulus) in the regional and Russian language consciousness, revealed differences in the structure of semantic fields and values Siberians.

Associative Dictionary, associative field, the value aspect, the Yenisei Siberia, fool.

* Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ и Красноярского краевого фонда поддержки научной и научно-технической деятельности. Проект «Базовые ценности регионального языкового сознания русских Приенисейской Сибири № 16-14-24003.

Языкознание как наука общественная в процессе своего развития интегрирует с другими сферами знания о человеке и обществе, образуя комплексные дисциплины, основанные на принципах антропоцентризма: психолингвистика, когнитивная лингвистика, политлингвистика, этнолингвистика, лингвокультурология, в сферу интересов которых входит аксиологическая проблематика, ценностные характеристики жизненного опыта этноса, включающие регулятивную составляющую, определяющую вектор развития социума. «Оценочное измерение картины мира и дискурса определяется жизненным миром человека и общества, находящихся в процессе освоения / присвоения мира и, как следствие, непрерывном поиске своей идентичности, первооснов и смыслов бытия в «потоке жизни» в направлении от пережитого (актуального) к ожидаемому (потенциальному) и в экзистенциальной совмещенности данных векторов» [Серебренникова 2011: 7].

По сути дела, система ценностей – это система предпочтений, накопленных предшествующим опытом поколений носителей языка. «Мы расчлняем природу в направлении, подсказанном нашим родным языком. Мы выделяем в мире явлений те или иные категории и типы совсем не потому, что они (эти категории и типы) самоочевидны; напротив, мир предстает перед нами как калейдоскопический поток впечатлений, который должен быть организован нашим сознанием, а это значит в основном – языковой системой, хранящейся в нашем сознании» [Уорф 2003: 209].

Обращение к материалам массового ассоциативного эксперимента, зафиксированного в электронной базе данных «Электронный ассоциативный словарь Приенисейской Сибири» [ЭАСПС], позволяет реализовать идею видения ассоциативного поля как текста. Устанавливая смысловые связи меж-

ду стимулом и ассоциациями, можно увидеть в них не просто список, а ценностные установки и векторы деятельности сознания. При этом в работе остается важной принятая система стратегий ассоциирования в ассоциативном поле, при которой, как правило, выделяется ядро на основе частотности реакций, и периферия [Васильева 2015: 214].

В данном случае выбор ассоциативного поля ДУРАК не случаен: 1) это слово отмечено Н.В. Уфимцевой в составе ядра русского языкового сознания [Уфимцева 2003: 143–144]; 2) «Культурная обусловленность концепта «дурак» делает его специфической лингвокультуремой, содержание которой полностью выявляется только при погружении концепта в национальную русскую культуру. Мифологическая и идейная трактовки концепта «дурак», сопровождающиеся положительной аксиологической оценкой, являются высокочастотными в русской речи» [Бусурина 2005].

Исследуя лингвокультурему «дурак», Е.В. Бусурина определяет три модели ментального представления «дурака»: мифологическую, идейную и бытовую. Первая модель: «дурак – добрый, нравственный человек, который награждается удачей и счастьем»: Иванушка-дурачок; данная модель связана с известным фольклорным образом «дурака» в русской волшебной сказке». Вторая модель: «дурак – обличитель пороков и социальных несправедливостей: шут, юродивый». Эта модель сложилась в результате смыслового взаимодействия концепта «дурак» в русской ЯКМ с феноменами юродства и социального института шутовства». Третья модель: «дурак – глупый человек». В последнее десятилетие в содержательной структуре лингвокультуремы «дурак» значительно усилилась потребность в актуализации семантического признака ‘отступления от нормы, связанные с ситуацией обмана’, что выразилось в появлении соответствующего

ющих номинаций и их частотном употреблении (напр., лохануться, лохотрон), в явлениях структурно-семантической деривации (например, дурить ‘обманывать’, дурка, дурилка ‘то, с помощью чего дурят, обманывают’) [Бусурина 2005].

М.Н. Черкасова в статье **«К вопросу о фрейм-слововой структуре концепта «дурак»** отмечает хождение этого слова на Руси как имени собственного: «Собственное имя Дурак зафиксировано в документах Древней Руси с 1495 года и выполняло не только номинативную функцию, но и магическую, функцию оберега» [Черкасова 2011: 80]. Исследователь приводит целый перечень авторов, обращавшихся к лингвокультуре «дурак»: это исследователи языка и фольклора: *Синявский А.Д.* Иван-дурак. Очерк русской народной веры [Синявский 2001], толковые и этимологические словари: *Черных П.Я.* Историко-этимологический словарь современного русского языка [Черных 2002], *Иванов В., Топоров В.* Иван Дурак. Мифологический словарь [Иванов, Топоров 1990], *Жуков В.П.* Словарь русских пословиц и поговорок [Жуков 1993]. Все исследователи отмечали парадоксальность, уникальность и многослойность образа и концепта, на основании чего В.А. Маслова сочла концепт «дурак» «одним из ключевых концептов русской культуры, так как «за словом «дурак» стоит мир образов, представлений, система ценностных установок, метафор» [Маслова 2007: 171; цит. по: Черкасова 2011: 75].

В данном исследовании представлена попытка выявить в смысловой структуре ассоциативного поля ДУРАК «от реакции к стимулу» ценностные ориентиры сибиряков.

В ассоциативном поле ДУРАК (ЭАСПС) представлено 113 стимулов к реакции «дурак»: *Иван 28, глупый 10, безрассудный 9, отсталый 5, тупой 4, странный 3, непредсказуемый 3, умный 3, бездельник 3, безответственный 3, на-*

дутый 2, лодырь 2, современный 2, застенчивый 2, великодушный 2, пьяный 2, высокомерный 2, подлец 2, начальник 1, президент 1, гордый 1, покорный 1, Горбачев 1, дурак 1, упрямый 1, ограниченный 1, веселый 1, агрессивный 1, богач 1, смелый 1, романтик 1, царь 1, оптимизм 1, предприимчивый 1, шутка 1, несчастный 1, лживый 1, свистеть 1, честный 1, наверно 1, изменчивый 1, спор 1, вор 1, почти 1.

Рассмотрим формально-грамматическую структуру поля.

Таблица 1

Формально-грамматическая структура поля ДУРАК

Без учета частоты	С учетом частоты
имен существительных – 15 – 13 %	имен существительных – 46 – 40,5 %
имен прилагательных – 95 – 84 %	имен прилагательных – 64 – 56,5 %
глаголов – 1 – 0,9 %	глаголов – 1 – 0,9 %
наречий – 2 – 2,1 %	наречий – 2 – 2,1 %

В колонке «с учетом частоты» расхождение в качественных и смысловых характеристиках стимулов, вызвавших реакцию ДУРАК, небольшое.

Имена существительные: *Иван* 28, *бездельник* 3, *лодырь* 2, *подлец* 2, *начальник* 1, *президент* 1, *Горбачев* 1, *дурак* 1, *богач* 1, *романтик* 1, *царь* 1, *оптимизм* 1, *шутка* 1, *спор* 1, *вор* 1 (46).

Среди стимулов-существительных, так же, как и в ассоциативном поле в целом, преобладает имя собственное *Иван*, составляющее 24,78 % от всех полученных единиц.

Как было отмечено другими исследователями, в имени *Иван* реализуется мифологическая модель представления ДУРАКА в русских сказках от Иванушки-дурачка до Ивана-царевича, тот образ, который отличается амбивалентностью: «простодушный, незлобивый человек, которо-

му в конце-концов повезет». Иванушка-дурачок – любимый сказочный персонаж, ибо «...торжество зла несовместимо с нравственными идеалами сказки» [Синявский 2001: 25].

Намного менее частотны в характеристике Дурака пейоративы *бездельник 3, лодырь 2*, которые оценивают первоначальное состояние сказочного персонажа до действия волшебных сил. На периферии поля единичные *романтик и оптимизм* – связанные с внутренним, еще не проявленным или неочевидным посылом Дурака.

Стимулы *подлец и вор* вызвали реакцию «дурак» потому, что несут сему «недостаток ума». Так же оцениваются власть предрежащие: *начальник 1, президент 1, Горбачев 1, богач 1, царь 1*. Слово *шутка* напоминает образ шута, несущего образ правды, закамуфлированный под сумасшествие. *Спор* оценивается негативно как непродуктивное явление, возможно, содержащее агрессию.

Имена прилагательные подразделяются на положительные и отрицательные определения Дурака. Положительные: *умный 3, современный 2, великодушный 2, гордый 1, веселый 1, смелый 1, предприимчивый 1, честный 1* поддерживают мифологический образ сказочного Дурака. Вместе с именем *Иван* они составляют 35, 3 %.

Прилагательные с негативной оценочностью: *глупый 10, безрассудный 9, отсталый 5, тупой 4, странный 3, непредсказуемый 3, безответственный 3, надутый 2, застенчивый 2, пьяный 2, высокомерный 2, покорный 1, упрямый 1, ограниченный 1, агрессивный 1, несчастный 1, лживый 1, изменчивый 1* реализуют бытовую модель «недостаток ума», представленную 46 %.

Для того чтобы ответить на вопрос о динамике смыслов ментального образа ДУРАК, сравним ядерную зону ЭАСПС (2016) и РАС (1998).

Таблица 2

Ядерная зона ассоциативного поля ДУРАК

№	РАС в %		ЭАСПС в %	
1	безмозглый	6,87	Иван	24,78
2	балбес	4,53	глупый	8,85
3	набитый	2,84	безрассудный	7,96
4	абсолютный	2,02	отсталый	4,42
5	Иван	2,02	тупой	3,54
6	пустоголовый	1,91	странный	2,65
7	глупый	1,85	непредсказуемый	2,65
8	надутый	1,42	умный	2,65
9	дебил	1,25	бездельник	2,65
10	полнейший	1,04	безответственный	2,65

Ядерная зона представлена самыми частотными стимулами. Совпадение только одно: Иван – в РАС имя представлено 2,02 %, а в ЭАСПС – 24,78 %.

Среди других слов ядерной зоны РАС нет ни одного положительного. В ЭАСПС на восьмом месте в десятке стимул *умный* (2,65 %), демонстрирующий противоречивую природу исследуемого образа: умный дурак.

Подводя итоги анализа ассоциативного поля ДУРАК, отметим следующее.

1. В ассоциативном поле ДУРАК от «реакции к стимулу» (ЭАСПС) отражена противоречивая, двойственная природа этого ментального образа.

2. Смысловое содержание ассоциативного поля ДУРАК свидетельствует о репрезентации в языковом сознании сибиряков двух моделей образа ДУРАКА: мифологической и бытовой. Первый представлен в количественном отношении 35, 3 % единиц, второй – 46 %.

3. В сравнении с общерусскими данными (РАС, 1998) образ ДУРАКА в языковом сознании сибиряков мифологизирован в большей степени, бытовая модель ориентирована на *умного ДУРАКА, современного, великодушного, гордого, веселого, смелого.*

Библиографический список

1. Бусурина Е.В. Дурак // Антология концептов / под ред. В.И. Карасика, И.А. Стернина. Волгоград: Парадигма, 2005. Т. 2. 356 с.
2. Васильева С.П. «ВЕРА», «НАДЕЖДА», «ЛЮБОВЬ» в языковом сознании сибиряков Приенисейской Сибири // Вестник КГПУ им. В.П. Астафьева. 2015. № 2 [32]. С. 214–220.
3. Васильева С.П., Васильев А.Д., Шибяев М.В. Электронный ассоциативный словарь Приенисейской Сибири (ЭАСПС). URL: <http://react.ftn24.ru/statistic>
4. Иванов В., Топоров В. Иван Дурак. Мифологический словарь. М.: Сов. энцикл., 1990.
5. Жуков В.П. Словарь русских пословиц и поговорок. М.: Рус. яз., 1993.
6. Серебренникова Е.Ф., Антипов Н.П., Викулова Л.Г., Ладыгин Ю.А. и другие // Лингвистика и аксиология: этносемиотика ценностных смыслов: коллективная монография. М.: Тезаурус, 2011. 352 с.
7. Синявский А.Д. Иван-дурак. Очерк русской народной веры. М., 2001.
8. Уорф Б.Л. Наука и языкознание // Языки как образ мира. М.-СПб.: Terra Fantastica, 2003. 576 с.
9. Уфимцева Н.В. Этнокультурная специфика языкового сознания. М., 2003. Изд. 2-е. 256 с.
10. Черкасова М.Н. К вопросу о фреймо-слотовой структуре концепта «дурак» // Вопросы когнитивной лингвистики. 2011. № 4 (029). С. 74–82.

Т.М. Григорьева

Сибирский федеральный университет

ИЗ ИСТОРИИ РУССКОЙ ЭПИСТОЛЯРНОЙ КУЛЬТУРЫ

В работе представлены основные вехи истории русской эпистолярной культуры от Древней Руси до современности. Выявляются некоторые негативные проявления современного электронного письма.

Эпистолярный жанр, письмовники, общение в Глобальной сети.

T.M. Grigorieva

Siberian Federal University

FROM THE HISTORY OF THE RUSSIAN EPISTOLARY CULTURE

The main stages of the Russian epistolary culture from the Russian middle ages to contemporaneity are presented. Some negative manifestations of the modern electronic letters are revealed.

Epistolary genre, samples of the letters, communication in the global network.

Эпистолярный жанр как особая форма словесности своими корнями уходит в далекое прошлое. Со времен Античности искусство создания письма подчинялось четким требованиям стиля, соответствовало требованиям краткости и точности изложения. В работе «Античные теории эпистолярного стиля» Т.А. Миллер приводит фрагмент рассуждения римского ратора IV в. Юлия Виктора о первостепенном значении фактора адресата при создании письма: «Пусть письмо не будет шутливым, если оно пишется лицу вышестоящему, грубым – если равному, надменным – если подчиненному, неряшливо написанным – если ученому, невнимательно составленным – если неученому, пусть оно не будет состоять из избитых выражений, если пишется самому близкому человеку, если же менее близкому, то пусть не будет недружелюбным... У древних было заведено пи-

сать собственноручно тем, кто нам особенно дорог, или делать пространную подпись... Приятно добавить к письму что-либо по-гречески, если это к месту и не очень часто. Весьма удобно вставить небезызвестную пословицу или часть стиха» [Миллер 1967: 20–21].

В Древней Руси, которая унаследовала христианскую духовную эпистолярную традицию, письма являлись своеобразными посланиями с их главным назначением – *увещевание, поучение и проповедь*.

Своеобразным жанром эпистолярной культуры были берестяные грамоты – письма из прошлого, представляющие жизнь средневекового человека, написанные на внутренней стороне отделенного слоя березовой коры – бересте. В них соблюдались такие формы делового письма, как указание адресанта и адресата, приветствие и прощание – *Поклон от Грикшии к Есифу; От Гостиаты к Васильви; От Тереньтея к Михалю* и др. [История ... 1989: 26–29].

В допетровский период создавались письмовники – собрания образцовых официальных и неофициальных, светских и духовных посланий с характерными для них экстралингвистическими характеристиками адресата или предмета речи (к князю, к властелину, ко игумену, к брату; послание за вину, избрано от святых книг; к другу в полк, к старцу в обитель, непостоянну другу с посмехом и др. (см. об этом: [Зуева 2011], а также [Демин 1963]).

В 1708 г. Московский печатный двор издал переведенную с немецкого книгу «Приклады како пишутся комплименты разные на немецком языке, то есть писания от патентатов к патентатам поздравительные и сожалительные, такожде между сродников и приятелей». Это первый русский печатный письмовник, содержащий образцы разнообразных писем, в том числе «звательных», «пригласительных», «благодарственных», «заступительных», «утешитель-

ных» и др. Печаталась книга по прямому повелению «благочестивейшего великого Государя Царя и великого князя Петра Алексеевича, всея великия, и малые, и белыя России самодержца». «Приклады» впервые вводили обращение к адресату на «Вы», как в немецком, и содержали образцы писем, специально адресованных «женскому полу». В библиотеке Петра были книги («Формуляры, как пишут челобитные конклюдии и грамотки в Голландии», «Форма немецкая, как писать грамотки»), которые вводили светский политес на европейский манер. Непринужденная или, напротив, высокопарно-торжественная манера обращения (*милостивый государь; Господин мой дражайший приятель!* и др.) и соответствующие им формы прощания (*Ваш покорный слуга; Остаюсь ко услужению готовый* и др.) закрепились в общепринятых эпистолярных текстах. Они начали вытеснять старинные русские образцы писем с характерным для них самоуничижением адресанта и обращением на «ты»: Гсдрю моему Степану Корнилевичу женишко твоя Улка челомъ бьетъ да пиш гсдрь про свое здоровье а я с робятишками по... [Грамотки 1969: 111]; Гсдрю моему млстивому благодетелю батюшку преподобному отцу Архимандриту Аврамию послѣдний въ человѣцхъ первый во грѣшницехъ искател твоего благословения і млсти чернецъ Антоней благословения просить і челомъ бьетъ подай тебѣ гсдрю отцу [Грамотки 1969: 306].

Такой же этикет отражают и письма социальной элиты, о чем свидетельствует фрагмент письма царевича Петра к царице Наталии Кирилловне: *Вселюбезнейшей и паче живота телесного дражайшей моей матушьке, гасударыне царице и великой княгине Наталии Кириловне, сынишка твой, в работе пребывающей Петрушка благословения прошу, а о твоём здравии слышетъ желаю. А у нас молитвами твоими здорово все...* [История... 1989: 163].

Эту особенность эпистолярного этикета эпохи отмечает А.Н. Толстой в романе «Петр I» и приводит письмо царевича Алексея Петру: *Здравствуй, радость моя, батюшка, царь Петр Алексеевич, на множество лет... Сынишка твой, Алешка, благословения от тебя, света моего радости, прошу. Пожалуй, радость наша, к нам, государь, не замешкав... Ради того у тебя милости прошу, что вижу государыню свою бабушку в великой печали... Не покручинься, радость мой государь, что худо письмишко: еще, государь, не выучился...*

В более позднее время и приветствия, и прощания в письмах Алексея на европейский манер: *Милостивый государь мой батюшка! Всепокорнейший сын и слуга твой Алексей.*

В эпистолярной культуре XVII – XIX вв. занимали определенное место утешительные письма, которые, наряду с письмами известительными, любовными, наставительными, повелительными, были неотъемлемой частью общепринятого этикета и сохранились в архивах русских царей и дворянства [Евсиков 2007].

Во второй половине XVIII в. в русской эпистолярной культуре получил распространение жанр «дружеского письма» (Д.И. Фонвизин, В.В. Капнист, М.Н. Муравьев), а в начале XIX в. авторы таких писем достигли высочайшего мастерства. Это и А.С. Пушкин, П.А. Вяземский, и М.Ю. Лермонтов, и Н.В. Гоголь, и В.Г. Белинский и многие другие [Белунова 2000].

В XIX в. умению писать грамотные и изящные письма обучались специально. Чтобы написать письмо, было недостаточно простой грамотности: «письмо имело свой стиль, свои формы, вне которых пишущий производил впечатлительные невежды» [Горнфельд 1904: 924].

Особое место в русской эпистолярной культуре занимала женская эпистолярная культура, которой было свойственно своеобразное двуязычие. На рубеже XVIII–XIX вв. женская пере-

писка велась в основном на французском языке. Особенно это касалось тех, кто получил домашнее образование и слабо владел русским языком, в отличие от институток, образовательная программа которых включала в себя обязательное изучение родного языка. Татьяна Ларина «по-русски плохо знала», и письмо Онегину, написанное по-французски («доныне гордый наш язык к почтовой прозе не привык»), Пушкин переводит на русский язык, «земли родной спасая честь». При этом следует заметить, что, начиная с 20-х гг. XIX в., языковые приоритеты женского письма изменились: женское письмо все больше отдает предпочтение русскому языку, который в то время обретал законные права в культуре под влиянием литературного творчества А.С. Пушкина.

Со временем частное письмо становится явлением литературным, если оно посвящено не сиюминутным бытовым вопросам. Процесс перехода бытового письма в область литературы был отмечен Ю. Тыняновым: «И из бытового документа письмо поднимается в самый центр литературы. Письма Карамзина к Петрову обгоняют его же опыты в старой ораторской канонической прозе и приводят к “Письмам русского путешественника”, где путевое письмо становится жанром» [Тынянов 1977: 259]. Эпистолярные тексты позволяют оценить эпоху непосредственно, взглянуть на нее глазами её современника; узнать, какие события казались наиболее значительными.

Особенную страницу в русской эпистолярной культуре занимает духовная переписка, переписка духовных наставников со своими учениками, которая воспринималась как часть пасторской службы. Содержание переписки – указание пути к христианскому спасению и совершенствованию [Каширина 2007].

Как отмечают исследователи, уже в начале XX в. жанр письма претерпевает серьезные изменения: именно в этот

период «эпоха эпистолярной литературы ... прошла для цивилизованного мира безвозвратно: ускорение темпа жизни, усиление возможности телефонного общения ведут к падению переписки, которая увеличивается количественно в гигантских размерах, но перестает быть предметом особого внимания и искусства. Деловая простота вытесняет условности стиля; письмо развивается вместе с языком по направлению к большей энергии и сжатости выражения мысли, но исчезает как особая литературная форма» [Горнфельд 1904: 924]. Однако и в XX в. все-таки строго соблюдаются некоторые этикетные формы делового эпистолярного обращения *уважаемый (-ая)* ... было неременной частью письма при симметричных деловых отношениях; *многоуважаемый (-ая)*, *глубокоуважаемый (-ая)* – при асимметричных.

Заслуживает особенного внимания эпистолярная культура и эпистолярный этикет в современной электронной коммуникации, где формируется новый эпистолярный стандарт и новые выразительные средства (смайлики). Новые информационные технологии дают мощный импульс к возрождению частной переписки, однако в другом её проявлении – в виртуальном пространстве.

О языке глобальной сети в её жанровом многообразии (гостевые книги, форумы, чаты, персональные интернет-дневники и пр.) существует множество исследований, где интернет-коммуникация рассматривается как новая речевая формация с её коммуникативной стратегией и тактикой, жанровой спецификой и лингвоперсонологической составляющей [Кокорина 2007: 7 и др.]. Но как эпистолярный феномен наибольшее распространение имеет электронное письмо, дружеское и официальное.

Дружеские письма могут быть вне этикета: в них часто нет обращения, традиционного приветствия, подписи (имя адресанта указывает э-адрес и практически всегда фотогра-

фия), отсутствуют этикетные формулы вежливости, и можно сказать, что э-почта вытеснила эпистолярную культуру. Хотя по сравнению с диалогами в чатах и СМС эти письма все-таки сохраняют структурную определенность.

Другое дело официальные э-письма, которые, как кажется, не претерпели серьезных изменений. Однако есть необходимость обратиться к двум их проявлениям, имеющим широкое распространение.

Здравствуйте! Довольно часто именно так начинаются многие вполне официальные электронные письма, и таким образом приветствие и обращение заключаются в одном слове. Это ведет к обезличиванию адресата и вполне может восприниматься как своего рода оскорбление.

«Доброго времени суток» или *«Доброе время суток»* – выражения, возникшие в интернет-письме как результат переписки в глобальной сети (НКРЯ дает более 20 примеров их употребления.) Эта совершенно очевидно тяжеловесная конструкция, включающая в себя канцелярский оборот *«время суток»*, – проявление дурного тона.

Нельзя не знать, что слово *день* обозначает не только время *от зари до заката*, но и сутки целиком. *«Прошло пять дней»* – скажем мы в обычном разговоре, но *«миновало, прошло 5 суток»* – в деловом тексте, устном или письменном. Поэтому *добрый день* можно смело адресовать жителям любого временного пояса, и оно будет принято с должным пониманием. А вообще-то, есть веками проверенное слово *«здравствуйте»*. Им совсем не стоит пренебрегать и именно с него начинать свое сообщение и при этом не забывать имя адресата.

Разрушение эпистолярного этикета ставит перед обществом задачу его сохранения как факта истории языка и культуры. Именно этому служит образовательный проект *«Живое письмо»*, который включает в себя разработку системы

занятий, способствующих сохранению эпистолярной культуры. В состав Государственного литературно-мемориального музея-заповедника А.П. Чехова (ГЛММЗ) входит экспозиция «Почтовое отделение», открытая в 1987 г. и включающая в себя подлинный почтово-телеграфный канон конца XIX в. Она знакомит посетителей с историей почты в Лопасне, популяризирует эпистолярное наследие Чехова. В одном из залов планируется создание интерактивной экспозиции, ориентированной на школьников и семейную аудиторию, которую можно использовать в образовательных целях. Музей располагает копиями и подлинниками писем разных жанров и стилей, открыток, открытых писем разных эпох (см. об этом: <http://museum.fondpotanin.ru/projects/65633>). И это очень важно, поскольку воскрешает и хранит память о состоянии русского языка и русской культуры в давние времена.

Библиографический список

1. Белунова Н.И. Дружеские письма творческой интеллигенции конца XIX–начала XX вв. СПб., 2000.
2. Горнфельд А. Эпистолярная литература // Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона. СПб., 1904. Т. 80.
3. Грамотки XVII–начало XVIII вв. / под ред. С.И. Коткова. М., 1969.
4. Демин А.С. Русские письмовники XV–XVII веков (К вопросу о русской эпистолярной культуре). Л., 1963.
5. Евсиков Дм. Утешительные письма в России // Похоронный дом. 04.05.2007.
6. Зуева О.В. Язык письмовников XV–XVI веков в системе старорусского письменного языка // Русский язык: система и функционирование (к 90-летию БГУ и 85-летию профессора П.П. Шубы). Минск, 2011. С. 80–83.
7. Интернет-коммуникация как новая речевая формация: коллективная монография. М., 2012.
8. История русского литературного языка: хрестоматия / сост. А.Н. Кожин. 2-е изд., испр. и доп. М., 1989.

9. Каширина В.В. Литературное наследие Оптиной пустыни. М., 2007.
10. Кокорина Е.В. Язык интернет-коммуникации // Современный русский язык: система–норма–узус. М., 2010. С. 273–340.
11. Миллер Т.А. Античные теории эпистолярного стиля // Античная эпистолография. М., 1967.
12. Тынянов Ю.Н. Поэтика. История литературы. Кино. М., 1977.

О.Н. Емельянова

Сибирский федеральный университет

**УСТАРЕВШАЯ ЛЕКСИКА В СИСТЕМЕ ЯЗЫКА
И В РЕЧИ ЕГО НОСИТЕЛЕЙ (ПО МАТЕРИАЛАМ
ТОЛКОВЫХ СЛОВАРЕЙ СОВРЕМЕННОГО
РУССКОГО ЯЗЫКА И ТЕКСТОВ СМИ)**

В статье обсуждается ряд вопросов, касающихся описания толковыми словарями современного русского языка стилистически окрашенной устаревшей лексики. В центре внимания – функции, выполняемые устаревшей лексикой в современном русском языке, а также система соответствующих функционально-стилистических помет, принятых в основных толковых словарях современного русского языка.

Устаревшая лексика, стилистическая окраска слова, стилистическая помета, толковый словарь.

O.N. Emelyanova

Siberian Federal University

**ARCHAISMS IN SYSTEM OF RUSSIAN LANGUAGE
UND IN THE DISCOURSE ITS, TO USE
(IN THE DICTIONARIES OF THE RUSSIAN
LANGUAGE UND LYRICS OF СМІ)**

The article discusses a number of questions, concerning the reflection of stylistic colour of the archaisms given in the explanatory dictionary of the contemporary Russian language. The systems of corresponding stylistic labels used in all basic explanatory dictionary of the Russian language are in the focus of the attention of this article.

An archaisms, an explanatory dictionary, a stylistic label, a stylistic colour of the word.

Признаками устаревшей лексики являются: наличие временного семантического компонента в смысловой структуре слова, низкая частотность употребления, следовательно, периферийная позиция в словаре, ограниченная сфера употребления. Напомним, что в лексикологии понятие «устаревшая лексика» является обобщающим по отношению к терминам «историзм» и «архаизм». Историзмы – это слова, обозначающие исчезнувшие реалии (**коллежский ассессор, ермолка, лорнет, пищаль, тягло**). Архаизмы – слова, называющие существующие реалии, но вытесненные по каким-либо причинам из активного употребления новыми лексическими единицами (**выя – шея, чело – лоб, очи – глаза, уста – губы** и т. д.). Историзмы – это единственные названия исчезнувших реалий, обычно не имеющие синонимов или вариантов, терминологичные по своей природе, т. е. выполняющие номинативную функцию, и поэтому принадлежащие только к лексическому пласту языка. Чаще всего их толкование имеет описательный характер (**коллежский ассессор – гражданский чин восьмого класса по табели о рангах дореволюционной России**). Архаизмы не являются единственными названиями существующих реалий, имеют современные синонимы, которые и используются при их толковании, могут принадлежать к любой части речи и в современных текстах выполняют стилистические функции. Архаизируется не только лексика, но и грамматика языка.

Обратим особое внимание на отсутствие четкости в установлении исторических границ, которые необходимо иметь в виду при отнесении слов к устаревшим. Поскольку устаревание лексики процесс неодномоментный и здесь всегда было и будет много случаев переходного, пограничного характера, то устаревшая лексика, как и все подобные

явления, с трудом поддается дефиниции. Возникает вопрос о том, на речь каких носителей языка (по каким критериям выделяемых, по какому социальному статусу, образовательному цензу или просто механически – по количественному признаку) следует ориентироваться, чтобы определить, достаточно или недостаточно активно слово употребляется, чтобы его можно (или нельзя) считать устаревшим.

Исследователи языка отмечают, что «устарелость» ассоциируется с высоким стилем (архаичная лексика, как правило, в сознании многих образованных носителей языка является эстетически более ценной, чем современная, актуальная) и специальными областями общения. Именно поэтому значительная часть устаревшей лексики имеет в толковых словарях помету (*высок.*). Но чаще всего в современных контекстах (прежде всего текстах СМИ) такая лексика используется для создания разных видов комического (от легкой иронии до ядовитого сарказма) эффекта.

1. *«Суд ввел на «ИжАвто» внешнее управление. На предприятии был назначен **бранный тиун**, в задачи которого входит прочерчивание финансового анализа компании»* (РИА Новости, 2009). **Тиун** – один из привилегированных княжеских и боярских слуг, управлявших феодальным хозяйством. **Бранный** – тленный, переходящий.

2. *«Как мы лечились от алкоголизма с помощью акупунктуры? Иглы в меня вкалывал толстячок экзотичного монголоидного типа. Он втыкал иголки в самые различные места моего анемичного тела: в живот, в уши, в **ланинты**, в **перси**, в **чресла** и **лядvei**. «Только бы в **уд** не втыкал!» – молил я небеса. Я впервые подвергался такой **экзакуции**»* (АИФ, 2009). **Ланинты** – щеки. **Перси** – грудь. **Чресла** – поясница, бедра. **Лядvei** – бедра, ляжки. **Уд** – часть тела (рука, нога и т. п.). **Экзакуция** – телесное наказание.

3. «Новый руководитель рабочей группы по подготовке торжества Анатолий Чубайс с воодушевлением взялся за дело. Деньги на социальные гарантии **вотчине** Коноплиной депутаты дали. Он считает, что сценарий церемонии должен быть разработан «на века», все должно быть чинно, а **посему** в ней нет места **бранным** изыскам. К последним была отнесена уже написанная для праздника ода, которую условно можно было назвать «На день восшествия президента Ельцина в Кремль» (Комс. правда, 1996). **Вотчина** – родовое имение крупного землевладельца. **Посему** – потому. **Бренный** – см. выше. И т. д.

Эти функционально-стилистические характеристики **устаревшей** лексики чрезвычайно важны и для авторов-составителей толковых словарей **современного** русского языка. Однако лексикографический взгляд на устаревшую лексику отличается от лексикологического. Поскольку вопрос о том, является ли устаревшая лексика частью современного языка (или правильнее было бы говорить о её выпадении из языка), остается открытым, словари в своих вступительных статьях часто обращают внимание на тот факт, что в них, как правило, не включаются устаревшие слова, выпавшие из языка, практически ненужные с точки зрения современного общения, понимания действительности или текстов классической литературы.

Как писал Ф.П. Филин в работе «О новом толковом словаре русского языка»: «Ставя вопрос о новом типе толкового словаря современного русского литературного языка, нужно прежде всего разобраться в характере противоречия между принципом нормативности и принципом показа отживших норм литературного языка, бывших когда-то обычными в русской литературе XIX–XX вв. <...> Нормативный словарь русского языка должен

быть «лексикографическим зеркалом» русской литературной лексики в её современном состоянии, т. е. словарём, в котором должна найти своё отражение лексическая система литературного языка с её закономерностями. Такой подход к делу сразу же выдвигает вопрос: а что значит «современный» язык, каковы его хронологические рамки? От того или иного решения этого вопроса зависит отбор материала для словаря, определение его источников. Всё, чего нет в современном языке, что не соответствует его нормам, не употребляется у современных писателей, в современной прессе и в литературной разговорной речи, в словарь не помещается, даже если определенные слова, значения слов, словосочетания, употребления слов и т. п. имеются в произведениях классической литературы <...> Конечно, не следует ставить знак равенства между отмершими словами и архаизмами, функционирующими в современном литературном языке в качестве определенного стилистического средства (принятая в словарях помета «устарелое» не дифференцирует эти принципиально различные явления). Архаизмы как неотъемлемая часть современной языковой системы должны помещаться в словарь. Особо стоит вопрос об отмерших языковых явлениях, восстанавливаемых писателями в исторических произведениях в качестве языкового колорита описываемой эпохи. При решении вопроса о привлечении этих произведений в списки источников словаря следует проявлять осторожность и сдержанность» [Березин 1981: 255–256].

Стилистические функции, выполняемые устаревшей лексикой в современных текстах, неизбежно приводят к включению некоторой её части в толковые словари. Как показывает анализ толковых словарей, традиционное, выработанное в лексикологии представление о том, что

устаревшая лексика = *архаизмы* + *историзмы*, не разделяется отечественными лексикографами. Интеграция языкознания как теоретической науки о языке, лексикологии как науки о словах, лексикографии как науки о способах классификации словесного материала и его представления в словарях в данном случае отсутствует. Иначе словари использовали бы для стилистической квалификации устаревшей лексики либо одну помету (*устар.*), либо две – (*арх.*) и (*истор.*). Но этого нет ни в одном словаре. Как правило, в словарях противопоставляются *устаревшие*, *старинные* слова и значения и *историзмы*. При этом непоследовательность в использовании данных помет нередко приводит к тому, что лексемы, в одном словаре имеющие помету (*устар.*) – устарелое, в другом – сопровождаются пометой (*ист.*) – историзм или (*стар.*) – старинное. Например: **барьер** – 4. Черта, обозначающая расстояние между участниками дуэли (*устар.*). *Поставить кого-нибудь к барьеру* (*перен.*: заставить драться на дуэли) [СОШ]. Ср.: **барьер** – 4. *Ист.* Черта, граница перед каждым из участников дуэли на пистолетах, которую нельзя пересекать при выстреле. *Вызвать, поставить кого-либо к барьеру* (заставить драться на дуэли). *К барьеру!* (вызов на дуэль) [БТС].

Поскольку процесс устаревания лексики не является «окончательным и бесповоротным», многие слова, охарактеризованные в словарях как *устаревшие*, в настоящее время активно функционируют в самых разных сферах и ситуациях общения. Например, слово **пристав** в Словаре Ожегова [СО] истолковано следующим образом: «1. В царской России: начальник полиции небольшого административного района. *Участковый* или *частный п. Становой п.* (начальник стана в уезде). 2. В Древней Руси: должностное лицо, приставленное к какому-н. делу

для надзора. <> **Судебный пристав** – В царской России: судебный исполнитель». То же самое толкование дано ему и в Словаре Ожегова и Шведовой [СОШ]. Очевидно, что слово **пристав** и словосочетание **судебный пристав** в этих словарях имеют статус историзмов. И в эпоху создания СО и СОШ такая квалификация была верной. В настоящее время, к которому относится, например, 26-е издание Словаря Ожегова (2010), исправленное и дополненное (как отмечают его создатели), данное толкование искажало бы реальную, действительную картину бытования этих лексических единиц языка, поэтому (в [СО-26]) из него удалена ремарка «В Древней Руси» (во всём остальном толкование осталось прежним).

Слово **телохранитель** в СО является однозначным, имеет помету (*устар.*) и толкуется следующим образом: «**телохранитель** – воин, охраняющий жизнь какого-нибудь высокого лица, напр. монарха». В СОШ это слово уже подано как двухзначное и устаревшим считается только первое значение, дублирующее Словарь Ожегова, во втором – добавленном значении («человек, который охраняет, оберегает кого-нибудь») **телохранитель** помет не имеет. Введено второе значение и в 26-е издание СО («тот, кто охраняет, оберегает чью-либо жизнь»), в котором оно также описано как нейтральное.

Особую позицию занимает в отношении устаревшей лексики «Толковый словарь современного русского языка. Языковые изменения конца XX столетия» под ред. Г.Н. Складневской (ССкл – это отражено уже в названии словаря). Особая позиция словаря выражается прежде всего в следующем: многие слова и значения, считавшиеся устаревшими или устаревающими в советское время и вернувшиеся в активное употребление в связи с кардинальными

изменениями основ жизни Российского государства и общества, в словаре Складневской были избавлены от пометы (*устар.*). Как пишет в Предисловии к словарю автор, «вернулась с периферии лексика, в прошлом стойко ассоциировавшаяся с категориями буржуазного общества и имевшая соответствующие комментарии в словарях («в буржуазном обществе», «в капиталистических странах») и обозначающая теперь реалии, соотносимые с российской действительностью (*банкир, безработица, бизнес, бизнесмен, забастовка, инфляция, капитал, коррупция, мафия, многопартийность, неимущий, стачка*)» [ССкл: 10].

Таким образом, очевидно, что поскольку, как мы уже не раз отмечали, устаревание лексики – процесс неоднородный и всегда было и будет много случаев переходного, пограничного характера, определить, можно ли квалифицировать слово или значение как устаревающее (тем более как уже устаревшее), очень сложно.

Библиографический список

1. Большой толковый словарь русского языка / сост. и гл. ред. С.А. Кузнецов. СПб., 1998. (БТС)
2. Ожегов С.И. Словарь русского языка. Изд. 4-е, испр. и доп. М., 1961. Словарь Ожегова (СО)
3. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. Изд. 4-е, доп. М., 2003. Словарь Ожегова и Шведовой (СОШ)
4. Толковый словарь современного русского языка. Языковые изменения конца XX столетия / под ред. Г.Н. Складневской. М., 2001 [ССкл].
5. Филин Ф.П. О новом толковом словаре русского языка // Известия АН СССР. Серия литературы и языка. 1963. Т. XXII. Вып. 3. С. 117–189. Или в кн.: Березин Ф.М. История советского языкознания. Некоторые аспекты общей теории языка: хрестоматия. М., 1981. С. 255–260.

В.В. Зорина

*Красноярский государственный педагогический
университет им. В.П. Астафьева*

**ПОЗВОЛЬТЕ ПРЕДСТАВИТЬСЯ!
К ВОПРОСУ ОБ ИЗУЧЕНИИ
РЕЧЕВОГО ЭТИКЕТА БУДУЩИМИ
БАКАЛАВРАМИ-ПЕДАГОГАМИ**

При изучении темы «Ситуация знакомства» будущие бакалавры-педагоги узнают о правилах речевого поведения при знакомстве без посредника и с помощью посредника. В статье представлены примеры практических заданий для студентов.

Будущие бакалавры-педагоги, дисциплина по выбору «Этикет в профессиональной деятельности будущих бакалавров-педагогов», модуль «Речевой этикет», ситуация знакомства, посредник.

V.V. Zorina

*Krasnoyarsk State Pedagogical University
named after V.P. Astafiev*

**ALLOW ME TO INTRODUCE MYSELF!
TO THE QUESTION ABOUT STUDYING SPEECH
ETIQUETTE FUTURE BACHELORS – TEACHERS**

The article focuses on studying the future bachelors-teachers of the topic «situation of experience» in the framework of the module «Speech etiquette» discipline of choice «Etiquette in the professional activity of the future bachelors-teachers». When studying the topic future bachelors-teachers will learn about the rules of speech behavior when meeting without a mediator and with the mediator's assistance. Presents examples of practical tasks for students.

Future bachelors-the teachers, the discipline of choice «Etiquette in the professional activity of the future bachelors-teachers», the module «Speech etiquette», the situation of Dating, realtor.

Как правильно познакомиться? Как будет верно: «меня звать» или «меня зовут»? Какие слова и выражения будут уместны в ситуации знакомства? Как ответить при знакомстве? На эти и другие вопросы получают ответы будущие

бакалавры-педагоги при изучении темы «Ситуация знакомства», которая входит в перечень тем одного из модулей дисциплины по выбору «Этикет в профессиональной деятельности будущих бакалавров-педагогов» [Зорина 2014]. Задачами дисциплины являются систематизация знаний будущих бакалавров-педагогов о значении и особенностях этикета (в том числе и речевого); осознание необходимости соблюдения этикета в профессиональной деятельности; совершенствование культуры общения будущих бакалавров-педагогов. Аprobация осуществляется в Красноярском государственном педагогическом университете им. В.П. Астафьева.

Данная дисциплина состоит из следующих модулей: «Этикет: история и современность», «Речевой этикет», «Профессионально-педагогический этикет». Кратко охарактеризуем содержание модулей.

Модуль «Этикет: история и современность» акцентирует внимание студентов на изучении истории этикета, знакомит с истоками этикета на Руси. Будущие бакалавры-педагоги узнают о том, что правила этикета были известны еще в Древнем Египте, а постулаты рыцарского этикета легли в основу современных правил поведения.

Модуль «Профессионально-педагогический этикет» предполагает рассмотрение отношений «педагог–ученик», «педагог–родитель», «педагог–педагог» с точки зрения соблюдения правил этикета. Особое внимание уделяется вопросам имиджа современного педагога.

Модуль «Речевой этикет» направлен на знакомство студентов непосредственно с русским речевым этикетом, правилами употребления формул речевого этикета в различных речевых ситуациях (обращение, приветствие, прощание, просьба, пожелание, комплимент, похвала, утешение, сочувствие, соболезнование, приглашение, поздравление, согласие или отказ, благодарность, извинение). На занятиях будущие бакалавры-педагоги узнают об этикетном употреблении ме-

стоимений *ты* и *Вы* в русской речи, правилах комплимента, ведения спора, письменного общения в виртуальных дискуссиях, на конференциях в тематических чатах Интернета.

Русский речевой этикет красочен, богат, многогранен. В работах А.Г. Балакай подчеркивается: «Великий, могучий, правдивый и свободный русский язык» в тонкости и деликатности выражений не уступает китайскому, в галантности – французскому, в корректности – английскому, в афористичности и меткости – латинскому и древнегреческому – в галантности» [Балакай 2004: 6]. Русский речевой этикет содержит большое количество слов и выражений, которыми можно и нужно пользоваться в разнообразных речевых ситуациях. Студент современного педагогического вуза обязан знать этикетные формулы и уметь их правильно употреблять в речи в соответствующей ситуации общения.

Итак, с богатством русского речевого этикета будущие бакалавры-педагоги знакомятся при изучении модуля «Речевой этикет». Одна из тем данного модуля – «Ситуация знакомства». В работах Н. И. Формановской под знакомством понимается этикетная ситуация общения, «когда ранее незнакомые люди вступают в отношения знакомства» [Формановская 2009: 156].

При изучении данной темы будущие бакалавры-педагоги узнают о правилах речевого поведения при знакомстве без посредника и с помощью посредника. При этом важно донести до понимания будущих бакалавров-педагогов мысль о том, что «в ситуации знакомства происходит акт самоназывания (или называния посредником) в той именно форме имени, которая предполагается как будущее обращение, соответствующее избираемой тональности общения в зависимости от взаимоотношений коммуникантов в официальной или неофициальной обстановке» [Формановская 2008: 66].

При знакомстве без посредника уместны следующие нейтральные выражения: *Можно узнать, как Вас зовут?*

Я хочу с Вами (с тобой) познакомиться. Нельзя ли с Вами познакомиться? Давайте познакомимся? и т. д.

В неофициальной обстановке познакомиться можно, обратившись с вопросом к собеседнику: *Как тебя зовут?* или *Как твое имя?*

Студентам предлагается составить диалог с обязательным употреблением выражений, используемых в официально-деловой сфере: *Разрешите познакомиться. Позвольте представиться.*

В качестве примера студентам предлагаются различные диалоги. Например:

- *Разрешите представиться. Петров Иван Сергеевич.*
- *Очень рада. Ирина Ивановна Ковалева.*

Знакомство при помощи посредника осуществляется тремя последовательно говорящими собеседниками. При этом первая реплика принадлежит посреднику: *Знакомьтесь! Познакомьтесь, пожалуйста. Я хочу познакомиться с Вас с... Прошу знакомиться! Я хочу представить Вам...*

Далее происходит представление собеседников. Студентам предлагается закрепить данные сведения, разыграв диалоги. Например:

- *Знакомьтесь, пожалуйста. Это Наталья Владимировна Петрова. А это Александр Алексеевич Корнилов.*
- *Очень рада!*
- *Мне очень приятно с Вами познакомиться!*

Кроме того, студенты должны составить диалог и с употреблением фразеологического оборота «*Прошу любить и жаловать!*»

Внимание будущих бакалавров-педагогов обращается на то, что в ситуации знакомства важно не только правильно назвать себя, но и правильно отреагировать. Так, в качестве ответа уместны будут следующие реплики: *Очень приятно! Очень рад. Мне приятно с Вами познакомиться. Я счастлив, что познакомился с Вами,* и т. д.

Студенты обязательно знакомятся с репликами, характерными для официальной ситуации:

Разрешите познакомиться Вас. Это ...

Разрешите познакомиться Вас с ...

Позвольте познакомиться Вас с ...

Позвольте представить Вам ...

Для анализа и обсуждения будущим бакалаврам-педагогам предлагаются диалоги:

– *Разрешите представить Вам нового учителя начальных классов.*

– *Позвольте представиться. Оксана Александровна Смирнова, выпускница Красноярского государственного педагогического университета им. В.В. Астафьева.*

– *Очень приятно!*

С целью закрепления изученного студентам необходимо составить и разыграть диалоги с обязательным употреблением речевых формул, представленных А. Г. Балакаем [Балакай 2007: 702]:

Имею честь представиться. Нам надо познакомиться! Имею честь Вам представить... Наслышан о Вас. Рад нашему знакомству. С кем имею удовольствие говорить? Весьма польщен. Представляю Вам. Наслышан о Вас. Давно мечтал с Вами познакомиться. Рекомендую Вам... Ваши друзья – наши друзья! и т. д.

В заключение отметим, что результатом выполнения различных заданий при изучении рассматриваемой темы является понимание будущими бакалаврами-педагогами следующего: реплики при знакомстве должны выражать радость и удовольствие от знакомства с другим человеком, подчеркивать желательность общения.

Библиографический список

1. Балакай А. Г. Толковый словарь русского речевого этикета: свыше 4 000 этикетных слов и выражений. М.: Астрель, 2004. 681с.

2. Балакай А.Г. Словарь русского речевого этикета. М.: Астрель: АСТ: Хранитель, 2007. 767 с.
3. Зорина В.В. Этикет в профессиональной деятельности будущих бакалавров-педагогов: программа курса по выбору. Красноярск, 2014. 20 с.
4. Формановская Н.И. Речевой этикет в русском общении. Теория и практика. М.: ВК, 2009. 333 с.
5. Формановская Н.И. Русский речевой этикет: Лингвистический и методический аспекты. Изд. 4-е. М.: Издательство ЛКИ, 2008. 160 с.

Ю.А. Игнатенко

*Красноярский государственный педагогический
университет им. В.П. Астафьева*

**ЯЗЫКОВЫЕ СРЕДСТВА ЛИТЕРАТУРЫ
ПОСТМОДЕРНИЗМА (НА МАТЕРИАЛЕ РОМАНА
Б. АКУНИНА «СТАТСКИЙ СОВЕТНИК»)**

В статье на материале романа Бориса Акунина «Статский советник» рассматриваются отдельные языковые средства литературы эпохи постмодернизма: интертекстуальность, ирония, языковая игра, имплицитные и эксплицитные онимы, культурные коды.

Постмодернизм, языковые средства, ирония, онимы, интертекстуальность.

Y.A. Ignatenko

*Krasnoyarsk State Pedagogical University
named after V.P. Astafiev*

**LANGUAGE MEANS OF POSTMODERN LITERATURE
(ON THE MATERIAL OF BORIS AKUNIN'S NOVEL
«THE STATE COUNSELOR»)**

In this article on the material of the novel by Boris Akunin «State Counselor» are considered separate language means postmodern literature, such as intertextuality, irony, language game, and implitsintnye eksplitsintnye Onim, cultural codes.

Postmodernism, language tools, irony, Onim, intertextuality.

«Постмодернистская позиция напоминает мне положение человека, влюблённого в очень образованную женщину. Он понимает, что не может сказать ей „люблю тебя безумно“, потому что понимает, что она понимает (а она понимает, что он понимает), что подобные фразы – прерогатива Барбары Картленд. Однако выход есть. Он должен сказать: „По выражению Барбары Картленд – люблю тебя безумно“. При этом он избегает деланной простоты и прямо показывает ей, что не имеет возможности говорить по-простому; и тем не менее он доводит до её сведения то, что собирался довести, – то есть, что он любит её, но что его любовь живёт в эпоху утраченной простоты» [Эко 1989: 427]. Таким образом, писатель и теоретик Умберто Эко связывает идею постмодернизма с двойным кодированием.

Постмодернизм в литературе, впрочем, как и постмодернизм в целом, не поддается точному определению – нет единого мнения относительно точных признаков данного феномена, его границ и значимости. Но, как и в случае с иными стилями в искусстве, литературу постмодернизма можно описать, сравнивая её с предшествующим стилем. Например, отрицая поиск смысла в хаотическом мире, присущий модернизму, автор постмодернистского произведения намеренно избегает, порой в форме игры, саму возможность смысла, а его произведение часто является пародией этого поиска. Постмодернистские писатели ставят случайность выше таланта, а при помощи самопародирования и метапрозы ставят под сомнение авторитет и власть автора. Под сомнение ставится и существование границы между высоким и массовым искусством, которую постмодернистский автор размывает, используя пастиш и комбинируя темы и жанры, которые когда-то считались неподходящими для литературы.

Одной из отличительных черт и основным творческим принципом постмодернизма является радикальный плюрализм стилей и художественных моделей и, что особенно важно, языков культуры. Характерным художественным приемом постмодернизма считается пастиш – своеобразная форма самопародии и самоиронии, при помощи которой писатель намеренно растворяет свое сознание в иронической игре цитат и аллюзий.

Особенность постмодернистского дискурса заключается также в многочисленных художественных приемах. Так, языковая личность автора проявляется в особой манере языковой игры, авторской импровизации по поводу известных сюжетов и образов в уже существующей культуре мира.

Постмодернизму свойственны субъективность, комбинация факта и вымысла, значимость продуктивных возможностей воображения, именно поэтому постмодернизм называют своеобразным «генератором метафор и языковых игр».

Другой, не менее важной, чертой техники постмодернистского дискурса является отклонение от существующих правил. По этому поводу И. Хассан отмечал: «Постмодернизм, с одной стороны, по своей сути губителен для формы и анархичен своим культурным духом» [Hassan: 193].

Р. Барт также считал, что «интерпретировать текст во все не значит наделить его неким конкретным смыслом (относительно правомерным или относительно произвольным), но, напротив, понять его как воплощенную множественность» [Барт: 14–15].

В современной лингвистике принято считать, что постмодернистский текст регулируется целым комплексом кодов: лингвистическим кодом естественного языка, общелитературным кодом, определяющим связность текста, жанровым кодом, метаязыком писателя.

Романы Бориса Акунина с уверенностью можно назвать произведениями эпохи постмодернизма – об этом свидетельствует множество признаков.

В статье мы хотели бы рассмотреть отдельные лингвистические признаки литературы постмодернизма и их воплощение в романе Б. Акунина «Статский советник».

1. Ирония, языковая игра, чёрный юмор

Канадский литературовед Линда Хатчеон назвала прозу постмодернизма «ироническими кавычками», так как большая часть этой литературы пародийна и иронична. Эта ирония, а также чёрный юмор и игровая форма являются самыми узнаваемыми чертами постмодернизма, хотя первыми их стали использовать модернисты.

В романе Бориса Акунина языковая игра ярко проявляется в использовании устойчивых речевых конструкций, таких как пословицы и поговорки, хорошо известных читателю. Автор дополняет их, наделяя ироническим подтекстом: «Земля ему, грешнику, пухом», «Мы с вами одного поля ягоды. Хотя и разные на вкус».

2. Интертекстуальность

Так как постмодернизм представляет идею децентрированной вселенной, в которой произведение индивида не является изолированным творением, то большое значение в литературе постмодернизма имеет интертекстуальность: отношения между текстами, неизбежная включенность любого из них в контекст мировой литературы.

В «Статском советнике» прослеживается связь со многими текстами русской и зарубежной литературы, однако большую роль играют библейские цитаты: «И когда низринулся, расселось чрево его, и выпали все внутренности его»; «Отпущай хлеб твой по водам, потому что по прошествии многих дней опять найдешь его». Цитаты даны полностью и без искажений, однако контекст наделяет их новым смыслом.

3. ИмPLICITные и эксплицитные онимы.

ИмPLICITность онимов играет важную роль в языковом пространстве литературы постмодернизма и отмечена многими исследователями. Однако Б. Акунин подходит к именованию совершенно особенным образом: наделяя героя именем на первый взгляд неясной семантики, писатель либо вскоре напрямую объясняет его (герою дают кличку Гвидон, поскольку он будет «летать с острова Буяна в царство Салтана»), либо же дает объяснительный контекст (о герое по фамилии Лобастов Акунин пишет, что он «лобастый», а также «лоббирует» интересы).

4. Культурные коды

Особенность литературы постмодернизма также проявляется в наличии в тексте множественных культурных кодов. В произведениях Бориса Акунина такие коды создают особое семиотическое поле. Многократно повторяемое слово «опричник» отсылает читателя к историческому прошлому России, вызывая определенного рода ассоциации. Ту же функцию выполняет имя «Франкенштейн», приобретающее в контексте романа экспрессивную окраску.

В целом языковые средства постмодернизма, особенно русского, изучены мало, сделать это еще предстоит. Однако уже сейчас можно говорить о собственных лингвистических чертах и особенностях этого литературного направления.

Библиографический список

1. Акунин Б. Статский советник. М.: Захаров, 2005.
2. Барт Р. Удовольствие от текста // Р. Барт. Избранные работы. М.: Прогресс, 1994.
3. Рахимкулова Г.Ф. Игровая поэтика и игровая стилистика // Филологический вестник РГУ. 2000. № 1. С. 5–11.
4. Эко У. Заметки на полях «Имени розы» // Эко У. Имя розы. М.: Книжная палата, 1989. С. 427–467.
5. Hassan I. Joyce, Beckett and Postmodern Imagination // TriQuarterly. 1975. № 34.

С.В. Карманова

*Красноярский государственный педагогический
университет им. В.П. Астафьева*

**ЛЕКСИКА ЦЕРКОВНО-РЕЛИГИОЗНОЙ СФЕРЫ
В ПОКАЯННЫХ ВЫСТУПЛЕНИЯХ
ПОЛИТИЧЕСКОЙ ОППОЗИЦИИ
20–30-х ГОДОВ XX ВЕКА**

В статье рассматриваются особенности влияния религиозной лексики на политическую риторику 20–30-х годов XX века, на примере покаянных речей оппозиционеров, выступавших на съездах ВКП(б) в период с 1926 по 1934 годы.

Религиозная лексика, советская политическая риторика, покаяние.

S.V. Karmanova

*Krasnoyarsk State Pedagogical University
named after V.P. Astafiev*

**LEXICON OF THE CHURCH AND RELIGIOUS
SPHERE IN PENITENTIAL PERFORMANCES
OF POLITICAL OPPOSITION THE 20-30TH
OF YEARS OF THE XX CENTURY**

In article features of influence of religious lexicon on political rhetoric of the 20-30th years of the XX century, on the example of penitential speeches of the oppositionists speaking at Congresses of the All-Union Communist Party (bolsheviks) during the period from 1926 to 1934 are considered.

Religious lexicon, Soviet political rhetoric, repentance.

В последние годы среди лингвистов возрос интерес к изучению языкового наследия советской эпохи. Этот период, принесший множество изменений в сфере языка, сейчас требует нового объективного взгляда, свободного от идеологических предпочтений. В представленной статье рассмотрим покаянные речи политических уклонистов 20–30-х гг. и их связь с религиозным актом покаяния.

Ю.М. Лотман утверждал, что ни одна культура не существует изолированно от других: новая советская культура не смогла абсолютно избавиться от влияния прежней, существовавшей не одно столетие. Многие философы и исследователи социализма считают, что новая идеология стремилась не просто уничтожить старую религиозную, но сама желала занять её место (Н. Бердяев, С. Булгаков, Э. Фёгелин, Р. Арон и др.). Советская власть заимствовала у христианства не только обряды (шествия и парады с портретами вождя вместо крестного хода, октябрины вместо крещения и пр.), но и некоторые речевые жанры (например, пропаганда вместо проповеди). И хотя заимствованные жанры обрели новые именованья и новое содержание, главная их цель и формальное воплощение, по существу, оставались прежними. Рассмотрим данный феномен на примере покаянных речей, прозвучавших на XV, XVI и XVII съездах ВКП(б)¹.

С точки зрения социолингвистики жанры речи напрямую зависят от структуры сообщества и тех социальных процессов, которые в нём происходят, что и приводит к сдвигам в системе. В Советской России покаяние не могло существовать в чистом виде, но при этом все члены партии, скорее всего, были знакомы с ним и не избежали употребления традиционных элементов этого жанра в выступлениях, а в некоторых случаях и церковно-религиозной лексике.

Адресатом религиозного покаяния является Бог, который невидимо, посредством служителя церкви, отпускает раскаявшемуся грехи. В советском покаянии адресат – земной человек, наделенный неограниченной властью (И. Сталин), однако слова, называющие его, сохраняют религиозную коннотацию. В обращениях к нему подчеркиваются не-

¹ Подробнее о влиянии религиозного акта покаяния на советское политическое покаяние см. в статье Карманова С.В., Васильев А.Д. Трансформация жанра покаяния в советской риторике // Язык и социальная динамика: материалы Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участ. (24 мая 2012 г., Красноярск): в 2 ч. / отв. ред. А.В. Михайлов, С.В. Волюнкина; Сиб. гос. аэрокосмич. ун-т. Красноярск, 2012. Ч. 1. С. 409–414..

достижимость, высокое положение: «И нужна была *величайшая* прозорливость в этом вопросе товарища Сталина, его *величайшее* мужество при постановке новых задач, *величайшая* твердость в их осуществлении, *глубочайшее* понимание эпохи...» [XVII Съезд партии ВКП(б)1934: 238]. В отношении Сталина и Ленина нередко употребляется слово «учитель» (в Библии Учителем именуется Иисус Христос): «Я умел в своё время приводить цитаты из *учителя*» [XVII Съезд партии ВКП(б)1934: 494; 516]. Сравните: «От ноши утренюющая, Человеколюбче, просвети, молюся, и настави и мене на повеления Твоя, и научи мя, Спасе, творити волю Твою» – обращение к Господу как к наставнику и учителю (Пс. 62, 2; 118, 35). О том, что образ главы партии обожествлялся, говорит выражение «*величайшая вера в Ленина*» [XVI Съезд партии ВКП(б) 1928:239].

Сам адресат представлен в образе отступника веры, он и его сторонники именуется не иначе как секта, раскольники: «Троцкизм на сегодня остается лишь *сектой*» [XIV Съезд партии ВКП(б) 1928: 237], «атака *раскольников* на партию», «преступная *раскольническая* работа» [XVI Съезд партии ВКП(б) 1928: 440; 444].

Слово *грех*, являющееся смысловым центром религиозного покаяния, в советском варианте заменяется словом *ошибка*, которое, по данным «Словаря русских синонимов» Н. Абрамова, является синонимом слова *грех* [Абрамов 1999: 137]. Однако лексема *грех* и её производные довольно часто встречаются в выступлениях не только оппозиционеров, но и сторонников И. Сталина²: «*грехопадение* оппозиции», «был такой *грех*, немножко накуролесили, немножко нашкодили» [XVI Съезд партии ВКП(б) 1928: 78; 239], «собьется на *грехе* фракционности» [XVII Съезд партии ВКП(б)1934: 493].

² Примечательно, что к 1937 году лексема *грех* полностью исчезает из речи политических риторов.

Встречаются и другие слова, на которых традиционно строится текст покаяния – *стыд*, *вина*, и другие лексемы церковно-религиозной сферы. «Обложен есмь одеянием *студа*, якоже листвием смоковным», ср.: «Товарищи, это был момент, о котором стыдно вспоминать...» [XVII Съезд партии ВКП(б) 1934: 237], «Наше учение, учение Маркса–Ленина, не есть, как известно, *догма*...» [XVII Съезд партии ВКП(б) 1934: 519], «*ортодоксальная* нетерпимость и пронищательная идейность товарища Сталина» [XVII Съезд партии ВКП(б) 1934: 521].

Изучаемые нами тексты эмоционально насыщены, в них часто встречаются восклицательные предложения. Это говорит о том, что многие произнесенные слова не были подготовлены и произносились в порыве чувств. Именно такие восклицания чаще всего выдают намеренно забытую и подавляемую причастность советского риторика к религиозной среде. Например, в одном из выступлений С. Киров в разгаре речи, говоря о Троцком, посылает ему тройное проклятие, опасаясь помянуть имя врага вслух (подобно верующему человеку, опасющемуся произносить вслух имя черта): «...Троцкий (произносишь это имя, и нехорошее сразу настроение делается, будь он *трижды проклят*, чтобы его *помянуть* на таких наших съездах!)» (курсив наш – С.К.) [XVII Съезд партии ВКП(б) 1934: 259]. Еще пример. Один из выступающих извиняется за использование в речи библейского выражения: «Не таща за собою по библейскому (простите) выражению эту старую шкуру» [XVII Съезд партии ВКП(б) 1934: 521].

Представленные примеры доказывают наше предположение о том, что покаянные политические речи советского периода тесно связаны с религиозным актом покаяния. Связь эта проявляется на лексическом и семантическом уровнях. Пожалуй, самым красноречивым доказатель-

ством нашей гипотезы являются слова тогда еще не осужденного на покаяние М.П. Томского на XV Съезде ВКП(б), которые он адресовал сторонникам Л. Троцкого: «Вместо того чтобы придти перед съездом и сказать партии: “Два года мы блуждали, мы запутались и каемся”, – вместо этого они хотят косвенно получить не только прощение всех своих грехов, индульгенцию, но хотят еще получить косвенное осуждение линии нашей партии...» [XV Съезд партии ВКП(б) 1926: 301].

Библиографический список

1. XV съезд Всесоюзной Коммунистической партии (б): стенографический отчет. М.: Партиздат, 1926. 1416 с.
2. XVI съезд Всесоюзной Коммунистической партии (б): стенографический отчет. М.: Партиздат, 1928. 782 с.
3. XVII съезд Всесоюзной Коммунистической партии (б): стенографический отчет. М.: Партиздат, 1934. 716 с.
4. Абрамов Н. Словарь русских синонимов и сходных по смыслу выражений. 7-е изд., стереотип. М.: Русские словари, 1999.
5. Лотман Ю.М. История и типология русской культуры. СПб.: Искусство-СПб., 2002. 768 с.

М.Ю. Кипчатов

Карлов университет в Праге

ЗАИМСТВОВАННАЯ ЛЕКСИКА В РУССКИХ СТАРОЖИЛЬЧЕСКИХ ГОВОРАХ ЕНИСЕЙСКОЙ ГУБЕРНИИ (ПО СЛОВАРНЫМ МАТЕРИАЛАМ А.Д. ГРИГОРЬЕВА)

В статье рассматривается заимствованная лексика в говорах Енисейской губернии, которая нашла отражение в работе А.Д. Григорьева «Русские старожильческие говоры Сибири».

Диалектология, говоры, сибирские говоры, старожилы, заимствования, А.Д. Григорьев.

M.Y. Kipchatov

Charles University in Prague

**BORROWED VOCABULARY IN RUSSIAN DIALECTS
OF SIBERIAN OLD-TIMERS OF THE YENISEY
PROVINCE (BASED ON A.D. GRIGORYEV'S
LEXICOGRAPHIC MATERIALS)**

The article considers the adopted vocabulary of dialects of the Yenisey province which was mentioned in A. D. Grigoryev's work "Russian Dialects of Old-timers in Siberia".

Dialectology, dialects, Siberian dialects, Old-timers, loanwords, A.D. Grigoryev.

Александр Дмитриевич Григорьев (1874–1940) известен в российской науке прежде всего как этнолог и фольклорист. Собрание русского эпоса «Архангельские былины и исторические песни, собранные А.Д. Григорьевым в 1899 – 1901 гг.», которое вышло при жизни исследователя в трёх томах, признано самой обширной коллекцией былин не только в русской фольклористике, но и в общеславянском контексте. Однако недооценёнными до сих пор остаются труды исследователя в области диалектологии, в том числе диалектологии Сибири.

Несмотря на то что некоторые диалектологические исследования А.Д. Григорьева были опубликованы и являются на сегодняшний день общедоступными («Русские говоры западной половины Николаевского уезда Самарской губернии», Томск 1919; «Устройство и заселение московского тракта в Сибири с точки зрения изучения русских говоров», Томск 1921; «Образование и общее распределение русских старожильческих говоров Сибири», Ленинград 1928; «Происхождение русских говоров Уральских губерний: Пермской, Уфимской и Оренбургской», Прага 1929; и др.), существуют также две обширные неизданные работы, которые находятся в личном фонде А.Д. Григорьева

в архиве Академии наук Чешской Республики – «Русские говоры Уральских губерний (Пермской, Уфимской и Оренбургской) и их происхождение» и «Русские старожильческие говоры Сибири». Последняя работа, взятая за основной источник нашего исследования, представляет собой малоизвестное в науке рукописное собрание сведений о диалектных особенностях 11 сибирских губерний: Пермской, Акмолинской, Семипалатинской, Томской, Алтайской, Енисейской, Иркутской, Забайкальской, Амурской, Якутской и Камчатской губерний. Материал собирался в начале 20-х гг. XX в., когда А.Д. Григорьев был проректором Томского университета и контролировал проведение диалектологических экспедиций в старожильческих районах Сибири. В рукописи находятся материалы по фонетике, морфологии, синтаксису и лексике русских старожильческих говоров Сибири.

Предмет нашего исследования – заимствованная диалектная лексика в русских старожильческих говорах Сибири, которая нашла отражение в вышеупомянутой работе А.Д. Григорьева «Русские старожильческие говоры Сибири». Цель исследования – описать исследуемые лексические единицы, объединив их в этимологические группы согласно языковой семье (языку-донору), из которой данные слова были заимствованы в русские говоры старожилков Енисейской губернии. Главными методами исследования являются описательный метод и метод этимологического анализа. В ходе сплошной выборки для исследования мы отобрали 20 лексических единиц, зафиксированных А.Д. Григорьевым в Енисейской губернии. Данная лексика включает в себя как имена существительные, так и глаголы. Мы исключили слова, относящиеся к русскому литературному языку и являющиеся общеупотребительными

ми (*бадья́, амба́р, са́йка* и т. д.), а также элементы просторечия (*оклема́ться*). В ходе анализа исследуемой лексики мы обращаемся к следующим словарям: «Словарь русских народных говоров», который на сегодняшний день насчитывает 46 томов и является наиболее полным собранием диалектной лексики всей современной территории России; «Этимологический словарь русского языка» М. Фасмера как самый объёмный на сегодня этимологический словарь русского языка; «Этимологический словарь русских диалектов Сибири» А.Е. Аникина, комплексный труд по этимологии русских сибирских говоров; словарю В.В. Радлова «Опыт словаря тюркских наречий» и «Словарь русских говоров Сибири» А.И. Фёдорова. При определении степени литературности того или иного слова мы используем «Толковый словарь русского языка» С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой. Приводя лексические единицы в рамках каждой из этимологических групп, мы также указываем место их фиксации, отражённое в работе А.Д. Григорьева «Русские старожильческие говоры Сибири».

Итак, на основании анализа 20 лексических единиц, отобранных по материалам А.Д. Григорьева, мы выделяем следующие этимологические группы.

1. Слова финно-угорского происхождения: *жойде́ник* (вар. *шо́йденик / шо́йданик*; Казачинская волость Енисейского уезда Енисейской губернии), *курья́* (Знаменский завод Красноярского уезда Енисейской губернии), *лы́ва* (Знаменский завод Красноярского уезда Енисейской губернии, г. Енисейск Енисейской губернии), *не́стерь* (Знаменский завод Красноярского уезда Енисейской губернии), *ша́ста* (Бахтинский станок Енисейского округа Енисейской губернии).

Согласно «Словарю русских народных говоров», большинство данных слов распространено только на территории

северновеликорусских наречий, Урала и Сибири. По материалам А.Е. Аникина и М. Фасмера, слово *шóйданик* восходит к языку коми и обозначает «верхнюю рабочую одежду» [Аникин 2000: 705]. В материалах А.Д. Григорьева содержится определение остальных лексических единиц: *курья́* – «тихая заводь»; *пéстерь* – «корзинка из бересты»; *ша́ста* – «нарост на ели, имеющий опьяняющую силу». В сравнении с используемыми в рамках исследования словарями Григорьев даёт более узкое определение не только слова *ша́ста*, но и лексической единицы *лы́ва* (лужа): «большая лужа, где садится птица (охотничье слово)». В целом можно считать, что данные об ареале распространения вышеуказанных слов в очередной раз доказывают северновеликорусскую основу сибирских говоров, о чём говорят большинство исследователей Сибири. Применяя терминологию А.Е. Аникина, данные слова представляют собой «досибирский», или же исконный фонд русской сибирской лексики, будучи перенесёнными на сибирскую «почву» первопоселенцами, носителями северновеликорусских говоров [Аникин 2000: 6]. В рамках этой группы, на основании данных «Словаря русских народных говоров», нельзя говорить о заимствованном фонде русской сибирской лексики, т. е. о тех словах, которые были переняты сибирскими говорами непосредственно из финно-угорских языков.

2. Слова тюрко-татарского происхождения: *азя́м* (Знаменский завод Красноярского уезда Енисейской губернии, Казачинская волость Енисейского уезда Енисейской губернии, г. Енисейск Енисейской губернии), *корви́га* (Кежемская волость Енисейского уезда Енисейской губернии), *саги́р* (вар. *сагы́р*; с. Даурское Ачинского уезда Енисейской губернии), *са́лик* (Знаменский завод Красноярского уезда Енисейской губернии), *тю́ричек* (Знаменский завод Красноярского уезда

Енисейской губернии), *чебу́к* (д. Средняя Шушь Каптыревской волости Минусинского уезда Енисейской губернии).

«Словарь русских народных говоров» фиксирует северновеликорусский, уральский и сибирский ареал распространения слова *тю́ричек* со значением «катушка (ниток)» [СРНГ 2013: 35], которое, по утверждению А.Е. Аникина, восходит к тюрко-татарским языкам и впоследствии было перенято финно-угорскими языками из русского [Аникин 2000: 577–578]. Сибирский и южновеликорусский ареал распространения отмечается у слова *чебу́к* (вар. *чеба́к / чубу́к*), повсеместным по всей территории России является использование лексической единицы *азя́м*. Истинно сибирским заимствованием из тюркских языков можно считать слово *саги́р*, которое обозначает в языке-доноре «водонепроницаемые сапоги» [Фасмер 1987: 543], а в сибирских говорах получило значение «кожаные сапоги с длинными голенищами, бахилы», или даже более абстрактную семантику – «кожаная обувь» [СРНГ 2002: 17]. Данное слово фиксируется «Словарём русских народных говоров» только на территории Сибири.

3. Слова монгольского происхождения: *ема́н* (Казачинская волость Енисейского уезда Енисейской губернии, Знаменский завод Красноярского уезда Енисейской губернии).

Слово *ема́н* (второй вариант написания – с буквой «я»), обозначающее «домашнего козла» восходит к бурятскому «ямаа(н)» (коза) или калмыцкому «*jamān*» (коза, козёл) [Аникин 2000: 725]. В сибирских диалектах данное слово обладает большим словообразовательным потенциалом, поскольку наряду с исходным словом также наблюдается большое количество дериватов: *еманёнок*, *еманий*, *еманиха*, *еманина*, *еманка*, *еманник*, *еманный*, *еману́ха* [СРНГ 1972: 352].

4. Слова французского происхождения: *сак* (Казачинская волость Енисейского уезда Енисейской губернии).

Слова-наименования одежды и головных уборов (в том числе *сак* – «просторный, мешкообразный плащ») из французского языка, бесспорно, относятся к «досибирскому» фонду русских старожильческих говоров.

5. Слова со спорным происхождением: *кайлá* (Казачинская волость Енисейского уезда Енисейской губернии), *чалдóн* (вар. *челдóн*; с. Еловка Погорельской волости Красноярского уезда Енисейской губернии), *шáньгá* (с. Петропавловское Ачинского уезда Енисейской губернии, г. Енисейск Енисейской губернии).

Трудности при определении этимологии данных лексических единиц были вызваны прежде всего тем, что в работе А.Д. Григорьева часто отсутствуют дефиниции слов. В некоторых случаях мы способны лишь предположить этимологию, так как слова могут быть не зафиксированы ни в одном из используемых нами словарей. Речь идёт о таком слове, как *кайлá*, которое может являться либо формой множественного числа от «кайлó» («лом для разбивания камней и мёрзлой земли» [Фасмер 1987: 161]) и, таким образом, восходить к германским языкам, либо происходит из тюрко-татарских языков, в которых «*кайлá*» обозначает «хитрость, ловкость», а также является однокоренным с глаголами «ворчать», «смотреть» [Радлов 1899: 27–28]). Следующей особенностью слов данной группы является то, что в некоторых случаях существуют различные точки зрения на распределение ролей между языком-донором и языком-реципиентом. Например, слово *шáньгá*, по утверждению М. Фасмера, было заимствовано в финно-угорские языки из русского [Фасмер 1987: 405]. Противоположное мнение высказывает А.Е. Аникин, отмечая, что слово *шáньгá* пришло в русские говоры из карель-

ского [Аникин 2000: 689–690]. В случае слова *чалдóн* мнения М. Фасмера и А.Е. Аникина также расходятся, так как Аникин считает попытку Фасмера связать данное слово с монгольскими языками неубедительной [Аникин 2000: 639].

6. Слова неизвестного происхождения: *супы́рик* (г. Енисейск Енисейской губернии), *ша́ять* (г. Енисейск Енисейской губернии), *шебарчи́ть* (г. Енисейск Енисейской губернии), *ши́шляться* (Знаменский завод Красноярского уезда Енисейской губернии).

Данная группа слов представляет наибольшую сложность. Здесь находятся слова, происхождение которых не разъясняется ни в одном из используемых нами этимологических словарей. Не всегда в работе А.Д. Григорьева «Русские старожильческие говоры Сибири» указаны даже значения этих слов. В данном случае в работе приведены только значения слов *супы́рик* («кольцо с камнями»), *ша́ять* («тлеть»), *ши́шляться* («медлить»). В «Словаре русских народных говоров» мы находим иные варианты слова *супы́рик* – *супе́рик*, *супе́ричек*, *супе́рник*, *супы́рь*. Интересен широкий семантический спектр данного слова: «небольшое возвышение, пригорок»; «сугроб»; «кольцо»; «высокомерный, надменный человек», «некрасивый, невзрачный ребенок»; «осока» [СРНГ 2008: 270–271]. Лексическую единицу *шабарка́ть* (*шабарча́ть*, *шабарши́ть*, *шабарчить*) встречаем в словаре Фасмера, где лексическое значение данного слова определяется как «болтать, разговаривать» [Фасмер 1987: 391]. К сожалению, в материалах А.Д. Григорьева отсутствует дефиниция данной лексической единицы.

Итак, в статье нам удалось показать, что в русских старожильческих говорах присутствуют языковые элементы из финно-угорских, тюрко-татарских, славянских, монгольских, французских языков и что работа А.Д. Григорьева

ва «Русские старожильческие говоры Сибири» с этой точки зрения представляет большую ценность для науки. Как мы могли убедиться, в работе содержатся новые для сибирской диалектологии сведения не только о местах бытования тех или иных лексических единиц, но и в целом новые, не зафиксированные в словарях слова, которые могут стать предметом новых этимологических исследований. Несмотря на недостатки работы А.Д. Григорьева, заключающиеся прежде всего в частом отсутствии толкования фиксируемых слов, что бесспорно усложняет поиски их верной этимологии, «Русские старожильческие говоры Сибири» заслуживают внимания со стороны диалектологов, так как введение в научный оборот нового, несправедливо забытого, на наш взгляд, источника сибирских говоров поможет найти ответы в спорах о распределении русских первопоселенцев по территории Сибири, а также о межъязыковой интерференции.

Библиографический список

1. Аникин А.Е. Этимологический словарь русских диалектов Сибири. Заимствования из уральских, алтайских и палеоазиатских языков. Москва, Новосибирск: Наука, 2000. 768 с.
2. Григорьев А.Д. Образование и общее распределение русских старожильческих говоров Сибири // Сборник статей в честь академика А.И. Соболевского. Ленинград: Изд. акад. наук СССР, 1928. С. 386 – 389.
3. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М.: Азъ, 1992. Т. 1–5.
4. Радлов В.В. Опыт словаря тюркских наречий. Санкт-Петербург: тип. Имп. акад. наук, 1898–1905. Т. 1–3.
5. Словарь русских народных говоров. Ленинград, Санкт-Петербург: Наука, 1965–2013. Т. 1–46.
6. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. М.: Прогресс, 1986–1987. Т. 1–4.
7. Фёдоров А.И. Словарь русских говоров Сибири. Новосибирск: Наука, 1999–2006. Т. 1–5.

А.В. Кипчатова

*Красноярский государственный педагогический
университет им. В.П. Астафьева*

**ЭВОЛЮЦИЯ ЛСГ ГЛАГОЛОВ
«ОТЧУЖДЕНИЯ-ЛИШЕНИЯ»
В ЯЗЫКЕ XVIII ВЕКА (ПО МАТЕРИАЛАМ
СИБИРСКОЙ ЧАСТНОЙ ПЕРЕПИСКИ)**

В предлагаемой статье рассматривается история группы глаголов, объединенных общим лексическим значением «отчуждения-лишения». В качестве источника привлечен материал рукописных источников XVIII века – частной переписки сибирских купцов, хранящихся в Государственном архиве Красноярского края. Прослеживается семантика слов, обозначающих действия, на основе выделения общих и дифференциальных сем, определены ареалы распространения анализируемых глаголов, прослежена судьба лексем в системе национального русского языка.

Историческая лексикология и лексикография, лингвистическое источниковедение, этимология, лексико-семантическая группа, лексическое значение, лексема, сема.

A.V. Kipchatova

*Krasnoyarsk State Pedagogical University
named after V.P. Astafiev*

**EVOLUTION OF LEXICO-SEMANTIC GROUP
OF «ALIENATION / DEPRIVATION» VERBS
IN THE LANGUAGE OF THE 18TH CENTURY
(BASED ON SIBERIAN PRIVATE CORRESPONDENCE)**

The following article examines the block of words connected by the common lexical meaning “alienation / deprivation”. As a source of our research we involved handwritten sources from the 18th century – private correspondence of Siberian merchants which is stored in the State archive of Krasnoyarsk krai. The article examines semantics of the words which mean action based upon selection of common and differential semes, defines areas of distribution of the analyzed verbs, and observes development of the lexemes within the system of the national Russian language.

Historical lexicology and lexicography, linguistic source study, etymology, lexico-semantic group, lexical meaning, lexeme, seme.

Особую лексико-семантическую группу в материалах частной переписки XVIII в. составляют глаголы «отчуждения-лишения». Сложность выделения подобных групп как самостоятельных заключается в том, что они представляют собой классы пересекающегося характера. Это происходит прежде всего потому, что компоненты значения, по общности которых глаголы могут быть объединены в группы, повторяясь во многих словах, выступают в них и как категориальные, и как дифференциальные семы.

Соотнесенность входящих в рассматриваемую ЛСГ слов основывается на том, что в структуре лексических значений данных глаголов содержится один признак «отчуждения-лишения», который обуславливает их семантическую связанность. Наряду с этим в значениях слов – членов ЛСГ – отмечаются и другие семантические признаки, которые определяют различия в лексических значениях рассматриваемых слов, создавая условия для семантической противопоставленности слов внутри групп. Объем рассматриваемой ЛСГ глаголов обусловлен наличием их в исследуемых памятниках.

Данную группу глаголов «отчуждения-лишения» условно можно разделить на три подгруппы: ЛСГ с ядерным глаголом расходовать «тратить, употреблять, использовать»; ЛСГ с ядерным глаголом лишить(ся) «оставить без чего-либо, отнять что-либо, утратить»; ЛСГ глаголов, объединенных общим значением «разрушить». При этом мы учитываем, что выделенные подгруппы в семантическом отношении настолько близки между собой, что некоторые лексемы в своих значениях можно отнести как к первой, так и ко второй подгруппе. Объектом рассмотрения в пределах данной статьи стала ЛСГ с ядерным глаголом расходовать «тратить, употреблять, использовать».

Указанная группа по данным изучаемых памятников включает следующие глаголы: выйти, уйти, убавлять, избывать, держать, издержать.

В самом общем значении «израсходоваться» в письмах употреблен глагол выйти: *бочек хотя/ j десять и по первому* [здесь и далее выносные буквы введены в строку и подчеркнуты – А.К.] *пути ко мне прислатъ кои чрезъ зиму все могут выйти и хотя j в весну уйдут нету опасности...* (№4469, л.23); *... я ж ваши чулки валеныя все продал... ежели угодно то вперед поддюжицки по Христову дни для свадеб привези а боля постарайся купить алых со стрелками jли голубых то у нас и выйдутъ скорей...* (№4469, л.82 об.).

Семантическое поле глагола выйти к XVIII в. в основном уже сложилось. Глагол мог обозначать следующие действия: «идти вонь откуда», «избавляться», «оставлять мѣсто какое, службу, состояніе, слагать съ себя должность, званіе», «относительно къ вещамъ жидкимъ: вытекать», «говоря о вещах вколоченныхъ, вложенныхъ, утвержденныхъ во что: трогаться съ мѣста, выдвигаться, выпадать», «относительно к растениямъ: показываться, ростки пускать из земли», «составляться, дѣлаться», «издерживаться, тратиться, употребляться на что», «говоря о книгах: издаваться, выпускаться в светъ» [САР 1806, ч. I: ст. 1006–1007]. Все эти значения обладают общим семантическим признаком «отчуждения объекта», который в одном случае является основным, а в другом дополнительным. В качестве самостоятельного в этот период выделяется и значение «издерживаться, тратиться, употребляться», отмеченное в исследуемых памятниках.

Первая, известная нам фиксация глагола выйти в значении «израсходоваться, истратиться, иссякнуть» относится к первой половине века: в указанном значении глагол выйти находит отражение в текстах деловой письменности этого периода: *... А сколько изъ ямскихъ изъ зборныхъ денегъ*

возмутъ и на какие расходы у нихъ тѣ деньги порознь выдутъ, и имъ тѣ деньги у себя въ приходе и въ розходе написать именно впередъ для спору... (СлРЯ XI-XVII вв., в.3, 208: Писц., д.1, 222, 1623г.). Глагол выйти в значении «издержаться, израсходоваться» сохраняет общерусский характер распространения и в языке XIX в. [Даль, I: 323]. В качестве самостоятельного указанное значение отмечается и в современном русском литературном языке [МАС, I: 258].

Словообразовательно и семантически глагол выйти связан с глаголом уйти «израсходоваться», нашедшим отражение в материалах сибирской частной переписки: ... *j золото пус мастеръ свое положить j сколько уйдетъ золота и что доведетъ за работу то перешлемъ...* (№4469, л.66). В языке XVIII в. глагол уйти употреблялся при обозначении какого-либо движения как конкретного, так и отвлеченного характера (САР 1822, VI, 318). В наших памятниках глагол уйти в значении «израсходоваться» фиксируется впервые. Развитие значения «израсходоваться» глагола уйти могло возникнуть на основе базового прямого значения «оставлять место». Возможно также и другое объяснение: значение «израсходоваться», «истратиться» развивается у глагола уйти под влиянием глагола выйти, с которым он связан не только словообразовательно, но и семантически. Косвенным подтверждением тому является отсутствие самостоятельного значения «израсходоваться» глагола уйти в языке памятников XVIII в. центральной части России.

Семантическое поле глагола уйти уже в XVIII в. было довольно сложным: оно включало два антонимических значения – «израсходоваться» и «остаться», что нашло отражение и в исследуемых памятниках: ... *бочекъ хотя j десять и по первому пути ко мне j прислать кои чрезъ зиму все могутъ вытти и хотя j в весну уйдутъ нету опасности...* (№ 4469, л. 23). Значение «остаться» глагола уйти также не находит от-

ражения в памятниках раннего периода. На сложность семантических отношений слова уйти указывают данные русских народных говоров, где тоже отмечаются два антонимических значения – «вступить в колхоз, коммуну» и «выйти из колхоза» (КСРНГ, П, 1490 Быковая, Вагайск. Тюмень, Козлова, 1971, 208). Это подтверждает мысль не только о функционировании рассматриваемого глагола в значениях «израсходоваться» и «остаться» как локально ограниченных, но и о том, что указанные значения функционировали в языке разговорном.

В XIX в. слово уйти в значении «израсходоваться» отмечается в языке общерусских источников, а в современном русском литературном языке значение «истратиться, израсходоваться, быть употребленным на что-либо» выделяется в качестве самостоятельного (МАС, IV, 477–478).

В значении «расходовать, уменьшать» в частной переписке употреблен глагол убавлять: ... *а уже видно что приводитца с краю своего припасения убавлять...* (№ 4469, л.42). В языке XVIII в. глагол убавлять употреблялся в значении «умалывать, сокращать, уменьшать, унимать», что фиксируется рядом лексикографических источников (САР, I, 74; Поликарпов Лекс. 1704, 342; Вейсм. Лекс. 1731, 550 и др.). В языке памятников XVIII в. глагол убавлять употреблен в значении «отнимая часть, уменьшать»: ... *Уваривъ до самой спѣлости, убавляютъ изъ подъ котла мало по малу дрова и застуживаютъ мыло...* (КСлРЯ XVIII в., Лепех.Путеш., ч.I, 1771, 46). В качестве дифференциального семантического признака в семантике глагола убавлять можно выделить признак «частичного отчуждения».

Впервые глагол убавлять в значении «уменьшать» отмечается в языке деловых документов XVII в.: ...*А другое... противъ образцового писма ни мало ни въ чемъ не отмѣняя ниже что прибавляя или убавляя, опасая то, чтобъ...*

дѣла... свободно было... (КСлРЯ XI–XVII вв., в.3. Петр I, 1688 – 1701 гг.). В языке XIX в. значение «умалять, уменьшать, сокращать, отбавлять, отымать часть» глагола убавлять выделяется в качестве основного (Даль, IV, 456–457). Это же значение сохраняется и в современном русском литературном языке (МАС, IV, 442).

В значении «издерживать, расходовать» употреблен в письмах глагол избывать: ... *да еще уведоми овечекъ всехъ избывать жли сколко для приплоду пустить в зиму...* (№4469, л.8). В языке XVIII в. глагол избывать употреблялся в значениях «сверхъ довольства въ остаткѣ имѣть», «стараться избавиться, освободиться отъ чего» (САР, I, 400–401); «избѣгать» (Курган-Письмовн., 4 изд., 1790, 268). Как видно, семантическое поле глагола избывать могло также включать два антонимических значения – «сверхъ довольства в остаткѣ имѣть» и «стараться избавиться, освободиться отъ чего». Значение «расходовать, издерживать» глагола избывать входит в систему значения «стараться избавиться, освободиться отъ чего» и в качестве самостоятельного в системе языка XVIII в. не выделяется. В этот период глагол избывать в значении «сжить, сбывать» находит отражение в текстах делового характера: ... *Не избывай постылова, возметъ Богъ милова* (КСлРЯ XVIII в., Барсов. Собр. Росс. пословиц, 1770, 153).

Значение «продавать, сбывать (товар, имущество)» глагола избывать впервые отмечается в языке деловых документов первой половины XVII в.: [*Фальшивые*] *деньги избывали на всякие покупки врознь...* (СлРЯ XI–XVII вв., в.6, 104; СГГД, III, 370. 1637г.).

В языке XIX в. выделяются следующие значения глагола избывать: «сбывать, сживать, изводить чемъ, погублять» (Даль, II, 12). Значение же «истрачивать, издерживать, расходовать... лишаться чего...» носит в этот период локально ограниченный характер и отмечается на территории ярос-

лавских говоров (Даль. Там же), а значение «расходовать, проживать» глагола избывать встречается в севернорусских говорах Новгородской и Вологодской областей (СРНГ, в.12, 98). Материалы сибирской частной переписки XVIII в. позволяют предположить, что глагол избывать в значении «издерживать, расходовать» имел более широкий ареал распространения, включая также и территорию Сибири. В современном русском литературном языке значение «издерживать, расходовать» глагола избывать не фиксируется, устаревшим является и значение «освободиться, избавиться от кого-либо» (МАС, I, 637).

В этом же значении «тратить, расходовать» в памятниках отмечается и глагол держать: ... и я разумею тебе Катинка ко мне писма писать все [будешь]наимывать и деньги держать: то ты не иначе хотя худенко да лутчая рубешков толко [сама]и пиши хотя на малинкой цыбудке свое к ме, мы тем доводны будемь видя твою ручку... (№4469, л.3об.).

В языке XVIII в. глагол держать имеет довольно развитую систему значений, часть из которых восходит к общему семантическому признаку «обладания»: «иметь что в руках», «владеть, управлять» и т. д.; другая часть – к общему семантическому признаку «даяния»: «давать убожище», «употреблять, тратить»; третья – к общему семантическому признаку «взятия»: «ловить или останавливать бегущего» (САР 1809, II, 60–64). В пределах ЛСГ глаголов «отчуждения объекта» рассмотрим лишь развитие значения «тратить, расходовать» глагола держать, восходящего к общему семантическому признаку «даяния». В значении «тратить, расходовать» глагол держать употреблялся в языке XVIII в. лишь в сочетании с определенными существительными: «держать расходь, щоть. Употреблять, тратить и записывать, что, когда и на что истрачено» (САР, I, 456); «...деньги в расходь держать, употреблять...» (Лекс.Волчк. 1755, ч.I, 639).

Указанное значение глагола держать отмечается лишь в языке XVIII в. (СлРЯ XI–XVII вв., в.5, 224–225) и функционирует, по-видимому, в системе разговорного языка. В XIX в. в значении «издерживать, расходовать, тратить» глагол держать находит отражение в севернорусских народных говорах, говорах Урала и Сибири (Даль, I, 431; СРНГ, в. 8, 20–21). В настоящее время глагол держать в указанном значении не отмечается ни в системе современного русского литературного языка (МАС, I, 389–390), ни в системе современных народных говоров.

Словообразовательно и семантически связаны глаголы держать и издержать в значении «истратить, израсходовать». В указанном значении глагол издержать также отмечается в наших источниках: ... *а денег издержал 3 р 10 к...* (№ 4469, л. 8); ... *а я с вами Имею впрѣд разчѣтъ учинить и расплатит-ся что на мой счет издержите...* (№ 4469, л. 54 об); ... *да обявляд он что везет для вас гранитуру голубого 12 ар... сколко вы для себя издержите а достальное что останется пусть полежит...* (№4469, л.69об.-70); ... *хотя ж весовья денги от-даны на щет намъ я ведаю что вы издержите то обо всемъ жмейте записку ...* (№ 4469, л. 62 об.); ... *еще послад я к Александръ Никифировичу Апрелкову обстоятельное писмо об забытых и на щет не положенных взяток приказчиком Чеченовымъ денешках, кои он дорогою издержалъ...* (№ 4469, л. 69). В отличие от глагола держать, глагол издержать/издерживать в языке XVIII в. является однозначным и употребляется в значении «тратить, изводить» (САР 1809, II, 1006). Собственно русский по происхождению глагол издержать впервые отмечается в «Памятниках дипломатических сношений Московского государства с Польско-Литовским» 1493 г. Образованное с помощью приставки из- от глагола держать «иметь при себе» (Срезн., I, 775) слово сохраняет тесную семантическую связь с указанным глаголом. Первоначально глагол издержать

употреблялся в значении «истратить что-либо (час, деньги)», к рассматриваемому периоду (XVIII) лексическое значение глагола издержать сужается, он отмечается уже только в значении «истратить деньги» (ЭСРЯ, т.2, в.7, 31); не претерпевает изменений лексическое значение глагола издержать в языке XIX в. (Даль, II, 20–21) и в современном русском и литературном языке (МАС, I: 643).

Рассмотренные глаголы на основе общего семантического признака «израсходовать(ся)» в пределах рассмотренных памятников сибирской частной переписки образуют синонимический ряд, основу которого составляют общеупотребительные в языке XVIII в. слова: выйти/выходить, убавлять/убавить, избывать, держать, издержать/издерживать. Но в состав синонимического ряда входит и слово, имевшее локально ограниченный характер (уйти «израсходоваться»). Судьба рассмотренных слов неодинакова: часть из них сохранилась в современном русском литературном языке в указанных значениях (убавлять, издержать, уйти). В ряде случаев наблюдается сужение семантического поля (избывать, держать).

Библиографический список

1. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1955. Т. I–IV.
2. Картотека Словаря русского языка XVIII в. Институт лингвистических исследований РАН.
3. Словарь Академии Российской. СПб., 1789-1794. Т. I–VI.
4. Словарь русского языка XVIII в. Л.: Наука, 1984–1987. Вып. 2.
5. Спасский Г.И. О торговых сношениях России с Западным Китаем и другие статьи по истории Китая. ГАКК, ф. 805, оп. 1, № 94.
6. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. М., 1964–1973. Т. 1–4.
7. Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. СПб., 1890–1907.

А.А. Курделяс

*Красноярский государственный педагогический
университет им. В.П. Астафьева*

**СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ РУССКОЯЗЫЧНЫХ
И АНГЛОЯЗЫЧНЫХ ЭВФЕМИЗМОВ
В ЗАГОЛОВКАХ ПЕЧАТНЫХ СМИ**

В предлагаемой статье отображаются результаты лингвистического исследования эвфемизмов в русскоязычных и англоязычных СМИ. Анализ включает в себя определение типов и форм эвфемистических единиц, их целей и принципов использования.

Эвфемизмы, СМИ, антифразис, политическая лингвистика, медиалингвистика.

A.A. Kurdelyas

*Krasnoyarsk State Pedagogical University
named after V.P. Astafiev*

**COMPARATIVE ANALYSIS OF RUSSIAN
AND ENGLISH EUPHEMISMS
IN PRINTED MASS MEDIA**

The given article reflects the results of linguistic research of the euphemisms in the Russian and English mass media. Analysis includes the definition of euphemistic types and forms, its objects and principles of usage.

Euphemisms, mass media, antiphrasis, political linguistics, media linguistics.

Цель работы – попытка исследования эвфемизации публичной речи путем лингвистического анализа русскоязычных и англоязычных заголовков печатных СМИ. Актуальность темы продиктована интересом современного языкознания к проблемам этого круга. В исследованиях таких ученых, как Б.А. Ларин, А.М. Кацев, А.Д. Васильев, обращается внимание на особенности использования эвфемизмов в речевой коммуникации. Достижение цели предполагает решение следующих задач.

1. Сопоставить известные определения понятия «эвфемизм» в отечественных и зарубежных трудах.

2. Выполнить лингвистический анализ текстов отечественных и зарубежных СМИ на политические, спортивные, экономические темы.

3. Установить и сравнить цели, средства, принципы использования эвфемизмов на уровне исследуемых языков.

Материалом исследования послужили заголовки информационно-аналитических статей, опубликованных в современных русскоязычных и англоязычных газетах: «Независимая газета», «Ведомости», «Коммерсант», «The Guardian», «The Workers Vanguard», «The Telegraph» за 2011–2016 гг. Данные газеты – крупнейшие периодические издания, где публикуется качественная и оперативная информация, посвященная актуальным проблемам общественной, политической и культурной жизни в России и за ее пределами.

В лингвистике эвфемизмы стали изучаться начиная с XIX в. Немецкий ученый Г. Пауль представил эвфемизмы как хорошо известную схему семантических изменений. Впоследствии этому вопросу уделяли внимание А. Мейе, С. Видлак, Ш. Балли. Работы А. Майера, изучавшего табу и эвфемизмы в античном обществе, привлекли внимание ученых к этому явлению в первой половине XX в. Но только в течение последних десятилетий эвфемизмы стали объектом пристального внимания. Следует отметить, что динамичные изменения социокультурного фона влияют на систему языка, поэтому современная лингвистика постоянно нуждается в обеспечении новых материалов для исследования.

Рассмотрим семантизацию понятия в трудах отечественных ученых: «Эвфемизмы – слова или выражения, служащие в определенных условиях для замены таких обозначений, которые представляются говорящему нежелатель-

ными, не вполне вежливыми, слишком резкими» [Шмелев 1979: 199]. Данное понятие определяется как способ, маскирующий обозначения неприятных явлений. Б.А. Ларин называет эвфемизмами «подставные», но дозволенные и пристойные наименования, отвлекающие от его узнавания, якобы превращающие силой словотворчества злые качества, действия в благоприятные, желательные или хотя бы безвредные, т. е. как некую разновидность вербальной магии [Ларин 1977: 102].

Рассмотрим определение понятия с точки зрения зарубежных источников. Н.А. Rawson утверждает, что слово «эвфемизм» происходит с греческого как «хорошо звучащая речь» и обозначает слова, использующиеся вместо колких, болезненных и обидчивых выражений [Н.А. Rawson 1981:1]. В Кембриджском международном словаре английского языка термин «эвфемизм» определяется следующим образом: «Применение слова или фразы, использующейся, чтобы избежать упоминания другого слова или фразы, которые более сильные и честные, но более неприятные и оскорбительные» [Cambridge International Dictionary of English 2001: 8].

Обычно выделяют следующие цели (причины) эвфемизации речи:

- стремление избежать коммуникативных неудач, которые приводят собеседника к дискомфорту;
- вуалирование, маскировка существа дела по причине боязни огласки антигуманной деятельности;
- стремление скрыть смысл во избежание напряженности и конфликтности сторон.

Основные сферы применения эвфемизмов – общественная, экономическая, политическая деятельность. Следует заметить, что статьи, посвященные политическим темам, являются более актуальными, и эвфемия оказывается довольно распространённым и эффективным сред-

ством реализации феномена политкорректности. Она представляет собой формальное средство избежать конфликтов в поликультурном обществе путем установления специальных норм речевого этикета, табуирования ряда слов и выражений.

С целью исследования эвфемизации речи как лексического явления было проведено исследование заголовков русскоязычных и англоязычных текстов средств массовой информации, а именно газет «Независимая газета», «Ведомости», «Коммерсант», «The Guardian», «The Workers Vanguard», «The Telegraph».

В публикации «Блогер, обвиняемый в оскорблении чувств верующих, оказался антисемитом-матерщинником» сообщается, что Виктор Колосов вступил в религиозный онлайн-диспут с двумя согражданами, которые написали на него заявление в прокуратуру. Мировой суд Ставрополя начал рассмотрение соответствующего уголовного дела [ng.ru № 1685397: 2016]. В заголовке рассматриваемой статьи содержится эвфемизм *антисемит*, которое заменяет слово *ненавистник*. «Антисемит – вм. ненавистник евреев. Инояз. фр. antisemite < гр. anti – против + Sem – Сим, сын Ноя» [Сеничкина 2008: 58]. Иноязычное слово, связанное с религиозной дискриминацией, используется в соответствии с принципом тактичности по отношению к определенной культуре, смягчающей истинную семантику слова. Цель эвфемистической замены – соблюдение вежливости, социальных норм. Выполнение требований к речи является следствием проявления политической корректности по отношению к собеседнику.

В «Независимой газете» в статье под заголовком «Фатальные родители» приводятся статистические данные о том, что минимум 18 российских детей погибли от жестокого обращения в американских приемных семьях.

Прилагательное *фатальный* используется вместо *жестокый*. Рассмотрим семантику данных слов. «ФАТАЛЬНЫЙ, -ая, -ое; -лен, -льна (книжн.). 1. Предопределенный роком; загадочно-непонятный. Фатальное совпадение. Фатальная неизбежность. Ф. случай. 2. Роковой, трагический по своей сути, по результатам. Ф. исход. Фатальные последствия. П сущ. фатальность, -и, ж.» [Ожегов, Шведова 1999: 849]. Как мы видим, рассматриваемая лексическая единица может образовывать словосочетания, вступая в связь с существительными, обозначающими абстрактные понятия, такие как случай, событие, последствие, неизбежность. «ЖЕСТОКИЙ, -ая, -ое; -ок; жесточе; жесточайший. 1. Крайне суровый, безжалостный, беспощадный. Ж. враг. Жесткие нравы. Ж. человек. 2. перен. Очень сильный, превосходящий обычное. Ж. мороз. Жестокая засуха. Жестокая борьба. Жестокая необходимость (тягостная и непреодолимая). П сущ. жестокость, -и, ж.» [Ожегов, Шведова 1999: 192]. Данное прилагательное может использоваться с существительным *человек* и другими отглагольными существительными для обозначения действий. Таким образом, можно сделать вывод о том, что с точки зрения грамматики использование данной замены нелогично. Слово *фатальный* является эвфемизмом, указывающим на человеческие пороки и обладающим признаком семантической неопределенности, который смягчает негативную оценку денотата. Цель использования эвфемизма – камуфлирование негативных явлений в жизни людей, в данном случае – смягчение указания на жестокие действия над детьми, производимые опекунами-гражданами США, во избежание напряженности и конфликтности стран.

Заголовок «Американский футуролог создал лубочный образ Китая» содержит в себе эвфемизм *лубочный*, употребленный вместо слова *примитивный*. «Лубочный – вм.

низкого качества, примитивный. О дешевых изданиях, о литературе, рассчитанной на невзыскательный вкус» [Сеничкина 2008: 180]. Свойство семантической неопределенности смягчает негативную оценку денотата, в связи с тем, что читателю малоизвестна семантика слова *лубочный*. Эвфемизм связан с тематической группой «дискриминация по культурному признаку» и мотивирован принципом вежливости. Следовательно, главной целью замены слова является стремление скрыть смысл истинного значения слова во избежание напряженности и конфликтности сторон.

Рассмотрим заголовки статей, опубликованных в англоязычных газетах. «Journalist arrested with brown sugar in Dibrugarh» – «Журналист арестован за коричневый сахар в Дибругарх». Арготический эвфемизм *коричневый сахар – brown sugar* используется вместо слова героин. «Коричневый сахар – героин» (пер. с англ.) [Holder 2002: 44]. Замена, использованная по принципу развертывания лексических единиц, мотивирована целью обхода языкового табу, которому подвергается тема, связанная с использованием гражданами наркотических и психотропных веществ.

«Eight million people «economically inactive»» – «8 миллионов людей экономически неактивны». Словосочетание *economically inactive*, в переводе на русский *экономически неактивный*, является эвфемизмом и относится к области экономики государства и заменяет прилагательное *безработные*. «Экономически неактивный – безработный» (пер. с англ.) [Holder 2002: 123]. Замена мотивирована чувством приличия с целью нежелания употребления лексической единицы *безработный* во избежание психологического напряжения со стороны аудитории.

«Has Vladimir Putin blinked over Ukraine?» – «Владимир Путин проморгал Украину?» В заголовке содержится фразовый глагол *to blink over – проморгать*, который яв-

ляется эвфемизмом и используется вместо нейтрального *to overlook* – *упустить*. Данная замена привлекает к себе внимание аудитории, тем самым главной целью использования эвфемизма является эмоциональное воздействие, фразовый глагол с экспрессивной окраской описывает действия значимого политического деятеля России.

Изучив заголовки информационно-аналитических статей, мы отмечаем следующее:

– использование эвфемизмов обусловлено требованиями к выполнению социальных норм, соблюдению политической корректности, а также к соблюдению принципа психологической уместности;

– освещение политических тем в СМИ является очевидно приоритетным и диктует все большее появление и употребление политических эвфемизмов как в русском, так и в английском языке;

– наиболее употребительным способом образования эвфемизмов в заголовках печатных СМИ является маскировка семантического компонента. Популярность этого способа объясняется тем, что он позволяет коммуникатору не выдавать за правду явную ложь, а лишь слегка размыть границы самой правды за счет вуалирования истинного значения слова;

– больше всего языковые замены использовались в русскоязычных изданиях с целью маскировки истинного смысла сообщения, во избежание огласки чьей-либо негативной деятельности, для привлечения внимания к тексту и исключения последствий, приводящих к психологическому дискомфорту и коммуникативным неудачам. В англоязычной периодике главными целями были вуалирование истинного смысла сообщения, предотвращение чьей-либо незаконной деятельности и основанной на страхе потери репутации; транквилизирующий эффект, предотвращающий появ-

ление психологического дискомфорта и обход последствий, которые могут привести к конфликтам между странами или разными группами населения одной страны, а также соблюдение политической корректности.

Подводя итоги, мы полагаем, что эвфемизмы должны быть предметом исследования прежде всего в таких научных областях, как политическая лингвистика и медиалингвистика. Интенсивное употребление единиц-эвфемизмов в печатных СМИ приводит к их популяризации и проникновению в широкое употребление, а следовательно, и к вероятной корректировке общественного мнения и изменениям активного словарного запаса носителей языка.

Библиографический список

1. Васильев А.Д. Игры в слова: манипулятивная эвфемизация // Политическая лингвистика. 2010. № 2. С. 101–108.
2. Васильев А.Д. Слово в российском телеэфире. Очерки новейшего словоупотребления. М.: Флинта-Наука, 2003. 224 с.
3. Кацев А.М. Языковое табу и эвфемия: учебное пособие к спецкурсу. Ленинград, 1988. 80 с.
4. Крысин Л.П. Эвфемизмы в современной русской речи // Русистика. 1994. № 1–2. С. 28–49.
5. Ларин Б.А. Об эвфемизмах // История русского языка и общего языкознания. М., 1977. С. 110.
6. Сеничкина Е.П. Эвфемизмы русского языка. М.: Высшая школа, 2006. 161 с.
7. Шмелев Д.Н. Эвфемизм // Русский язык: энциклопедия. М, 1979. 879 с.
8. Cambridge International Dictionary of English. Cambridge University Press, 2001.
9. Holder R.W. A Dictionary of Euphemisms. Bath: Bath University Press, 1995.
10. New Oxford Thesaurus of English. New York: Oxford University Press Inc, 2000.
11. Rawson H.A. Dictionary of Euphemisms and other doubletalk. New York, 2002.

Т.В. Мамаева

*Красноярский государственный педагогический
университет им. В.П. Астафьева*

**ОБРАЗ «ПРОМЫСЛОВАЯ РЫБА»
В ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ РЫБАКОВ
ПРИЕНИСЕЙСКОЙ СИБИРИ***

В работе рассматриваются специальные наименования промысловой рыбы, а также образы и понятия, закрепленные в их внутренних формах в составе терминологического поля «Промысловая рыба» как отражение языкового сознания определенной профессиональной группы. *Языковое сознание, Приенисейская Сибирь, терминологическое поле.*

T.V. Mamaeva

*Krasnoyarsk State Pedagogical University
named after V.P. Astafiev*

**THE IMAGE OF «COMMERCIAL FISH»
IN THE LINGUISTIC CONSCIOUSNESS
OF THE YENISEI SIBERIA FISHERMEN**

Special names of commercial fish and images and concepts enshrined in their domestic forms as a part of the terminological field are viewed in this article. These names are the reflection of language consciousness of a Yenisei Siberia professional group (fishermen).

Linguistic consciousness, associative links, Yenisei Siberia, terminological field.

Участие языкового сознания является тем значимым фактором, без учета которого невозможно рассматривать особенности семантического членения действительности конкретным языком. Условия для формирования, функционирования и структурирования лексики определенной профессиональной сферы человеческой деятельности создает особый тип семантического поля, которое закрепляет за терминологическими единицами языка право отличать-

* Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ и Красноярского краевого фонда поддержки научной и научно-технической деятельности. Проект «Базовые ценности регионального языкового сознания русских Приенисейской Сибири» № 16-14-24003.

ся от общеупотребительных единиц. В данной работе таким особым типом поля мы считаем терминологическое поле.

На сегодняшний день под терминологическим полем понимают унифицированную, системно организованную совокупность терминов профессиональной сферы. Характерными чертами терминополья является многоуровневая, ступенчатая организация. Специальные наименования объединяются в семантические гиперполя, макрополя, которые, в свою очередь, как правило, имеют в составе более одной терминологической группы и представляют собой совокупность специальных наименований на основе их предметно-логической общности. По мнению А.А. Уфимцевой, выделение тематических групп и изучение их составляющих имеет большое значение, т. к., кроме прочего, это «помогает вскрыть, как, в каких лексических единицах идет опредмечивание мира, как членится при помощи лексики опыт данного народа» [Уфимцева 1968: 173].

Специальная лексика рыбаков Приенисейской Сибири, подобно другим знакам лексико-семантической системы языка, образует особым образом организованные поля в соответствии с формальными, парадигматическими и синтагматическими особенностями. Путем поэтапного членения гиперполя «Промысел», макрополя «Рыбный промысел» мы выявили, что в его структуру входит более 20 терминологических полей («Способы ловли», «Рыболовные приспособления», «Промысловые процессы и действия», «Рыболовные постройки», «Промысловые группы», «Промысловая рыба» и др.). Рассмотрим наименования, включенные в терминополье «Промысловая рыба», входящее в состав терминологического макрополя «Рыболовный промысел».

В составе рассматриваемого поля большой частотностью употребления характеризуются наименования: *красная рыба, белая рыба – белорыбца* и их виды: *стерлядь, осётр,*

нельма, муксун, елец, налим, омуль, пелядь, язь, сельдь, сиг, таймень, тугун, чир, кунджа/кунжа/кумжа, хариус, щука, зубатка – корюшка, окунь, сорога, белуга, мокчегор, шип, рогатка, белуха и др. Данные наименования выступают в качестве гиперонимов для отдельных видовых наименований рыбы, отношения синонимии также прослеживаются в данном ТП. Наименование *бульбан* 'рыба язь' является эквивалентом родового наименования *язь*, которое вступает в отношения синонимии с наименованием *подъязок* – рыба язь небольшого размера. Родовое наименование *муксун* имеет несколько семантических синонимов, называющих муксуна по весу, степени разделки: *мелочь* – рыба муксун весом менее 819 г (*Моксунов, весящих меньше 2 фунтов, называют мелочью*. Кыт., 1898: 30), *половьё* – муксун весом от 819 г до 1,433 кг (*Моксун весом от 2 до 3,5 фунтов называется половье*. Кыт., 1898: 30), *головной муксун* – рыба муксун весом не менее 1,433 кг (*Головной или целый муксун – это муксун весом не менее 3,5 фунтов*. Кыт., 1898: 30), *половинка* – рыба муксун весом менее 1,7 кг (*Моксун, не менее 4 фунтов весом, обходился 15 коп., за рыбу же менее 4 фунтов дают половину этой цены, ибо таковую считают «половинкой»*... Лат., 1892: 175), *кругляш* – рыба муксун с внутренностями (*Когда покупают моксунов с головами, их принимают и не поротыми, кругляшем*. Кыт., 1898: 30). В составе ТП «Промысловые рыбы» выделяются также наименования осетра, нельмы, тайменя и общее название рыбы по возрасту, весу: *костерь* – *костёрка* 'молодой осетр', *синявка* 'молодая нельма', *ускуч* – *ленок* 'молодой таймень', *мулявка* 'рыбий малёк', *чалбаш/чалбыш* 'молодой осетр до 20 килограммов'. Наименование *таймень* имеет также семантический синоним *тось* 'таймень весом 16, 38 кг', наименование *плотва* – несколько эквивалентов: *чебак*, *сорога* (*сорожка*), у наименования *тугун* находим эквивалент *ма-*

нерка. Приведем примеры контекстов к данным наименованиям: *Костерью называют молодых осетров менее двенадцати фунтов весом.* Кыт., 1898: 35; *Стерлядь здешняя уступает далеко российской, а иногда вместо стерляди идет и особый мелкий вид, называемый костерью.* Крив., 1865, 2: 162; *Молодая нельма зовется синявкой.* Кыт., 1898: 31; *Осетра отправлено весом 26 пуд. 30 фун., а счетом 71 осетр; весом тося, то есть тайменя в пуд. 33 фун., а счетом 171 тось.* Ф. 1675, о. 1, д. 70, л. 3. (1882); *В реке Енисее ленок – молодой таймень.* Кыт., 1898: 34; *Рыба Cottus quadricornis, рогатка, есть в Енисее у Гольчихи.* Туг., 1907: 112; *Шипы тупоносые – особый вид осетра или стерляди по Енисею, Чулыму, Бирюсе и трем Тунгускам. Хребетные шипы ее вчетверо крупнее к каждой величине рыбы, нос тупее, в хрящах окостенелость.* Степ., 1835, 1: 88; *В Чертовом озере Канского округа водятся караси, щуки и маленькие чебаки – род сельдей (?).* Пест., 1833: 113; *В маленьких горных речках и р. Мане Красноярского округа ловятся вкусные хариусы, ленки (ускучи)* Лат., 1890: 22).

Терминосочетание *красная рыба*, кроме прямого значения «рыба с красным по цвету мясом», имеет переносное значение «ценная (лучшая) рыба», в этом значении находим контексты, указывающие, что ценной считалась рыба осётр, стерлядь, таймень: *После вскрытия льда рыболовы ловят красную рыбу – стерлядь и осетров поплавнями – сетями.* Мак., 1913: 74; *Самоловы употребляют для ловли красной рыбы – осетра, тайменя – и ничем не наживляют. Рыба, проходя мимо, сама натывается на проволочные крючья, прикрепленные к тонким бечёвкам – поводкам, к концу же поводков привязывают балберы.* Мат., 1893, 4: 312. Термины *белая рыба* или *белорыбица* имеют те же значения: *Енисей изобилует количеством наилучшей рыбы: осетров, стерлядей, белорыбицы (белой рыбы), т. е. тайменей и проч.* Пест., 1833: 17.

В периферийную зону данного поля входят специальные наименования, называющие органы рыбы: *шаглы* 'жабры' (*Осетры покупаются на пароходы на вес, с вынутыми внутренностями, отрезными шаглами, т. е. жабрами*. Кыт., 1898: 34), *макса* 'рыбьи потроха (печень, молоки)' (*Молоки, а по-здешнему, макса, так вкусны и нежны, что не могу придумать ничего другого для употребления*. Крив., 1865, 2: 163; *Ударяя палкой по животу налима, долгане говорят: «Максу (т. е. печень) не прячь!»* Поп., 1931: 205), наименование количества рыбы: *голова, мод*, а также терминосочетание, называющее рыбу по ее состоянию: *духовая рыба* 'рыба, ослабевшая от недостатка кислорода подо льдом'. (*Зимой котцы устанавливают на озерах, на которых удачный лов бывает во второй половине зимы, когда в них попадает духовая рыба. Лов ее основан на том, что в некоторых небольших озерах рыба к концу зимы начинает задыхаться и в поисках свежей воды устремляется к прорубям, которые сделаны над котцами, и попадает в последние*. Исач., 1911, 5: 29).

Итак, образ рыбы в языковом сознании рыбаков Приенисейской Сибири связывается с важными для промысловиков признаками, характеризующими рыбу по весу, размеру, степени разделки: *мелочь, головной моксун, половинка, кругляш* и др.; возрасту: *костерь, синявка, мулявка* и др.; торговой ценности: *красная рыба, белорыбица* и др.; количеству: *голова, мод* и др.; состоянию: *духовая рыба* и др. Эти и другие признаки легли в основу большинства наименований, входящих в терминологическое поле «Промысловая рыба».

Библиографический список

1. Уфимцева А.А. Слово в лексико-семантической системе языка. М.: Наука, 1968. 272 с.

Список сокращений

1. Исач., 1911 – Исаченко В.Л. Орудия и способы лова // Материалы по исследованию р. Енисея в рыбопромысловом отношении. Красноярск: Тип. М.И. Абалакова, 1911. Вып. 5. С. 2–32.
2. Крив., 1865 – Кривошапкин М.Ф. Енисейский округ и его жизнь: С двумя таблицами и картою золотоносной области Енисейского округа. СПб.: Изд. ИРГО. Типография В. Безобразова и компания, 1865. Т. 1. 378 с.; Т. 2. 188 с.
3. Кыт., 1898 – Кытманов А.И. О рыболовстве по р. Енисею. «От Енисейска до Гольчихи» // Русское судоходство. 1898. № 3. С. 4 – 49.
4. Лат., 1890 – Латкин Н.В. Красноярский округ Енисейской губернии. Красноярск, 1995 (1890). 73 с.
5. Лат., 1892 – Латкин Н.В. Енисейская губерния, ее прошлое и настоящее. СПб.: тип. и литография В.А. Тиханова, 1892. 466 с.
6. Мак., 1913 – Макаренко А. Сибирский народный календарь в этнографическом отношении. Восточная Сибирь. Енисейская губерния. Спб.: Государственная типография, 1913. 292 с.
7. Мат., 1893, 4 – Материалы по исследованию землепользования и хозяйственного быта сельского населения Иркутской и Енисейской губерний. Енисейская губерния. Иркутск: типография Витковской, 1893. Т. 4. Вып. 4. С. 310–325.
8. Пест., 1833 – Пестов И. Записки об Енисейской губернии Восточной Сибири 1831 г. М.: Университетская типография, 1833. С. 256.
9. Поп., 1931 – Попов А.А. Охота и рыболовство у долган. Материалы экспедиции 1930–1931 гг. // Памяти В.Г. Богораза (1865–1936). Л.: Издательство Академии наук СССР, 1937. С. 147–207.
10. Степ., 1835 – Степанов А.П. Енисейская губерния. СПб.: Типография К. Вингебера, 1835. Ч. 1 – 2. 276 с.
11. Туг., 1907 – Тугаринов А.Я. В низовьях Енисея. Красноярск: Изв. Красноярск, п/отд. Вост.-Сиб. отд. Русск. геогр. общ., 1907. 138 с.
12. Ф. 1675, о. 1, д. 70, л. 3. (1882) – Мамеев С.Н. Записка о звериных, рыбных и прочих промыслах в Туруханском крае. 60 л.

Н.В. Мердак

*Красноярский государственный педагогический
университет им. В.П. Астафьева*

**ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ ЕДИНИЦЫ
С АНТРОПОНИМИЧЕСКИМ КОМПОНЕНТОМ
В ЗАГОЛОВКАХ ВЕДУЩИХ
ПОЛИТИЧЕСКИХ ИЗДАНИЙ
НА АНГЛИЙСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ**

В статье рассматриваются фразеологические единицы с компонентом-антропонимом. Автор приводит примеры из аутентичных источников. Особое внимание уделяется их функционированию в политическом дискурсе.

Фразеологическая единица, фразеологизм-антропоним, соматизм.

N.V. Merdak

*Krasnoyarsk State Pedagogical University
named after V.P. Astafiev*

**PHRASEOLOGICAL UNITS
WITH THE ANTHROPONYMIC COMPONENT
IN THE HEADLINES OF THE LEADING ENGLISH
AND RUSSIAN NEWSPAPERS**

The given article is dedicated to phraseological units with the anthroponymic component. The author gives examples, taken from English and Russian newspaper. Special attention is given to the way they work in the political discourse.

Phraseological unit, anthroponym, somatism.

Большинство современных СМИ выражают идеи политических партий. Их основная цель – манипуляция сознанием граждан. Ярким примером этому служит последняя политическая кампания в США. Своего влияния они достигают многими способами. Одним из них считается политический дискурс, не теряющий актуальности в мире. Он является особой подсистемой национального языка, пред-

назначенного для политической коммуникации. Политический язык ставит перед собой следующие задачи:

- побуждение граждан страны к политическим действиям;
- принятие и обоснование социально-политических решений в условиях множественности общественных точек зрения.

Чтобы оказывать желаемое влияние на сознание реципиентов информации, политический текст должен отвечать ряду требований – это политическая страстность и образность, острота и яркость изложения. Вышеперечисленного помогут добиться стилистические, риторические и языковые средства. В соответствии с А.Г. Алтуняном, мы считаем, что содержание текста, прямое слово, передаётся через определённым образом выбранные слова, составленные фразы, через порядок слов, построение текста и другие приёмы.

Фразеологизмам отводится важная роль в публичном выступлении. Они придают речи образную полисемантическую, экспрессивную, возможность положительно или отрицательно оценивать явления, выражать одобрение или осуждение, ироническое, насмешливое или иное отношение к нему. Именно поэтому политические деятели обращаются к фразеологии в текстах и устных выступлениях.

Термин «фразеология» восходит к двум греческим словам: *phrasis* – выражение, *logos* – понятие, учение. Фразеология – раздел науки о языке, изучающий сложные по составу языковые единицы, имеющие устойчивый характер, их типы и функционирование в речи. Слово «фразеология» также обозначает совокупность всех фразеологизмов, имеющих в языке.

Фразеологизм – это самостоятельная номинативная единица языка, представляющая собой устойчивое сочетание слов, которое выражает целостное фразеологическое

значение и по функции соотносима с отдельными словами. Фразеологизмы служат наименованиями предметов, явлений, признаков, действий и состояний. Например: «чёрный день» – горе, «сбить с толку» – запутать, «по душе» – нравится и т. д. Так как сочетания по своему происхождению тесно связаны с культурой и традициями стран, то они в каждом языке отличаются индивидуальностью и своеобразием и буквально не переводимы. В состав фразеологии часто включают пословицы, поговорки, крылатые выражения. В работах И.В. Голуб указывает на следующие отличия фразеологизмов от обычных лексических единиц (слов):

– фразеологизмы сложны по составу. Они содержат несколько элементов, которые имеют единое значение. Их, как правило, можно заменить одним словом: например, «спустя рукава» – небрежно;

– фразеологизмы отличаются постоянным составом. Они обычно обладают устойчивой грамматической формой: например, фразеологизм «греть руки» нельзя заменить на «греть руку»;

– большинству фразеологизмов свойственна непроницаемость структуры, т. е. не допускается включение в них новых слов. К примеру, зная фразеологизм «потупить голову», нельзя сказать «низко потупить голову». Однако есть и такие фразеологизмы, которые допускают вставку отдельных уточняющих слов: например, «разжигать страсти» – «разжигать роковые страсти».

В некоторых фразеологизмах возможен пропуск одного или нескольких компонентов. Например, говорят «пройти сквозь огонь и воду», отсекая конец фразеологизма «и медные трубы».

В отдельных фразеологизмах допускается изменение порядка слов. Например, «набрать в рот воды» – «в рот воды набрать». Перестановка компонентов обычно допуска-

ется во фразеологизмах, состоящих из глагола и зависящих от него именных форм.

Один из основных признаков фразеологии – это метафоричность, или образность. Фразеологизм появляется в языке не для называния предметов, признаков действий, а для образно-эмоциональной их характеристики. Фразеологические единицы – это языковые образные миниатюры. Эмоциональность фразеологии помогает выразить определённые чувства и оценки автора. Именно поэтому фразеологизмы так полюбились современным политикам.

Фразеологические единицы используются чаще всего в заголовках статей о политике. Заголовок даёт читателю общее представление о содержании статьи, а также включает в себе основную мысль автора. Заголовок – это часть текста, важнейший структурный элемент, поэтому он оказывает ещё большее воздействие на построение и содержание текста, а также восприятие его читателями. По верному замечанию В.П. Жукова, способность языковой единицы влиять на организацию текста зависит прежде всего от информативной ёмкости семантически реализуемой единицы. Чем информативнее та или иная единица, чем выше её познавательная ценность, тем выше текстообразующая способность таких выражений, и наоборот.

Кроме того, заголовок обуславливает основные функции газетного текста:

- привлекает внимание потенциального читателя, а также ориентирует его в материалах издания;
- играет роль путеводителя, поскольку заголовок оказывается весьма информативным;
- активизирует фоновые знания адресата;
- обеспечивает антиципацию;
- пропагандирует, агитирует, формирует адекватное отношение читателя к предлагаемому материалу;

– участвует в создании интриги, вовлекая читателя в языковую и речевую игру;

– включает субъектов общения в виртуальный диалог, обусловленный особенностями языковой личности автора и потенциального читателя.

Фразеологические единицы с антропонимическими компонентами (их также называют «соматизмы») представляют собой огромный пласт лексики. К ним относятся такие фразеологические единицы, где один из компонентов выражен словом – названием какой-нибудь части человеческого тела. Слово «сома» с греческого языка переводится как тело.

Люди используют название частей тела в переносном значении – в сравнениях, метафорах, идиомах, пословицах, желая полнее передать свои мысли или произвести большее впечатление. Собственное тело для человека ближе всего, с ним сравнивают, когда говорят о чём-то максимально знакомом. Выражение *to have something at one`s fingertips* – знать как свои пять пальцев – говорит само за себя.

В статье мы рассматриваем фразеологические единицы с антропонимическим компонентом в заголовках статей ведущих английских и русских изданий. Источником материала для нашего исследования послужили такие англо- и русскоязычные издания, как *Financial Times*, *The Times*, *The New York Times*, сайты <http://edition.cnn.com/politics>, www.gazeta.ru, www.whoswhos.org, www.politobzor.net и многие другие.

Методом сплошной выборки мы выделили 427 газетных заголовков для обоих языков и пришли к выводу, что они дают возможность автору статьи выразить своё отношение к ситуации (чаще всего в ироничном ключе) и являются эффективным способом повлиять на читателя.

Проанализировав заголовки, мы поняли, что наиболее употребительными антропонимическими компонентами во

фразеологизмах русского и английского языков являются: рука (hand), глаз (eye), голова (head), нога (foot), нос (nose), лицо (face), палец (finger). Рассмотрим некоторые примеры.

Газетные заголовки с антропонимическим компонентом на русском языке:

Рука

Египту нужна сильная рука.

«Рука Кремля» на американских выборах.

Рационально-исламистская «правая рука» Хиллари Клинтон.

Глаз

Негде спрятаться: Эдвард Сноуден и зоркий глаз Дядюшки Сэма.

Россия глазами бельгийской журналистки.

С глаз долой – из сердца вон: Украина отказывается от своих граждан в РФ.

Отвод глаз по-американски.

Голова

Каша в голове.

«Путин – это единственный человек, у которого есть голова на плечах, в мире сумасшедших...»

Минск-2 всему голова: с больной на здоровую.

Эрдоган сделал ставку: или грудь в крестах, или голова в кустах.

Нос

Центробанк стал бороться с кровотечением из носа разрезанием артерий и вен.

Нога

Не та нога Меркель: куда ведут Германию фантазии о душевном здоровье канцлера.

Лицо

Полонская: Киев показал Крыму своё истинное лицо.

Волынская резня и новый плевков в лицо.

Пьянство – не порок: Савченко готова плюнуть в лицо украинцам.

Ангела Меркель призвала премьера Турции посмотреть в лицо своей истории и открыть границу с Арменией.

Палец

Познер о Трампе: «Это человек, который будет держать палец на ядерном спуске».

Газетные заголовки с антропонимическим компонентом на английском языке:

Head

Where heads of states have laid their heads.

Donald Trump dismisses conclusion: “A little ding on the head”.

Ahead of the first debate, Sanders runs head first into sore spots.

Eye

Clinton looks to general election but keeps an eye on Sanders.

Donald Trump in the public eye.

Election 2016: All eyes on Ohio.

Hand

Gary Johnson: Working hand in hand with Russia will solve Syria crisis.

Collins: Clinton has always been someone with her hand out.

Election 2016: Have Russian hackers already handed Vladimir Putin a victory?

Face

The top issues President Trump will face in office.

Al Fanken: FBI's James Comey should face senate hearing.

Sacramento mayor Kevin Johnson hit with pie in the face.

Foot

Politicians with their foot in their mouth.

Clinton takes her foot off the gas on Sanders after New York win.

Bush works to find footing.

Nose

Americans held their noses to vote for Trump.

Hong Kongers thumb their noses at Beijing with pro-independence votes.

Jeb Bush on Donald Trump: Time to punch him back in the nose.

Finger

Greek officials: “Stick the finger to Germany”.

High gas prices have Americans pointing the finger.

Democrats points fingers after stunning loss.

В анатомическом смысле частей тела гораздо больше. Но большинство из них стали известны едва ли раньше, чем 100–150 лет назад. Эти названия не распространены в речи непрофессионалов, не вошли в поговорки, пословицы, идиомы, художественные произведения и тем более в легенды и мифы. Символическое значение имеют только части тела, которые в традиционном языковом понимании, можно определить как внешние органы тела, за исключением слова heart (сердце).

Библиографический список

1. Апресян Ю.Д. Избранные труды. Интегральное описание языка и системная лексикография. М.: Школа «Языки русской культуры», 1995. Т. II.
2. Апресян Ю.Д. Русская языковая картина мира и системная лексикография. М.: Языки славянских культур, 2007.
3. Жуков В.П., Жуков А.В. Русская фразеология. Изд. 2-е, испр. и доп. М., 2006.
4. Жуков В.П. Семантика фразеологических оборотов: учеб. пособие для пед. ин-тов по специальности 2101 «Рус. яз. и лит-ра». М.: Просвещение, 1978. 160 с.

А.В. Михайлов

*Сибирский государственный аэрокосмический
университет им. акад. М.Ф. Решетнёва*

СПОСОБЫ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ ИДЕОЛОГЕМЫ КАК УСТАНОВКИ

В работе описываются способы представления идеологемы. Идеологема трактуется как одна из установок группового сознания. В идеологемах выражается коллективное долженствование. Автор анализирует символические значения и ассоциативное поле общественно значимых лексем. *Идеологема, групповое сознание, дискурс, установка в групповом сознании.*

A.V. Mikhailov

*Siberian State Aerospace University
named after M.F. Reshetnev*

THE TECHNIQUES AND METHODS OF REPRESENTATION OF IDEOLOGIES IN THE MINDS OF THE GROUP

The paper describes the methods of representation of ideologies. The ideology is treated as one of the units of group consciousness. The ideologies expressing the collective ought. The author analyzes the symbolic value and associative field of socially significant tokens.

Ideologeme; group consciousness, discourse, the setting in group consciousness.

Объект исследования в настоящем тексте – идеологемы, извлекаемые из значимых социально-политических текстов лидеров, мнения, становящиеся для группового сознания установками, выражающими долженствования поведения и мировосприятия.

Целью исследования становится выявление приемов и способов выражения идеологемы.

Существенной чертой социально-политических и культурных текстов внешне неангажированного характера становится их идеологическая заостренность и стремление к немедленному воздействию на адресата, которым высту-

пают широкие массы и группы людей. Это воздействие, как мыслят их авторы, должно быть далее выражено социальными действиями.

Инструментами активизации интеллектуально-эмоциональной операции присвоения долженствования сознанию группы служат *идеологемы*, создающиеся на основе текстов разного объема.

Автору близко толкование терминоида *идеологема*, которое представлено в работах Н. А. Купиной, – «мировоззренческая установка (*предписание*), облеченная в языковую форму ...языковая единица, семантика которой покрывает идеологический денотат или наслаивается на семантику, покрывающую денотат неидеологический» [Купина 2000: 183].

Приемом импликации идеологемы в текст исследовательница Л. К. Салиева называет использование *нарратива*, ср. «создание с его [нарратива] помощью историй для передачи идей...», а далее – *мифа*, позволяет считать его идеальным средством социального воздействия [Салиева 2013: 104]. В данном случае *миф* и *нарратив* можно рассматривать относительно их смысла как средство краткого формулирования (далее – через имя героя мифа, через название основной мысли – морали мифа) идеологемы. В мифе и в процессе его рассказывания происходит кристаллизация не просто описания событий и поведения героев, но указание на должное, правильное, освященное традицией [правда, именно конкретной традицией. – А.М.] поведение.

Предписание, понимаемое как необходимое социальное действие, не может быть выражено иначе, как синтаксически и грамматически законченной фразой, описывающей содержание идеологемы. В итоге надо признать, что идеологема есть результат мыслительной работы исследователя или адресата, причем эта работа вполне субъективна и соответствует контексту лексемы или лексем, связанных с идеологической нагрузкой. Надо еще иметь в виду и нали-

чие предустановки в восприятии адресата, т. е. внутренней аксиоматики, ценностной системы.

Е.Г. Малышева отмечает, что личностные идеологемы, которые являются концептами, обозначающими ставшие прецедентными имена «вождей» и «лидеров», обладают свойствами такой когнитивной универсалии, как *архетип*. Характеристика личностных идеологем как *идеологем-архетипов* справедлива тем, что именно они позволяют идеологической картине мира приобретать черты мифологической [Малышева 2009].

Н.И. Клушина на материале анализа публицистического дискурса утверждает, что любая идеологема таит в себе опасность обернуться *мифологемой*, так как средства массовой коммуникации являются проводниками определенной идеологии [Клушина 2008].

Идеологемы эксплицированы или имплицированы не только в базовых дискурсах (идеологическом, политическом, информационно-массовом, публицистическом), но и в других типах дискурсов – рекламном, спортивном, учебном, научном, религиозном, развлекательном, туристическом, бытовом.

Любую лексему в контексте можно нагрузить идеологическими смыслами, и тогда такие лексемы становятся выражением идеологем, ср. точку зрения Б. М. Пионтека, который считает идеологемами «ключевые лексические и коммуникативные единицы общественно-политического дискурса и средства идеологического и политического влияния на социокультурную деятельность общественности и сплочения социума вокруг категории общественного блага» [Пионтек 2012: 16].

А.П. Чудинов выделяет *два основных вида идеологем* в зависимости от использования их представителями разных политических партий и движений: во-первых, «неодинаково понимаемые сторонниками разных политических взглядов» [Чудинов 2007: 92].

Именно семантика коллективной оценочной установки на осуществление некоей целенаправленной ментальной или физической, но всегда социальной деятельности делает идеологему инструментом влияния.

С другой же стороны, лексема, словосочетание могут становиться идеологемой только в процессе использования для такого влияния на общественные массы или отдельные группы, которое предполагает социальные действия (*голосование, бунт, революция*).

Идеологема может не быть названа *прямо* (словом, словосочетанием, высказыванием), а она может извлекаться через ментальную активность из текста, группы текстов, дискурса, будучи *имплицированной* в него.

Автор считает, что необходимо определиться с механизмом описания идеологем как *ключевых сообщений* в стратегических коммуникациях, т. е. через простые высказывания, описывающие смысл, который должен извлечь из обращения к нему (текстового или нетекстового, это не важно) адресат, как это описано в книге [Ольшанский, Пеньков 2005: 216].

Общественный деятель Махатма Ганди в книге «Моя жизнь» говорит о необходимости назвать точными словами, понятными для масс, направления желательного изменения сознания, и для этого требуется, по мнению Ганди, и создание новых слов и словосочетаний, чтобы обозначить нечто новое, ранее небывалое, например, *сатьяграхи*, буквально 'сила правды' [Ганди 2012].

В современной общественной практике социальные технологи нередко обращаются к подобным лексико-семантическим техникам.

Своеобразным средством обозначения идеологемы можно назвать прецедентные имена собственные, ср. *Бородино, Полтава, Фултон, Иван Грозный, Ленин, Сталин* и т. п.

Идеологемы и их системы предназначены для формирования готовности общественных групп к социальным

действиям и побуждению их к этим самым социальным действиям.

Готовность к социальным действиям обеспечивается внедренностью определённых понятий в массовое сознание, иначе – *информированностью* и *четкой опознаваемостью* через многократность повторений лексических конструкций.

Массовое сознание при этом, будучи неоднородным, иерархичным, обладает способностью *транслировать внутри себя сверху вниз* полученные извне идеологемы через лидеров мнения и их сферы влияния. Малое или ограниченное количество идеологем, исходящих из одного источника (источника власти или потенциального источника власти), позволяет реализовать принцип формирования доминант сознания. Технология обеспечения доминирования идеологемы или их ряда в массовом сознании, как представляется, и демонстрируется в текстах публицистов и политических деятелей (довольно часто это совпадает).

Следует упомянуть и о возможной внешней невыраженности идеологемы, о ее импликации.

Идеологема является частью *идеологии*, будучи результатом интерпретирующей работы адресата, а далее она может стать частью его системы убеждений, может двигать адресата к выражению его мировосприятия через социальное действие.

Библиографический список

1. Ганди Махатма. Моя жизнь. СПб.: Азбука; Азбука-Аттикус, 2012. 480 с.
2. Клушина Н.И. Интенциональные категории публицистического текста (на материале периодических изданий 2000–2008 гг.): автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М.: МГУ им. М.В. Ломоносова, 2008. 57 с.
3. Купина Н.А. Языковое строительство: от системы идеологем к системе культурем // Русский язык сегодня: сб. ст. / Рос. акад. наук; Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова. М.: РАН, 2000. С. 182–189.

4. Малышева Е.Г. Идеологема как лингвокогнитивный феномен: определение и классификация // Политическая лингвистика. 2009. № 4 (30). С. 32–40.
5. Ольшанский Д.В., Пеньков В.Ф. Политический консалтинг и политические технологии. СПб.: Питер, 2005. 448 с.
6. Пионтек Б.М. Общезыковые факторы генезиса идеологемы как категории политической лингвистики (на материале польского и русского языков): автореф. дис. ... канд. филол. наук. М.: МГУ, 2012. 24 с.
7. Салиева Л.К. Нарратология. Русский взгляд // Russian Philology (Русская филология. Ежегодный журнал факультета Русских исследований Университета английского и иностранных языков, г. Хайдерабад, Индия). 2013. № 32. С. 103–113.
8. Чудинов А.П. Политическая лингвистика. М.: Флинта; Наука, 2007. 254 с.

Т.В. Михайлова

*Сибирский государственный аэрокосмический
университет им. акад. М.Ф. Решетнёва*

ИДЕЯ СПРАВЕДЛИВОГО ВОЗДАНИЯ В ДРЕВНЕРУССКИХ ТЕКСТАХ ПОТЕСТАРНОЙ СЕМАТИКИ

Статья посвящена оценочным высказываниям с идеей справедливого воздаяния в древнерусских текстах потестарного характера Ивана Пересветова, Андрея Курбского, Авраамия Палицына.

Воздаяние, справедливость, древние русские тексты, оценочность.

T.V. Mikhailova

*Siberian State Aerospace University
named after Academician M.F. Reshetnev*

THE IDEA OF JUST RETRIBUTION IN THE ANCIENT TEXTS POTESTAS SEMANTICS

The article is devoted to the evaluative statements with the idea of just retribution in the ancient russian texts with potestas semantics of Ivan Peresvetov, Andrei Kurbsky, Avraamiy Palitsyn.

Retribution, justice, ancient Russian texts evaluation.

Идея справедливого воздаяния – едва ли не самая важная в древнерусских текстах второй половины XVI – начала XVII вв., посвящённых проблемам царской власти. Трагический для православного мира 1453 г. – год взятия турками Константинополя – послужил поводом для глубоких размышлений русских публицистов о природе православного царства. В русской книжности данного периода были созданы историософские доктрины, в которых присутствовали «пристальный интерес к судьбе мировых царств, глубокое онтологическое понимание свободы человека в отношении с промыслительными силами, развитое учение о самодержавном единовластии как форме монархической государственности» [Каравашкин 2003: 121]. Проблемы, возникшие в российском царстве во времена правления Ивана IV и вылившиеся затем в русскую Смуту, «делают тему справедливого воздаяния» за благие / неблагие мысли, чувства, действия и поступки правителей и их подданных сверхактуальной для русского общественного сознания данного периода [Вальденберг 1916: 24–262].

И.С. Пересветов, анализируя модели правления греческого и турецкого царств, выявляет несколько критериев для их сопоставления. Среди них можно выделить один из основных – способность власти пресекать преступные действия бояр и вельмож, действующих против своего народа. Публицист обсуждает это в «Большой Челобитной»: «А управы во царстве Констянтинове никому не было от вельмож Констянтиновых. А они, вельможи, сами обиду во царстве дѣлали и царство оскужали» [БЧ: 608].

По мнению Пересветова, действия Константиновых вельмож вызвали справедливый гнев Божий на правителя за его неумение «укротить» своих подданных, и вследствие этого само греческое царство лишилось Божьего милосер-

дия: «То они не мир от царя отбивали и не жалобников, отбивали онѣ от царя Божие милосердие, да и отбили» [БЧ: 606].

Невыполнение долга властителем защитника и хранителя своей страны и своего народа карается Высшими силами, вплоть до разрушения царства. И напротив, по мнению древнерусского публициста, правитель, блюдущий справедливость в своей земле, карающий своих слуг за нечестные действия, даже если он и нехристианской веры, получает Божью помощь и благословение, а его царство – процветание: «И невѣрный иноплемянник, да познал силу Божию: Магметсалтан, турской царь, взявши Царьград, да оставил правду и праведный суд, что Богъ любит, во всемъ царстве своем, и утѣшил Бога сердечною радостію. За то ему Богъ помогает: многия царства обладал Божию помощію» [БЧ: 615].

В переписке Ивана IV и Андрея Курбского идея справедливого воздаяния правителю и его подданным «по их делам» также является одной из основных. Оба – и царь, и боярин – эту идею, вне всяких сомнений, принимают как основную среди духовных законов, по которым строится благополучие людей и целых царств. В полемике между царём и его бывшим подданным актуализируется одно из имён Господа Бога – «Мздовоздатель», тем самым «поддерживая» идею справедливого воздаяния в данных текстах, правда, у каждого из участников полемической переписки – своя «дешифровка» событий, происходящих в Московском царстве, с точки зрения, кому и за что воздаётся: *«Мздовоздателя Бога призываешъ; воистинну то есть всѣмъ мздовоздатель всякимъ дѣломъ, благимъ же и злымъ; но токмо подобаетъ челоуѣку разсуждение имѣти, како и противу какихъ дѣлъ своихъ кто мздовоздаяния приемлетъ?»* [ППИ: 34].

Среди обвинений, предъявляемых А.М. Курбским царю-тирану (с его точки зрения), в качестве основного вы-

двигается несправедливое воздаяние за свою службу царю: «И за благаа моя воздал ми еси злаа, и за возлюбление мое – непримирительную ненавѣсть» [ППК:110].

Для авторов публицистических повестей о Смуте, в которых был произведён анализ причин «нестроений» в русском государстве, идея справедливого воздаяния (награда или кара) также является одной из важнейших. Иван Тимофеев во «Временнике» считает, что страну «трясёт» вследствие нерадивого выполнения царём своего долга: «И яко же нерадѣніемъ драхму царску, даную въ наслѣдіе мірови, нѣкогда погубихомъ, за нея же земля смущаема и до нынѣ трясашеся неуставно...» [ВИТ: 461].

Автор Сказания Авраам Палицын разорение Москвы объясняет как справедливое возмездие московским правителям за разорение Великого Новгорода: «Или, яко же и царь Иванъ Василіевичъ пострада за разгромъ Великого Новаграда и инѣхъ, иже по единомъ лѣтѣ не бысть помощи ему отъ отъ плѣна святыхъ иконъ и книгъ и колоколовъ... и якожде Москвѣ тогда седмицею злѣише Новагорода разтлѣніе бысть, и за Волховъ-рѣку, насаженъ до верха, и Москва наполнена сѣченых во всѣхъ улицахъ отъ конца до конца» [САП: 522].

Тот же автор объясняет многие беды, падшие на жителей Московского царства, расплатой за предательство и нарушение клятв: «И не явно ли бысть наказаніе Москвичемъ за разграбленіе Годуновыхъ, и инѣхъ неповинныхъ такожде, и за безумное крестное цѣлованіе Ростригѣ и Сердамирскому, и за дружелюбство съ воры съ цари, и съ Поляки, и съ казаками, и зъ грабителми, еже власти ради и богатства отдахомся сами на погубленіе?» [САП: 522].

В потестарных текстах данного периода постоянно обсуждается справедливость / несправедливость «воздаяния»:

«Вы же имъ воздарие многое за сие злодѣйство даровали есте нашею же землею и казною, называючи ихъ ложно слугами; и ото сихъ бесовскихъ слуховъ наполнилися есте на мя ярости...» [ППИ: 22].

Древнерусский автор, обращаясь к своему адресату, поясняет причину страданий «Росіянъ»: «И за таковое гордѣніе и мы всегда стражемъ, Росіяне, яко непраедная имѣнія, даемая церквамъ Божиємъ, не украшаютъ, но и разоряютьъ» [САП: 521].

Опираясь на идею справедливого воздаяния, автор использует в тексте конструкции альтернативного выбора «награда / наказание», способствующие воздействовать на сознание православного адресата: «Сами все вѣдаете, что аще не нынѣ умремъ, всяко умремъ; а некли за правду нашу соблюдетъ ны Господь, невредимы и живы будемъ отъ нихъ, враговъ своихъ. Аще ли нынѣ терпимъ, время длимъ – сами отъ себя за свое нерадѣніе и за свое недерзновение погибнемъ» [НППРЦ: 210].

Один из распространённых способов выразить идею справедливого воздаяния в анализируемых текстах является использование предложно-падежной конструкции «за + вин. п.». Первоначальный смысл данной конструкции состоял в передаче объектного значения при предикате, а затем развивается значение причины действия, выраженного этим предикатом. «Имена существительные, обозначающие неблагоприятные поступки или действия лица, с предложением «за» в сочетании с глаголами возмездия могут обозначать причину действия» [Ломтев 1956: 378].

Поскольку одно из значений анализируемой конструкции – экспликация каузальной ситуации, то имеет смысл рассмотреть более подробно отражение в текстах каждой её части – причинной и следственной.

Рассмотрим сначала причинную часть в семантической структуре указанного типа высказываний.

Причина может относиться к внешнему миру (действие, поступки субъекта) и к внутреннему миру (эмоциональное состояние, ментальные действия, качества субъекта). Субъектом-каузатором является не только одно лицо, но и группа лиц (вельможи, бояре, «изменники»), и большая общность людей, характеризуемая семантикой всеобщности. Например, князь И. М. Катырев-Ростовский видит причину гнева царя Ивана Васильевича на «подвластных... рабъ» в неблагом поведении *«всево православнаго крестьянства»*: *«И за умноженіе грѣхъ всево православнаго крестьянства супротивенъ обретеся и наполнися гнѣва и ярости [Иван Васильевич. – Т.М.], наченше подвластныхъ своихъ сущихъ рабъ злѣ и немилостивно гонити и кровь ихъ проліяти...»*[ПККР: 561].

Квалификативные характеристики причины эксплицируются в данных текстах различным образом. Наиболее распространённый способ – использование оценочных лексем обобщённого характера. В анализируемых текстах, несомненно, наблюдается преобладание лексем с отрицательной оценочностью: (*«за великія грѣхи»*, *«за безчисленныя грѣхи»*, *«за такую гордыню»*, *«за преестество никое его зло»*).

Лексика, обладающая положительной оценочностью в позиции причины, встречается либо во фрагментах житейного характера, либо в текстах, характеризующих, с точки зрения автора, образцового правителя. Как правило, в таких высказываниях в следственной части описываются действия Божественного субъекта *«Богъ огради»*, *«Богъ ода-ри»*: *«За сіе же спасенное дѣло его Богъ царство его миромъ огради, и враги подѣ нозѣ его покори, и время благоутѣшно*

подаде...» [ПККР: 620]; «...и за сіє страданіє Богъ чудесами его одари» [ПККР: 660].

Кроме оценочных имён существительных, в позиции причины используются анафорические местоимения, отсылающие читателя к описанию ситуации, послужившей причиной «воздаяния»: «...называетъ мя не Дмитріємъ царевичемъ, но еретикомъ Гришкою Отрепьевымъ: за то есмь мы осудили его: смертію да умереть» [ИС: 52–3].

Ситуация может быть сначала описана довольно подробно с помощью дескриптивной лексики («собравшись», «за леса забившись», «исчезаешь»), а уже в самой причинной конструкции представлен вывод оценочного характера («за прескверные твои дѣла»): «Собравшись со всѣмъ твоимъ воинствомъ, за леса забившись, яко един хороняка и бегунъ, трепещешь и исчезаешь; никому же гонящу тя, токмо совѣсть твоя внутрь вопиюще на тя, *обличающе за прескверные твои дѣла и бесчисленные крове*» [ТПК: 108].

Причинная часть анализируемых высказываний усложняется семантикой интензивности. «умноженіе», «безчисленныя», «преестественно».

Следственная часть в данном типе высказываний может быть моносубъектной и полисубъектной. В моносубъектном следствии актантом является либо Божественный субъект, либо человек – участник событий, описываемых в тексте: «за таковую гордыню гнѣвомъ Божіимъ победенъ бысть, такожде и родъ его весь погибаетъ и искореняется...» [ЖЦДМ: 912]; «...нача царьствовати окаянный Рострига и много крови напрасно пролія за свое ложное нарицаніе» [ЖЦДМ: 916].

В полисубъектной следственной части действие происходит одновременно в Высшем мире и в земном. Божественный субъект «попускает», чтобы возмездие за неправед-

ные деяния было совершено каким-либо земным участником событий: «Аще за великія грѣхи наша, Его же Божіимъ прогнѣваніемъ, и его, злодѣя нашего злымъ умышленіемъ... *всѣхъ достигнетъ и насъ покоритъ*» [НППРЦ: 195].

Как видим, в высказывании эксплицированы два субъектных актанта – Божественный и земной («*Божіимъ прогнѣваніемъ*», «*злодѣй*», «*достигнетъ и ...покоритъ*»).

Таким образом, семантика «воздаяния» в древнерусских текстах основывается на взаимосвязи каузальной и оценочной категорий. Использование конструкций с семантикой причинности в оценочных высказываниях в древнерусских текстах потестарной семантики далеко не случайно. Причинность и оценочность оказываются в тексте глубинным образом связаны друг с другом [Ляпон 1986: 26].

Способность видеть причинную связь между тем или другим событием, с одной стороны, и приписывание той или иной ценности чему-либо (событию, факту, субъекту), с другой стороны, связано с существованием в тексте автора высказывания – интерпретатора и «оценителя».

Библиографический список

1. Вальденберг В.Е. Древнерусские учения о пределах царской власти. Пг., 1916.
2. Каравашкин А.В. Русская средневековая публицистика. М.: Прометей, 2000.
3. Ломтев Т.П. Очерки исторического синтаксиса русского языка. М.: Учпедгиз, 1956.
4. Ляпон М.В. Смысловая структура сложного предложения и текст: К типологии внутритекстовых отношений. М.: Наука, 1986.

Источники

5. БЧ – Сочинения Ивана Семеновича Пересветова: Большая Челобитная // Памятники литературы Древней Руси. Конец

XV – первая половина XVI вв. / сост. и общ. ред. Л.А. Дмитриева, Д.С. Лихачева. М.: Художественная литература, 1984. С. 596–625.

6. ВИТ – Временник Ивана Тимофеева // Памятники древней русской письменности, относящиеся к Смутному Времени / Русская историческая библиотека. СПб.: Типогр. И.Н. Скороходова, 1891. Т. XIII. Стлб. 261–472.
7. ЖЦДМ– Житіе царевича Димитрія Іоанновича, внесённое въ Минеи Германа Тулупова // Памятники древней русской письменности, относящиеся к Смутному Времени / Русская историческая библиотека. СПб.: Типогр. И.Н. Скороходова, 1891. Т. XIII. Стлб. 899–922.
8. ИС – Такъ называемое Иное Сказаніе // Памятники древней русской письменности, относящиеся к Смутному Времени / Русская историческая библиотека. СПб.: Типогр. И.Н. Скороходова, 1891. Т. XIII. Стлб. 1–144.
9. НППРЦ – Новая повѣсть о преславномъ Россійскомъ царствѣ и великомъ государствѣ московскомъ // Памятники древней русской письменности, относящиеся к Смутному Времени / Русская историческая библиотека. СПб.: Типогр. И.Н. Скороходова, 1891. Т. XIII. Стлб. 187–218.
10. САП – Сказаніе об осаде Троице-Сергиева монастыря Авраамія Палицына... // Памятники древней русской письменности, относящиеся к Смутному Времени / Русская историческая библиотека. СПб.: Типогр. И.Н. Скороходова, 1891. Т. XIII. Стлб. 473–524.
11. ПККР – Повѣсть князя Ивана Михайловича Кагырева-Ростовскаго по списку Императорской Публичной библиотеки // Памятники древней русской письменности, относящиеся к Смутному Времени / Русская историческая библиотека. Изд. 2-е. СПб.: Археографическая комиссия, 1909. Т. XIII.
12. ППИ – Первое посланіе Ивана Грозного Курбскому. 1-я пространная редакция // Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским. М.: Наука, 1993. С. 12–52.
13. ТПК – Третье посланіе Курбскаго Ивану Грозному // Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским. М.: Наука, 1993. С. 106–118.

Е.В. Осетрова

*Красноярский государственный педагогический
университет им. В.П. Астафьева*

ЯЗЫКОВОЙ ИМИДЖ: ТЕКСТОВАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ

В статье рассмотрена структура языкового имиджа, в частности его текстовая составляющая, определенная несколькими элементами: моделями настоящего, прошлого и будущего, лозунгами, ключевыми идеями и темами, а через это – ключевыми словами. В зависимости от коммуникативного задания, конкретной ситуации общения и речевой сферы востребованным оказывается тот или иной набор перечисленных выше элементов. Жанровые и вербальные средства помогают сформировать содержательный языковой имидж личности.

Языковой имидж, текст, модели прошлого, настоящего и будущего, ключевые темы и слова, лозунг.

E.V. Osetrova

*Krasnoyarsk State Pedagogical University
named after V.P. Astafiev*

TEXT AS A COMPONENT OF IMAGE

The article deals with the language structure of image, in particular – its text component, defined by several elements: the models of the present, past and future, slogans, key ideas and key themes, and through it – the key words. Depending on the speech task, the situation of communication and communicative sphere in demand is one or the other set of the above elements. Genre and verbal tools help create a meaningful image of linguistic identity.

Language structure of image, text, models of the past, the present and the future, key themes and key words, slogan.

Если отталкиваться от той очевидной идеи, что публичный образ человека формируется, помимо прочего, посредством языка, то нужно признать существование языкового имиджа; последний обнаруживает себя всякий раз, когда на сцене выступает человек говорящий.

Встает вопрос, как описывать данный феномен, точнее, какие элементы выделять, беря за основу для анализа названной структуры? Автор статьи защищает ту гипотезу, что языковой имидж в принципе трехчастен (эта актуальная точка зрения отличается от изложенной в [Осетрова 2004; Щитова 2012]) и делится на следующие составляющие: 1) речевую, или коммуникативную, 2) языковую и 3) текстовую, или содержательную.

На этом последнем компоненте языкового имиджа и сосредоточим внимание. Он назван текстовым в попытке ответить на вопрос, **что** в рамках своих языковых произведений пытается донести до открытой аудитории говорящий или **о чем** он стремится поведать миру. Конечно, трудно, а скорее всего невозможно, подвергнуть детальному анализу все тексты, которые публикуются автором или под его именем. Впрочем, выбранный аспект анализа это и не предполагает: ведь, воспринимая и оценивая чей-то языковой имидж, мы готовы освоить только ограниченную часть поступающей к нам информации.

Определяя структуру текстовой компоненты, воспользуемся идеями Т.В. Шмелевой и ее коллег, предложивших еще в 90-е гг. анализировать политический дискурс по четырем направлениям [Ключевые слова... 1993; Политическое поведение... 1994]: **ключевые слова** – выделяются общественным сознанием и в качестве одной из значимых характеристик имеют высокую частоту употребления, развитую синтагматику, а также разнообразие внутритекстовых связей; **лозунг/и** – как форма самопрезентации и одновременно как способ воздействия публичного деятеля на общество; **модель настоящего** – отражает специфическое видение актуального положения дел, и потому насквозь пронизана оценкой; **модель будущего** – особенно

важна в том случае, если взгляд политического субъекта обращен в перспективу (на строительство новых институтов, реализацию масштабных проектов, на расширение внешних и внутренних связей).

Перечисленные элементы как нельзя более точно маркируют имидж не только политика, но и любого другого человека, ставшего объектом социального внимания. Однако здесь следует учитывать еще модель прошлого, без которой невозможна самоидентификация личности; а также ключевые идеи / темы, заполняющие личностное языковое пространство.

Ключевые слова помогают выразить и передать аудитории **идеи** и **темы**, владеющие человеком. «Ключевые идеи», «ключевые концепты» и «ключевые слова» широко используются как понятия в процессе реконструкции русской языковой картины мира [Зализняк, Левонтина, Шмелев 2005]. Поэтому их определение и систематизация позволяют хотя бы в общем ответить на вопрос «Что является главным для человека в тот или иной период жизни?». Не зря у рефлектирующей языковой личности в ходу типичные выражения: *Так у меня любимая идея в связи со всем происходящим следующая...; Мне одна мысль вот уже несколько месяцев покоя не дает...; Мое ключевое слово на сегодня...; Меня все время мучает вопрос...; Тема у меня к тебе такая...*

Эти слова – темы – идеи, всплывающие в самых неожиданных ситуациях и адресованные разным аудиториям, тиражируются с завидной регулярностью, а потому должны быть признаны важнейшей частью имиджа человека. У коммуникативно подвижной личности смена топиков происходит постоянно в зависимости от меняющихся условий существования и новых интересов. У лично-

сти с «консервативным уклоном» набор содержательных ядер, готовых для социального обмена, относительно более стабилен, иногда вообще остается неизменным на долгие годы. Тогда в качестве комментария используются клише *А ты все о том же!*; *Смени пластинку!*; *Он все со своей идеей носится* и т. п. Подтверждением сделанных наблюдений является жанр «рассказа-пластинки», который активизируется в локусах внутрисемейного и дружеского общения и жизнь которого иногда насчитывает десятилетия [Китайгородская, Розанова 1999: 44–46].

Лозунговая часть особенно важна в политической сфере общения, когда властный субъект инициативно отвечает на гипотетические вопросы массового адресата «К чему ты устремлен?», «К чему призываешь нас?», «Что собираешься делать сам?», «Что для тебя важнее всего?». В иных сферах общения это целеполагание обслуживается другими, не в такой степени ориентированными на захват массового внимания императивами: обещаниями, клятвами, требованиями, а еще всем известным информативным жанром «жизненные принципы»; ср. лозунговые части нескольких предвыборных листовок: *Нельзя уничтожать, стирать память о том, что для кого-то важно... Мои дети, внуки должны знать, каким был город и край, когда жил и работал их отец, дед. Я после себя хорошую память должен оставить* (Красноярск, август 2016); *Ценю в людях честность, порядочность и профессионализм. Категорически не приемлю предательство, показуху и вранье* (Красноярск, июнь 2012); *Наша задача – отстаивать справедливость, защитить народ и сберечь Россию* (Красноярск, август 2016); *Верьте себе, смотрите, слушайте, разбирайтесь и вы не ошибетесь* (Красноярск, август 2016). Подобные высказывания как будто поддерживают человека активного, кото-

рый предстает либо в роли категоричного оценщика, либо в роли самостоятельного деятеля, либо в роли субъекта, организующего деятельность других.

Наконец, **модели настоящего, прошлого и будущего** фиксируют в текстах представления каждого «о времени и о себе». На эти представления человек опирается, когда описывает отношение к минувшим событиям, совершает сиюминутные действия, одновременно прогнозируя будущую жизнь. Они же помогают ему позиционировать себя в мире.

Модели пространственно-временного континуума поддерживают сознание каждого человека. В зависимости от возраста и статуса, профессиональной и классовой принадлежности они приобретают какие-то типичные, узнаваемые характеристики. Так, образы «давно пережитого» для пенсионера в среднем окрашены в положительные тона, а события, которые делают их «живыми», становятся основой рассказов-пластинок с множеством деталей, персонажей и обстоятельств. Это, в свою очередь, формирует коллекцию воспоминаний, вполне обозримую в границах коммуникативного поведения одного носителя.

Положительным прошлое (однако уже актуальное, приближенное к сегодняшнему дню) будет и для правящего властного субъекта, который дежурно использует его «вдохновляющие картины» как аргументативную базу своих настоящих идей и будущих проектов. А вот политик-оппозиционер, только ищущий подлинной власти, чаще очерняет прошлое / настоящее, по крайней мере, окрашивает их в негативные тона; ср.: *сельскохозяйственные работы в крае не сорваны; засится вопрос с заработной платой; остановлен спад производства; край занимает **3 место** в России по размеру инвестиций; он сделал много нового и полезного для города; Кардиоцентр, Ледовый дворец,*

Перинатальный центр – все эти проекты прошли через меня; и разрушительный социально-экономический курс правительства; бюджет нищеты и развала; суммарный долг российских регионов составляет порядка 2,7 триллиона рублей; снижение уровня жизни; «крестовый поход» на права трудящихся. Оппозиционеры, таким образом, выбирают критическую текстовую модальность, ведь отрицательные результаты работы его предшественников автоматически обосновывают необходимость смены власти в пользу нового претендента.

Ставя под тем или иным текстом свое имя, человек несет ответственность за его общее содержание. Узловые блоки этого содержания в виде ключевых слов и идей, оценочных образов, «лозунговых» формул быстро улавливаются адресатом, но могут оперативно изменяться, а главное, обладают свойством отчуждаемости. Я имею в виду то, что письменные и устные тексты сразу после опубликования как бы отделяются от своего автора-носителя и начинают жить самостоятельно. В политической сфере – это прокламации, агитационные листки, программы, программные статьи. В бытовой сфере общения – пересказы чужих мнений, чужих разговоров с маркерами *А она сказала...; А он думает...* Свободное заинтересованное тиражирование блоговых записей, новостей на форумах, комментарии в социальных сетях, нередко со ссылками на источник, также широко распространены в Интернете.

Отметим и то, что принципиально важным для имиджа содержание текстов становится, когда человек оказывается буквально в пограничных социальных и пространственно-временных обстоятельствах:

– когда меняет профессиональную роль или социальный статус: в коллектив приходит новый руководитель, кан-

дидат стремится занять место депутата, заслуженного работника провожают на пенсию;

– когда внедряется в новую социальную группу (формальную или неформальную): работник знакомится с коллективом, невестка входит в семью мужа, подросток утверждается в малой социальной группе;

– когда переживает смену возраста: юбилейные торжества;

– наконец, когда в обществе происходят события, важные для населения в целом и отдельных его групп: выборы, смена режима, крупная реорганизация социальных институтов и т. д.

Тогда «виновник» или «участник торжества» вынужден заниматься самопрезентацией и, подводя итоги прошлой жизни, делиться планами на будущее. А равнодушная аудитория в действительности заинтересована усвоить большую часть информации.

Самое последнее событие, выкинувшее на социальную поверхность массу свежих, оперативно созданных имиджформирующих текстов, – это выборы 18 сентября 2016 г. в Госдуму, региональные и муниципальные органы законодательной власти (ср. данную ситуацию с политической и коммуникативной ситуацией в декабре 2011 г., проанализированной в [Протестные митинги... 2012] и сформировавшей типичный языковой имидж «улично-го» оппозиционера).

Более частный случай, демонстрирующий работу все той же текстовой составляющей имиджа в личной сфере, обнаруживает языковая рефлексия 15-летнего подростка. В рамках пилотного тестирования, проведенного автором статьи (апрель 2016 г.), он использует лозунг *Хочешь быть лучшим? Стань им. Тебе для этого дана целая жизнь*

(«статус» социальной сети «ВКонтакте»); в качестве ключевых слов – *ЦСКА, МУ («Манчестер Юнайтед»), бывает, круто, прикольно*; в качестве ключевых тем – *само-совершенствование, семья, развлечения, футбол (играть и смотреть)*; временные же модели оформляет через назывные конструкции – *Стремление к мечте (настоящее), Детство – очень хорошее, но не идеальное (прошлое), Игра в футбол на профессиональном уровне (будущее)*.

Встает вопрос, что важнее – текстовая или вербально-речевая составляющая языкового имиджа? На что делать акцент в первую очередь, если временных и личностных ресурсов не хватает для развития их в равной степени? Ответ может быть таким: содержание общения положительно влияет на формирование имиджа прежде всего в рамках профессиональной и культурной деятельности, во вторую очередь – в контексте обучения; для оперативной же адаптации в обществе, тем более для быстрого завоевания аудитории важнее, видимо, вербально-речевой блок.

Массовый адресат с охотой улавливает то, что лежит на поверхности, внешний речевой и языковой антураж. Ведь для того, чтобы освоить текст и его содержание, требуется значительное усилие, расход временного и интеллектуального ресурса. А на это, к сожалению, далеко не всегда готов идти член современного социума в обстоятельствах хронического стресса и цейтнота.

Библиографический список

1. Зализняк А.А., Левонтина И.Б., Шмелев А.Д. Ключевые идеи русской языковой картины мира. М.: Языки славянской культуры, 2005. 544 с.
2. Китайгородская М.В., Розанова Н.Н. Речь москвичей: Коммуникативно-культурологический аспект. М, 1999. 396 с.
3. Ключевые слова текущего момента: мат-лы к спецкурсу. Красноярск, 1993. 44 с.

4. Осетрова Е.В. Речевой имидж: учеб. пособие. Красноярск, 2004. 219 с.
5. Политическое поведение и политические коммуникации: Психологические, социологические и филологические аспекты: тез. и тексты докл. науч.-практ. конф. (СПб.–Красноярск–Иркутск, 25 июля–3 августа 1994 г.). Красноярск, 1994. 80 с.
6. Протестные митинги в декабре 2011 г.: опыт оперативно-го исследования // Антропологический форум. 2012. № 16. URL: <http://anthropologie.kunstkamera.ru/07/16online/>
7. Щитова Д.А. Типология имиджевых ролей в политическом дискурсе // Вестник Кемеровского государственного университета. 2012. Т. 4. № 4 (52). С. 238–242.

Ф.Е. Подсохин

*Красноярский государственный педагогический
университет им. В.П. Астафьева*

ТРИ ЭТАПА ИНФОРМАЦИОННОЙ КАМПАНИИ

Подогреваемые в СМИ тревожные настроения общества и следующие за такой реакцией политические решения могут являться разными этапами конкретной информационной (манипуляционной) кампании, проводимой неким актором. В статье рассматриваются основные возможные этапы информационной кампании и их конечные задачи.

Манипуляция, информация, информационная война.

F.E. Podsohin

*Krasnoyarsk State Pedagogical University
named after V.P. Astafiev*

THREE STAGES OF THE INFORMATION CAMPAIGN

Increasing of anxiety sentiments in the mass media and following political decisions may be the different stages of specific information (manipulation) campaign conducted by some actor. The article reviews the main possible stages of information campaign and the final objectives.

Manipulation, information, information warfare.

Для старого Рокфеллера издавали специальную газету, заполненную вымышленными новостями. Некоторые страны в состоянии издавать такие газеты не только для миллиардеров, но для всего населения.

С.Е. Лец

Ежели бы все воевали только по своим убеждениям, войны бы не было.

Л.Н. Толстой

В обществе XXI в. СМИ оказывают огромное влияние на сознание и поступки человека, являются источником и одновременно поставщиком важнейшего в современном мире ресурса – информации. С одной стороны, СМИ публикуют вызывающую интерес аудитории информацию. С другой – транслируют различные ценностные установки, стереотипы, формируют общественное мнение, являясь главным средством изменения массового сознания [Васильев 2010: 141].

Манипуляции общественным мнением можно рассматривать как пример подавления воли граждан путём программирования их поведения, т. н. «промывки мозгов». Такой вид манипуляции направлен не на отдельного индивида, а на общество в целом. Главной задачей манипулятора становится навязывание коллективных ценностей, изменение мнений, целей, сознания людей для создания аудитории, поддерживающей правящую элиту, ту или иную политическую тенденцию. Воздействие на сознание людей происходит не напрямую при непосредственном контакте, а через средства массовой информации, которые создают иллюзию объективной подачи сведений и потому обладают высокой степенью убедительности [Демьяненко 2012: 20–27].

Представляется довольно очевидным, что нередко подогреваемые в СМИ тревожные настроения общества и последующие за такой реакцией политические решения являются разными этапами информационной (манипуляционной) кампании, проводимой неким актором. Таким образом, необходимые актору-инициатору политические решения «самостоятельно» предпринимаются от имени третьей стороны как вынужденное и единственно верное решение, поддерживаемое общественностью. Основной инструментальной единицей такой манипуляционной кампании необходимо считать **слово**: его семантику, имиджеобразующую, аксиологическую и культурную функцию, основным объектом воздействия – *общественное мнение*¹.

Если XX в. дефинируется как эпоха радио, газет и телевидения, то XXI – это уже век Интернета и социальных сетей, и их перспективы по достоинству оценены на родине Глобальной Паутины – в США. Здесь впервые созданы так называемые интернет-войска, где операции проводят люди в армейской форме.

Заместитель главы кибернетического командования ВС США Джеймс Маклафлин в отчете сообщает: «Перед нами стоит задача создать 133 новых кибер-подразделения. Всего понадобится дополнительно привлечь около 6 200 операторов, объединённых в так называемые войска кибернетических операций» [Министерство обороны США]. Достоверно известно, что с момента старта формирования подобного рода войск (2009 год) происходит массовый набор специалистов со знанием иностранных языков (арабского, китайского и русского).

Эмпирическим путем доказана рациональность и эффективность проведения политики в третьих странах по-

¹ Общественное мнение – это состояние общественного сознания, заключающее явное или скрытое отношение социальной общности к явлениям, событиям и фактам общественной жизни, отражающее определенную коллективную позицию по проблемам, представляющим определенный интерес.

средством кибернетических операций – это гораздо проще и дешевле, чем реальное применение силы, а возможные потери в случае неудачи практически сводятся к нулю. Наиболее вероятной является теория о подконтрольности революций на Ближнем Востоке, т. н. арабской весны, через социальные сети (Facebook и Twitter), штаб-квартиры которых расположены в США. В каждом конкретном случае события развивались по схожему сценарию: накануне народных волнений на ту или иную страну обрушивалась волна слухов (в большинстве случаев – не имеющих ничего общего с действительностью), нагнеталась истерия. Главным и наиболее опасным фактором подобного информационного заражения является тот факт, что инфицированное послание в любом случае воздействует на восприятие мира адресатом. «Пусть они никуда не выйдут на площадь, пусть они не будут громить никакие общественные, государственные здания, но они будут помогать создавать этот самый панический фон в любом случае» [Мураховский 2016].

За последние годы понятие информационной войны (ИВ) приобрело достаточно широкое распространение: неуклонно растущая политическая и экономическая напряженность в мире, катализируемая подробным освещением (так или иначе, субъективным, порой даже до откровенного лицемерия) в средствах массовой информации, сделала ИВ предметом как научного, так и публицистически-обывательского рассмотрения.

Информационная война оказалась сегодня в центре политики, экономики и военного дела. «Мирные» применения этого инструментария давно вышли за пределы его военного использования. Принятие решений существует во всех областях, и в случае конкурентного столкновения начинается борьба за единственность одного решения и против решений альтернативных [Почепцов 2014].

В связи с популяризацией термина информационной войны неуклонно растет и количество его дефиниций, описывающих понятие в основном с точки зрения политологии. Попробуем дать определение в большей степени с лингвистической (точнее – с политлингвистической) точки зрения:

***Информационная война** – совокупность массовых коммуникативных практик, целью которых является воздействие (или противодействие) посредством специфического употребления единиц языка на общность людей (географическую, этнографическую, конфессиональную, политическую, экономическую и т. д.) при одновременном обеспечении безопасности и защиты актора для достижения информационного превосходства в стратегических целях.*

Первым шагом кампании по информационному воздействию (противодействию) является **дискредитация**. Основная задача данного этапа – подорвать доверие к самой цели (государству, группе лиц, компании или конкретно взятому человеку) и её сообщениям: создать прецедент или обнародовать уже состоявшийся факт, проливающий свет на новые обстоятельства и ставящий под сомнение авторитет цели в глазах широкой общественности.

Подорвав лояльность и доверие общественности к объекту воздействия, агрессор приступает к следующему этапу, специфика которого состоит в культивировании (как правило, заведомо ложной) информации, причиняющей цели репутационный ущерб, во всех средствах массовой коммуникации. Немаловажно заметить, что подорванная репутация, создавая благоприятный предлог, позволяет инициатору вводить против цели политические и экономические санкции, принимать против неё меры и видоизменять межгосударственную риторику. Представляется достаточно уместным также назвать этот этап «аугментацией», или «эскалацией», поскольку он преимущественно

характеризуется приростом и разворачиванием информационных атак на почве подорванного в ходе первого этапа доверия к объекту. Необходимо отметить, что информация на этом этапе может быть и достоверной, поэтому, чтобы избежать противоречий, будем называть этот этап **аугментацией (эскалацией)**.

Эффективность защитных мероприятий мишени обратно пропорциональна эффективности дискредитации. Подорванный авторитет объекта затрудняет, а иногда делает и вовсе невозможной минимизацию ущерба, прежде всего репутационного.

Итоговой целью следует назвать **демонизацию** противника, которую мы выделим в третий последний этап информационной кампании. Под демонизацией следует понимать отождествление у аудитории (как правило, это широкая общественность) объекта воздействия с осуществляемым негативным посылом, причем теперь это происходит уже автоматически, вирально, без модерирования инициатором, т. е. создается определенный стереотип.

Для удобства представим этапы информационной кампании в виде таблицы.

Этапы информационной кампании

Этап	Описание	Результат
1. Дискредитация	Подрыв доверия к цели воздействия и её сообщением	Прецедент
2. Эскалация	Культивирование информационных сообщений	Тенденция
3. Демонизация	Автоматическое отождествление у общестственности предмета сообщений с целью кампании	Стереотип

В качестве заключения уместно упомянуть о притче, существующей в различных культурах и, как это обычно

бывает, множестве вариантов, несущественно различающихся между собой.

Как-то Аллах явился мудрецу и сказал, что через несколько лет все источники воды на земле станут ядовитыми – тот, кто попробует эту воду, станет безумцем. <...>. ... люди не поверили мудрецу, они посмеялись над ним... <...>. Так прошло несколько лет и настал момент, когда вся вода стала отравленной. Люди и скот пили ее и сходили с ума. И, в конце концов, в том краю остался только один человек, не попробовавший этой отравленной воды – мудрец. Люди <...> объявили его безумцем, смеялись над ним и всячески издевались. И тогда мудрец <...> подошел к колодезю и выпил отравленной воды. Тогда люди поздравили его с исцелением и стали вновь называть мудрецом...

Как ни парадоксально, но XXI в., предполагая глобальное распространение свобод человека (в т. ч. свободы слова), наглядно демонстрирует зависимость авторов от политических, экономических, культурных, религиозных реалий, которые в рамках того или иного информационного противостояния диктуют те или иные ценностные установки, облаченные в текст. В итоге мы имеем то, что изобретения, призванные и, казалось бы, предназначенные объединять людей посредством обмена информацией, сеют споры, разногласия и (как выяснилось в последние годы) даже используются для организации вооруженных конфликтов.

Библиографический список

1. Васильев А.Д. Манипулятивная эвфемизация как атрибут дискурса СМИ // Вестник Красноярского государственного педагогического университета им. В.П. Астафьева. 2010. № 1. С. 141–147.
2. Демьяненко Н.В. Использование манипулятивных технологий в СМИ как реальная проблема // Российский академический журнал. 2012. № 1. С. 20–27.

3. Министерство обороны США [Электронный ресурс]. URL: http://www.defense.gov/News/Special-Reports/0415_Cyber-Strategy (дата обращения: 10.04.2016).
4. Мураховский В. Паутина лжи [Электронный ресурс]. URL: <http://www.5-tv.ru/glavnoe/broadcasts/508990/332/> (дата обращения: 02.04.2016).
5. Почепцов Г.Г. Информационная война: определения и базовые понятия [Электронный ресурс]. URL: osvita.mediasapiens.ua/ethics/manipulation/informatsionnaya_voyna_opredeleniya_i_bazovye_ponyatiya (дата обращения: 02.04.2015).

С.А. Сергиенко

*Красноярский государственный педагогический
университет им. В.П. Астафьева*

**«СИБИРЬ ГЛАЗАМИ В.П. АСТАФЬЕВА» –
КУРС ЗАНЯТИЙ ДЛЯ СТУДЕНТОВ-ИНОФОНОВ**

В статье рассматриваются вопросы актуальности чтения художественной литературы на уроках русского как иностранного и схема восприятия художественного текста читателем-инофоном. В основной части статьи представлен элективный курс для иностранных студентов: цель, схема его построения и ожидаемые результаты.

Литература, межкультурная коммуникация, читатель-инофон, В.П. Астафьев, Сибирь, Енисей, базовые ценности.

S.A. Sergienko

*Krasnoyarsk State Pedagogical
University named after V.P. Astafiev*

**«SIBERIA BY EYES OF V.P. ASTAFIEV» –
TRAINING COURSE FOR FOREIGN STUDENTS**

This article discusses the relevance of reading literature on the lessons of Russian as a foreign language and the scheme of perception of art text-reader inofonom. In the main part of the article submitted to an elective course for foreign students: the purpose of the scheme of its construction and the expected results.

Literature, intercultural communication, reader-inofon, V.P. Astafiev, Siberia, Yenisei, the core values.

В качестве автора, произведения которого мы хотим взять для изучения с иностранными студентами, предлагаем сибирского писателя с мировым именем В.П. Астафьева. Наш выбор обусловлен тем, что, во-первых, Астафьев – ярчайший представитель сибирской литературы, а во-вторых, Красноярский педагогический университет носит его имя. Мы представляем Сибирь студентам-инофонам через призму произведений В.П. Астафьева, предлагая взглянуть на ее образ, созданный Астафьевым, и рассмотреть образ В.П. Астафьева в этих произведениях.

Цель предлагаемого нами курса занятий «Сибирь глазами В.П. Астафьева» – познакомить студентов-иностранцев с базовыми ценностями сибиряка: культурой, бытом, ключевыми географическими объектами через прочтение фрагментов произведений В.П. Астафьева, через постижение которых у студентов-иностранцев сложится образ сибиряка, созданный писателем.

Использование аутентичных материалов, так или иначе отражающих языковое мышление носителей языка, является неотъемлемым компонентом методики обучения иностранному языку. В качестве таких текстов возможно использование писем, газетных заметок, материалов из Интернета и др. Мы придерживаемся позиции, что, помимо вышеперечисленного, для полноценного овладения языком на занятиях русского как иностранного (РКИ) необходимо читать русскую художественную литературу, поскольку именно в ней отражены особенности национального языка и речемыслительной деятельности носителей этого языка. Как подчёркивает Н.В. Кулибина в методическом пособии «Зачем, что и как читать на уроке», овладение языком заключается не только в запоминании языковых единиц и правил их сочетания. Последнее – элементарный уровень, а за ним следует индивидуальный рече-

вой опыт человека, который развивается путем постоянного взаимодействия с чужими индивидуальными высказываниями, что помогает изучающему язык освоиться в новом языковом пространстве [2].

С.К. Фоломкина отмечает, что художественные произведения могут использоваться в обучении, когда достигнут «минимальный уровень зрелости чтения», т. е. когда учащиеся-инофоны могут не только воспринимать графические знаки и соотносить их с определенными значениями, но умеют в процессе смысловой переработки материала устанавливать факты, изложенные в тексте, выделять среди них наиболее существенные, обобщать их, оценивать, интерпретировать [8].

В связи с этим необходимо снова сослаться на пособие Н.В. Кулибиной, в котором она представляет схему чтения как коммуникативный акт [2: 50–51]. Чтение любого текста – это акт общения, который традиционно представляется как триада: автор – текст – читатель.

Чтение художественного текста – это усложненный вид коммуникации, эстетического общения, который может быть представлен несколько видоизмененной триадой: автор – образ (текст) – читатель.

Частным случаем межкультурной коммуникации является чтение иноязычного (инокультурного) художественного текста, который можно представить следующим образом: автор – образ (текст) – читатель-инофон.

Очевидно, что в этом случае последний компонент этой триады сильно изменяется: восприятие художественного текста читателем-инофоном характеризуется дополнительными особенностями, связанными с языковыми и экстралингвистическими причинами.

Однако не все компоненты имеют равное значение для решения методических задач. Н.В. Кулибина исходит

из того, что в художественном тексте совокупность авторских смыслов наиболее полно (насколько это возможно) отражена в значениях единиц текста. Другими словами, автор хотел сказать именно то, что сказал. Первые два компонента как бы сливаются в одно целое: [образ (автор-текст)] – читатель-инофон.

Таким образом, опираясь на взгляды вышеуказанных методистов, мы организуем наш курс следующим образом: вводная часть, первый и второй блоки и заключительная часть. Вводная часть знакомит учащихся с фактами из биографии писателя, с его портретом и фотографиями, планом работы. На эту часть работы отводится 1 час. После этого мы перейдем к первому и второму блокам, каждый из которых разделен на несколько частей.

Блок I. Топос. Флора и фауна

1. Енисей и его окрестности («Конь с розовой гривой», «Васюткино озеро», «Гуси в полынье», «Царь-рыба»).

2. Обитатели сибирских рек («Васюткино озеро», «Царь-рыба»).

4. Лес. Царь птиц и другие обитатели тайги («Васюткино озеро»).

5. Сибиряк на своей земле («Костёр у реки», «Царь-рыба»).

Блок II. Быт и культура

1. Промысел (перекличка с первым блоком).

1.1. Рыбалка. Личное увлечение В.П. Астафьева («Васюткино озеро», «Царь-рыба», письма В.П. Астафьева).

1.2. Охота («Васюткино озеро», «Царь-рыба»).

1.3. Огородничество («Ода русскому огороду»).

2. Еда («Бабушкин праздник»).

3. Песни («Осенние грусти и радости», «Бабушкин праздник»).

4. Сибирские пословицы и поговорки (все произведения, указанные выше).

Первая тема первого блока позволяет учащимся-инофонам рассмотреть с виду противоречивый, но гармоничный образ Енисея, созданный писателем: Енисей-батюшка, кормилец, Енисей – царь рек, Енисей-погубитель. При работе с этим образом внимание учащихся-инофонов будет обращено и на другие географические объекты, окружающие Енисей: реки, впадающие в него, тайгу, скалы (например, скала Караульный бык, упомянутая в рассказе «Гуси в полынье»).

На протяжении всего курса занятий в конце каждой темы учащиеся будут выполнять творческие задания сравнительно-сопоставительного характера. Например, домашнее задание к теме «Енисей и его окрестности»: сравнить образ реки Енисей с художественными образами рек страны студента-инофона.

Заключительная часть, синтезирующая всё пройденное, будет посвящена чтению завершённого художественного текста В.П. Астафьева. Это небольшое произведение, например, миниатюра из «Затесей». На заключительном этапе важно уделить внимание творческому заданию, которое будет итогом всего курса: учащиеся-инофоны подготавливают презентацию или видеоролик о Сибири и В.П. Астафьеве, который они впоследствии смогут представить у себя на родине.

Таким образом, разработав и апробировав этот курс, мы ожидаем личностных результатов: знание сибирских базовых ценностей, уважение к культуре сибиряков, которую столь высоко ценил В.П. Астафьев; предметных: знание темы «Сибирь в произведениях В.П. Астафьева»; метапредметных: умение читать художественный текст на неродном языке.

Библиографический список

1. Астафьев В.П. Собр. соч.: в 15 т. Последний поклон: повесть в рассказах. Кн. 1, 2. В.П. Астафьев. Красноярск: Офсет, 1997. Т. 4. 464 с.
2. Астафьев В.П. Собр. соч.: в 15 т. Царь-рыба. Красноярск: Офсет, 1997. Т. 6. 432 с.
3. Астафьев В.П. Собр. соч.: в 15 т. Произведения 1970–1980-х годов. Ода русскому огороду. Паруня. Очерк. Зрячий посох. Повесть. Красноярск: Офсет, 1997. Т. 8. 352 с.
4. Журавлёва Л.С., Зиновьева М.Д. Обучение чтению (на материале художественных текстов). М.: Русский язык, 1984. 98 с.
5. Кулибина Н.В. Зачем, что и как читать на уроке? СПб.: Златоуст, 2001. 264 с.
6. Технологии и методики обучения литературе: учеб. пособие / под ред. В.А. Кохановой. М.: Флинта: Наука, 2011. 248 с.
7. Тимофеева Н.В. Философская концепция мира и человека в повести Виктора Астафьева «Царь рыба» // Вестник АГТУ. 2010. № 2 (50). С. 71–75.
8. Фоломкина С. К. Обучение чтению // Методика обучения иностранным языкам в средней школе. М., 1982.

Е.С. Смирнов

Сибирский федеральный университет

ЦЕННОСТНАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ КОНЦЕПТА «ЧУЖОЙ» В АНГАРСКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРЕ

Статья посвящена рассмотрению ценностной составляющей концепта «чужой» в ангарской лингвокультуре. Источниками исследования являются устные рассказы коренных ангарцев, записанные в ходе трёх диалектологических практик студентов института филологии и языковой коммуникации Сибирского федерального университета в Кежемском и Богучанском районах Красноярского края (2012–2015), а также тексты, представленные в иллюстративной части «Словаря говоров русских старожилов Байкальской Сибири» Г.В. Афанасьевой-Медведевой. *Концепт «чужой», ангарская лингвокультура, ценностный слой концепта.*

E.S. Smirnov

Siberian Federal University

**AXIOLOGICAL COMPONENT
OF THE CONCEPT «ANOTHER»
IN THE ANGARA LINGUISTIC CULTURE**

The article is about axiological component of the concept «another» in the Angara linguistic culture. The sources of the study are the native inhabitants' verbal narratives which were written in 3 students dialectological practices of the Institute of the philology and language communication of the Siberian Federal University in Kezhemsky and Boguchansky districts of Krasnoyarsk region (2012-2015) and the texts from illustrations of « Dialect dictionary of Russian inhabitants in Baikal Siberia» by G.V. Afanasyeva-Medvedeva.

Concept «another», Angara linguistic culture, axiological component of the concept.

В современной русистике уделяется большое внимание изучению этнолингвистической сущности сибирской лингвокультуры [Орлова 2015; Сибирская локально-этническая культурная ситуация в конце XX века, 1998; Фельде 2014]. Одним из путей всестороннего описания региональной лингвокультуры является анализ дихотомии *свои–чужие*. Соотношение данных концептов рассматривается с позиций разных научных дисциплин. Например, О.В. Фельде [15] анализирует оппозицию концептов СВОИ–ЧУЖИЕ в языковом сознании сибиряков с психоллингвистической точки зрения; Н.А. Курнаева [7] – с социально-философской; М.Н. Петроченко [9] и Ю.В. Каменская [6] – с позиции лингвокультурологии и семантики, анализируя диалектные и фольклорные тексты, И.А. Славкина [12] рассматривает понятие «чужой» в этнопсихологическом, религиозном, политико-идеологическом и историко-лексикологическом аспектах.

По нашему мнению, актуально рассмотрение вербализации концепта «чужой» в русских ангарских говорах. Ис-

следование аксиологического поля концепта «чужой» позволяет расширить представление о ценностной картине мира коренных жителей Северного Приангарья, которые в силу многих исторических обстоятельств на протяжении длительного времени взаимодействовали с различными группами «чужих», попавшими в Сибирь по принуждению, а также с представителями коренного инородческого населения этого региона – эвенками.

Цель работы – исследование аксиологического слоя концепта «чужой». Для ее достижения необходимо выявить и охарактеризовать языковые единицы, которые выражают отношение нарраторов к «чужим», т. е. к лицам, которые не принадлежат к коренным ангарцам (русским старожилам региона).

Материалом исследования являются: 1) устные рассказы коренных ангарцев, которые были записаны в 2012–2015 гг. в ходе экспедиций и диалектологических практик студентов института филологии и языковой коммуникации Сибирского федерального университета под руководством профессора О.В. Фельде в районы Северного Приангарья; 2) мемуары, записанные в 2016 г. автором данной статьи в Кежемском районе Красноярского края; 3) тексты, представленные в иллюстративной части «Словаря говоров русских старожилов Байкальской Сибири» Г.В. Афанасьевой-Медведевой [1].

Для номинации «чужих» ангарцы используют общерусские, диалектные и разговорно-просторечные лексемы: *беглец, беглый, бегунец (беганец), беженец, варнак, высланный, депортированный, пленный, поселенец, пришелец, проходжий, спецпереселенец, ссыльный, химик, эвакуированный* и др. Среди них особую группу составляют этнонимы (*литовцы, мордва, немцы, эвенки / авенки* и др.) и этнохоронимы (*ленинградцы, москвичи* и др.).

В текстах о ссыльных, беглых и других группах «чужих» часто даётся их оценка с позиций рассказчика или с позиции «своих». Коренные ангарцы, повествуя о «чужих», оценивают их нравственные качества, поведение, профессионализм, уровень жизни и образования. При этом полюсы оценки резко различаются.

Объектами оценки являются: люди в целом, трудолюбивые «мужики», «самостоятельные» женщины, дети, старики.

Оценка (как положительная, так и отрицательная) в мемуарах о «чужих» выражается эксплицитно словами разных частей речи.

I. Положительная оценка

а) Оценочные прилагательные

*Пригоняли, зимой, которые оставались, которых угоняли. Вот у нас ссыльный был Родя, тоже жил. Такой мужик **хороший**, тоже привезён был* (Кеж.: Козинск, 2012). *Мама рассказывала, у них там две женщины, двое ребятшек были что ли. **Хорошие**, – говорит, – были, чёрненькие были*. *Таджики, или кто там* (Богуч.: Гольпявино, 2014). *Ну ничё, **хорошие** женщины были, такие **самостоятельные*** (Богуч.: Артюгино, 2014). ***Неплохие** люди были. За одного ссыльного у меня тётка вышла замуж* (Кеж.: Кежма, 2010). С помощью этих прилагательных даётся общая оценка тем или иным лицам.

Помимо общей, дается также оценка отдельных качеств и свойств «чужих».

*Политические... Их развитость, их стремление вернуться назад. Всё-таки трудности... Ну народу... Знаете, не сказать, что он был тупой народ, нет. Но он был **самобытный, трудолюбивый**. Понимаете, со своим языком. Это, где же вы найдёте! (Кеж.: Козинск, 2016). Во-первых, они **прекрасные** сельхозработники. Т. е. они знают, как об-*

*рабатывать землю, как это всё (Кеж.: Кодинск, 2016). Рядом жил министр, какой-то министр из Латвии. Вы знаете... И я... У нас когда гуляли, у нас ничё не было. Мы таскали вот эту посуду, и я её мыла неизвестно как. Вот, и они были **дружелюбны**. Их медсестра наших лечила (Кеж.: Кодинск, 2016).*

Данные качественные прилагательные отражают положительное отношение коренного населения Нижнего Приангарья к «чужим», а также то, что местные ценили и уважали в пришлых, прежде всего трудолюбие и дружелюбие.

По мнению многих лингвистов (Г.А. Золотова [5], Т.И. Вендина [3], И.Н. Худяков [16] и др.), оценка наиболее ярко выражается именно с помощью прилагательного, т. к. эта часть речи обозначает признак, свойство и качество предмета (является дескриптивной частью речи). В своё время знаменитый французский лингвист Ш. Балли писал, что «любая категория оценочных слов ведёт своё происхождение от прилагательных» [Балли 1955: 275].

б) Существительные со значением оценки

*Немцы всегда хорошо работали, они **труженики** большие (Богуч.: Артюгино, 2014). Потом оне начали работать, не имели к нашей жизни-то приспособленне. Но оне **трудовики**, немцы-то, работяшиши, оне много очень знали, готовили всё (СГРСБС. Т. 1. С. 112). Авенки-то были раньше каки умные, **труженики**, добрые, охотники (СГРСБС. Т. 1. С. 159). Люди принимали. И знаете, и вот ехали, ночевали в деревнях, так люди относились! Так люди жалели нас, что – кого ссылали?! Каких врагов народа?! Эти разе враги народа?! **Труженик! Тружеников** ссылали! Жили своими когтями (СГРСБС. Т. 8. С. 382).*

В слове **труженики** (и в его диалектно-просторечном варианте **трудовики**) положительная оценка «чужих» со-

держится в коннотативном компоненте лексического значения данных существительных. Стоит отметить, что представленные существительные со значением положительной оценки связаны с одним из ключевых концептов ангарской лингвокультуры – концептом «труд».

в) Качественные наречия

Все были дружно. Никто никогда никого не дёрнулся, не обозвал ничего даже-даже, как-то мы дружно (Богуч.: Артюгино, 2014). *И я заканчивала школу в 58 году, и в нашем классе были немцы, и они прекрасно учились. И мы прекрасно дружили* (Кеж.: Кодинск, 2016). *Авенки в лесу жили. Оне хорошо жили. От деревни недалёко стояли, километрах пять-шесть. Мы вот соберёмся, много-много нас, табунам ребятни-то, и бегали в гости к имям. А оне принимали нас хорошо! В чумах. И чаю напьёмся, и всё. Рады, что бегаем далёко* (СГРСБС. Т. 1. С. 159).

В приведённых примерах оценка заложена в семантике самих качественных наречий, с помощью которых выражается общая положительная оценка отношений коренных ангарцев и различных групп «чужих». Также стоит отметить, что качественные наречия соотносительны по функциям с качественными прилагательными. Они обозначают характеристику и выражают оценку действия, признака, состояния.

г) Полнознаменательный глагол, обозначающий взаимоотношения людей

Вон на той стороне, вон тут, тоже скоко чумов было. Все оне в чумах жили. Стойбишие цело было <...> И дружили все: руцки и аванки (СГРСБС. Т. 1. С. 157).

Наряду с другими частями речи (прилагательное, существительное, наречие и др.) глагол тоже может нести оценочное значение, т. к. некоторые глаголы имеют в своём

толковании указание на качественную характеристику действия, процесса, состояния. В приведенном выше примере, про «ручки и аванки», глагол «**дружили**» обладает качественной характеристикой определённого состояния души, взаимного расположения людей разных национальностей (это не единственный контекст в нашей картотеке, который показывает, что между коренным русским населением Сибири и инородцами региона складывались добрососедские отношения).

Оценочные средства языка, используемые для оценки «чужих», можно распределить на следующие группы.

1. Аффективные экспрессивы

*Знаете, **какие** здесь люди были! Здесь были, да. Люди были грамотные, были, студенты были ленинградские* (Богуч.: Невонка, 2014). *Ещё, знаете, **какой** доктор был! От Бога был доктор!* (Кеж.: Чадобец, 2012).

Как отмечает Е.М. Вольф [4], среди оценочных выражений с местоимением **какой** выделяются три разновидности со своими объектами и способами выражения оценки. В приведённых выше примерах выражена первая разновидность, которая характеризуется наличием эксплицитного объекта оценки (люди, доктор) и имплицитной оценкой всего высказывания.

2. Эмотивы

*Вот этих ссыльных жалели? Ну как, конечно, **жалко** было всех* (Богуч.: Артюгино, 2014). *Осенью привезли, перед заморозками, мама рассказывала, ой, их никто к себе не пускал, немцев, боялиша. А маме-то **жалко** было <...> Дак мама, знаете, ночью таскала иням еду* (СГРСБС. Т. 1. С. 112). *Но вот этих оне стариков **уважали, уважали** этих стариков* (СГРСБС. Т. 5. С. 353). *У нас Рая была (высланная немка – Е.С.), у ней двое ребятишек было. Тожже одеть... ой!*

Зима, холодина. Она вот возьмёт, на двух быках едет по силос... Ну, наверное, до речки два километра. Вот надо накласть эти два воза и ехать, а быки ведь рысью не побегут, шагали тихонько, и вот, как мы все говорили, как она терпела (Богуч.: Артюгино, 2014).

В первых двух примерах эмотивы выражены наречиями, которые передают положительное отношение коренного населения к ссыльным и спецпоселенцам. В третьем отрывке, «*про высланную немку Раю*», эмотивное выражение **как она терпела**, которое заканчивает повествование, связано со всем рассказом о немке и определяется контекстом.

В современной отечественной лингвистике существует несколько точек зрения на соотношение понятий «оценочность» и «эмотивность». Одни учёные утверждают, что в структуру и содержание эмотивов не включается оценка, другие говорят об обратном. Мы придерживаемся точки зрения таких исследователей, как Е.М. Вольф [Там же], Т.В. Романова [10] и В.И. Шаховский [17], которые утверждают, что эмотивность одновременно выражает и оценочность.

3. Коннотативы

Туды переплывам, смотрим: она уж на медведе сидит, авенка. Спромышляла его. Ножом. Потом говорила, она его следила, медведя этого <...> Оне же природны охотники, авенки-то (СГРСБС. Т. 1. С. 158).

В указанном примере содержится коннотатив «**природны**», выражающий положительную оценку по отношению к инородцам.

Такие отечественные лингвисты, как В.Н. Телия и В.И. Шаховский, связывают коннотацию с оценкой: «Коннотация – семантическая сущность, узуально илиokkaзионально входящая в семантику языковых единиц и выражающая **эмотивно-оценочное** (выделено нами – Е.С.) и сти-

листически маркированное отношение субъекта речи к действительности при ее обозначении в высказывании, которое получает на основе этой информации экспрессивный эффект» [Телия 1986: 5]. В данной статье мы разделяем это мнение.

4. Коннотативное сравнение

Иван-то Лемке (ссылный немец – Е.С.) такой крепенький, как стопочка! (Богуч.: Артюгино, 2014).

II. Отрицательная оценка

а) **Оценочные прилагательные, выражающие отдельные качества и свойства «чужих»**

Авены – у их язык плохой. Слово у их – камень (СГРСБС. Т. 1. С. 171).

Иногда ангарские мемораты отражают случаи, связанные с тем, что местные жители (русское коренное население) опасались некоторых представителей северных народов (шаманов, колдунов), которые могли навести порчу на своих обидчиков и недоброжелателей.

Авенов обидишь – всю жизнь будешь помнить. Оне злопомятны, их обижать нельзя, выгонять из дому (СГРСБС. Т. 1. С. 170).

Это один из тех редких примеров, который указывает на трудные отношения между эвенками и коренными ангарцами.

Отрицательная оценка «чужих» так же, как и положительная, выражается с помощью оценочных языковых средств.

1. Пейоративы (негативные коннотативы)

В Иркенево они тоже, ну они хулиганы же были, в Иркинеево тоже к этим старикам привязывались (Богуч.: Артюгино, 2014). *А работать не хотели, тунейдки. Тунейдки, так и говорили тунейдки* (Богуч.: Артюгино, 2014). *А у нас*

один тут **варнак** дак голову одному купцу отрубил. Поехал этот купец из Хаи в Федино через хребёт с Чуны на Бирюсу (там деревня Федино), и он с Канска поехал. А этот Якунин (он Гутьки Амакаевой брат) утром вперед уехал раньше его, дождал, засял тама-ка, коня в сторону увёл, чтоб не видно было, верхом. С заду увидел его, с заду хлоп его, и всё! Тот в Кошеве ехал, убил, и всё; А раньше же всяки бёглы ходили, **варнаки́**» (СГРСБС. Т. 5. С. 264–265).

В ангарских говорах слово *варнак* используется в нескольких значениях: 1. *Презр.* Бандит, разбойник, грабитель; 2. *Устар.* Беглый; 3. Беглый ссыльный, каторжанин, бродяга; 4. *Перен.* Злодей, ведущий себя безнравственно, совершающий святотатство; 5. *Бран. Перен.* О непослушном ребёнке, который бедокурит, проказничает (СГРСБС. Т. 5. С. 264–271).

В приведённом выше контексте слово *варнак* используется в первичном значении: «Бандит, разбойник, грабитель».

В отражённых примерах пейоративы выражают негативную оценку определённых лиц. Коренные жители порицают и не одобряют поведение и поступки людей, чьи действия связаны с нарушением закона и ленью.

2. Негативная оценка «чужих» может передаваться и с помощью иронии

*Залезут, всё выгребут, шо есь, што нужно. Муку там, какая была, ну какие продукты. Всё выгребут и уйдут. И всё. Ну они были **мастера** открывать, эти самые, замки. Ой, **специалисты** (Кеж.: Кодинск, 2014). Лексемы **мастера** и **специалисты** иронично выражены по отношению к лицам, совершающим кражу. **Зона нейтральной оценки:** *А местное население как относилось к ссыльным? Да **нормально** (Богуч.: Гольпявино, 2014). Хулиганства не было никакого у нас, всё было **нормально**. Хулиганства не было.**

Ссылных везли, гнали, которые оставались, а которых дальше (Кеж.: Кодинск, 2012).

В концепции Е.М. Вольф нейтральная оценка (*нормально, безразлично* и пр.) по шкале между «хорошо / плохо» располагается ближе к полюсу «плохо» (в большинстве случаев). Нейтральная оценка в текстах о «чужих» больше относится к полюсу «хорошо». Это связано с тем, что население Нижнего Приангарья с уважением относилось ко многим «чужим», помогая им по мере возможности в обустройстве на новом месте.

Таким образом, исследование языковых элементов, образующих аксиологический слой концепта «чужой» в ангарской лингвокультуре, показало, что отношение местного населения к «чужим» в большинстве случаев было положительным. Отрицательно оцениваются в основном отклонения от нравственно-этических норм общества и лень. Преобладает эксплицитный способ оценки с помощью оценочных прилагательных, распределенных по шкале «хорошо – плохо».

Библиографический список

1. Афанасьева-Медведева Г.В. Словарь говоров русских старожилов Байкальской Сибири / науч. ред. В.М. Гацак, С.А. Мызников. Иркутск, 2007. Т. 1. 576 с.; 2010. Т. 5. 544 с.; 2008. Т. 8. 536 с. – СГРСБС.
2. Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка. М.: Изд-во иностранной литературы, 1955. 416 с.
3. Вендина Т.И. Семантика оценки и её манифестация средствами словообразования // Славяноведение. 1997. № 4. С. 41–48.
4. Вольф Е.М. Функциональная семантика оценки. М.: Едиториал УРСС, 2002. 280 с.
5. Золотова Г.А. Коммуникативный аспект русского синтаксиса. М.: Наука, 1982. 386 с.

6. Каменская Ю.В. Репрезентация оппозиции «свой–чужой» в рамках концепта «семья» (на материале текстового диалектного корпуса) // Русский язык: исторические судьбы и современность: IV Международный конгресс исследователей русского языка. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2010. С. 120–121.
7. Курнаева Н.А. Свои и чужие в коллективной идентичности: социально-философский анализ: дис. ... канд. филос. наук. Иваново, 2006. 157 с.
8. Орлова О.В. О новых подходах к изучению современных региональных лингвокультур. Язык и социум: материалы X Междунар. науч. конф. Минск, 15–17 октября 2015 г. Минск: Колорград, 2016. С. 25–28.
9. Петроченко М.Н. Семантический компонент «свой/чужой» в фольклорном и диалектном бытовом текстах: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Томск, 2005. 23 с.
10. Романова Т.В. Модальность. Оценка. Эмоциональность: монография. Нижний Новгород: НГЛУ им. Н.А. Добролюбова, 2008. 310 с.
11. Сибирская локально-этническая культурная ситуация в конце XX века: материалы Вторых Параславян. чтений, 15 дек. 1998 г. Красноярск, 1998. 115 с.
12. Славкина И.А. Образ «чужого» в истории русского языка: монография. Красноярск: КрасГУ, 2006. 211 с.
13. Телия В.Н. Коннотативный аспект семантики номинативных единиц. М.: Наука, 1986. 143 с.
14. Фельде О.В. Ангарская лингвокультура в лексикографическом освещении // Проблемы истории, филологии, культуры. 2014. № 3. С. 190–192.
15. Фельде О.В. Свои и чужие в языковом сознании сибиряков // Вестник Томского государственного университета. 2011. № 3 (15). С.59 – 64.
16. Худяков И.Н. Об эмоционально-оценочной лексике // Филологические науки. 1980. №3. 145 с.
17. Шаховский В.И. Лингвистическая теория эмоций. М.: Гнозис, 2008. 416 с.

А.В. Сперанский

*Красноярский краевой институт повышения
квалификации работников образования*

А.Н. Сперанская

Сибирский федеральный университет

**ПАРЕМИИ О РЕЧИ
КАК ИНСТРУМЕНТ ИЗМЕРЕНИЯ
КОММУНИКАТИВНОЙ РЕФЛЕКСИИ**

В статье анализируются результаты анкетирования. В качестве инструмента в анкете использовались паремии. С их помощью оценивалось умение респондентов соотносить коммуникативную ситуацию и её обозначение.

Коммуникативная ситуация, языковая рефлексия, паремия, языковой эксперимент.

A.V. Speranski

*Krasnoyarsk Regional Institute for Advanced
qualifications of educators*

A.N. Speranskaya

Siberian Federal University

**PROVERBS ABOUT SPEECH
AS A TOOL FOR MEASURING
THE COMMUNICATIVE REFLECTION**

This article contains the results of the questionnaire. The questionnaire includes the Russian paroemias that used to value the ability of the respondents to correlate the communicative situation with her designation.

Communicative situation, language reflection, proverbs, linguistic experiment.

Паремии представляют собой уникальные языковые знаки, природа которых тройственна: они одновременно являются и языковым знаком (в этом они сходны с фразеологизмами), и логическими единицами (суждениями или умозаключениями), и художественными текстами [Пермяков 1970]. Эти три плана пословичных изречений в значительной степени автономны. Пословицей носитель

обозначает ситуацию, более того – одна из двух наиболее общих функций паремий – «моделирование типовой ситуации» [Никитина, Васильева 1996: 103]. Смысл пословицы – это «её значение в соотнесении со схемой той ситуации, в которой она употребляется. В пословицах прагматика ещё более тесно связана с семантикой. В целом наше понимание «смысла» пословицы соответствует термину «лексическое значение» у Ю. Апресяна... Смысл – это типовая ситуация, обозначенная пословицей» [Левин 1998: 485]. Такое понимание паремийных текстов позволяет использовать их в качестве инструмента измерения, например, коммуникативных навыков, а точнее, способность респондентов выявлять связь между смыслом пословицы (скрытым и представленным в образной форме правилом коммуникативного поведения) и той речевой ситуацией, к которой правило может быть отнесено [Кочетков, Сперанская, Сперанский 2001].

Анкета-задание по выявлению коммуникативной рефлексии выглядит следующим образом. Респондентам (учителям и учащимся) предлагают список паремий и перечень коммуникативных ситуаций. Задание выглядит следующим образом: Соедините речевую ситуацию с той паремией, которая, на ваш взгляд, наиболее близко её характеризует (одна паремия может быть знаком нескольких ситуаций, и одну ситуацию могут отражать несколько паремий).

Паремии: *В огороде бузина, а в Киеве дядька; Говорить на разных языках; Голова у ног ума не просит; Метать бисер перед свиньями; На вкус и цвет товарища нет; Не тебе бы говорить, да не мне бы слушать; Не учи хромать, у кого ноги болят; С волками жить, по-волчьи выть; Скажи да укажи, да в рот положи; Скажи ему, в какой день воскресенье бывает; Учёного учить – только портить; Яйца курицу не учат.* **Ситуации:** *Ошибка в логичности речи. Ошиб-*

ка в оценке интеллектуальных возможностей собеседника. Ошибка в учете возрастной иерархии. Ошибка в учете профессионального уровня собеседника. Ошибка в учете социальной иерархии. Интересы собеседников не совпадают.

С помощью данного задания можно определить ситуации, которые участники точно регламентируют. Уровень языковой рефлексии поможет выполнить это задание и не совершить ошибку в выборе нормы с тем, чтобы влиять на складывающуюся коммуникативную ситуацию. Действия респондента схематично могут выглядеть следующим образом: понимание смысла паремии; перебор возможных речевых ситуаций; подбор нужного иллюстративного текста из предложенного списка. Проводя эксперимент, мы рассчитывали на полное узнавание всех паремий и точное попадание в ситуацию. Однако эксперимент показал интересные результаты.

Ситуация **Ошибка в логичности речи**. В качестве точной реакции на данную ситуацию можно назвать пословицу *В огороде бузина, а в Киеве дядька*, которая требует соблюдения логической последовательности. Отметим, что 2/3 учащихся (68 %) определили соотношение правильно против 40 % учителей. Следовательно, логичность речи как коммуникативная норма сформирована у учащихся прочнее.

Таблица 1

Варианты ответов, регулирующих ситуацию
Ошибка в логичности речи

Текст паремии	Учителя	Ученики
В огороде бузина, а в Киеве дядька	0,40	0,68
Скажи ему, в какой день воскресенье бывает	0,21	0,34
Голова у ног ума не просит	0,17	0,11
Говорить на разных языках	0,17	0,18
Метать бисер перед свиньями	0,02	0,17

Можно предположить, что разность обусловлена гендерным фактором: генеральная выборка педагогов на 97 % состоит из анкет женщин, тогда как в ученической среде (мы анкетировали третьекурсников юридического института) их только 25 %. Однако среди учителей нет однородности. Частные выборки показывают, что 45 % учителей со стажем работы от 5 до 20 лет определяют паремию *В огороде бузина, а в Киеве дядька* как ошибку в логичности речи, тогда как ту же паремию выбирает только 18 % педагогов с одним годом опыта работы и 27 % учителей со стажем работы более 20 лет.

Ситуация ***Ошибка в оценке интеллектуальных возможностей собеседника***. Наиболее адекватно отражающими эту ситуацию являются паремии *Метать бисер перед свиньями*; *Скажи да укажи, да в рот положи* и *Скажи ему, в какой день воскресенье бывает*. Их коммуникативная цель – сосредоточить внимание говорящего на низком интеллектуальном уровне собеседника. Педагоги путают ситуацию несовпадения интересов (*Говорить на разных языках*) с оценкой интеллектуальных возможностей собеседника. Возможно, для них определяющим явился обобщающий смысл данной паремии – всякая неудача в вербальной коммуникации. Учащиеся значительно меньше допускают ошибок в идентификации ситуации с пословицей (табл. 2).

Таблица 2

Варианты ответов, регулирующих ситуацию
Ошибка в оценке интеллектуальных возможностей собеседника

Скажи да укажи, да в рот положи	0,27	0,41
Скажи ему, в какой день воскресенье бывает	0,22	0,38
Метать бисер перед свиньями	0,28	0,13
Говорить на разных языках	0,31	0,18
Ученого учить – только портить	0,21	0,27
Голова у ног ума не просит	0,20	0,27

Из ответов видна одна особенность – сложность выделения такого «параметра» собеседника, как его интеллектуальные возможности. Результаты наглядно демонстрируют, что социальный опыт (возраст и профессия) не повлиял на способность педагогов правильно определить это коммуникативное требование. А между тем в русском кодексе бытового речевого поведения эта характеристика представлена большим количеством текстов. Умение определять «ум в речах собеседника» и требование содержательных речей являются важными для национального самосознания (если паремии считать непрямым его отражением).

Ситуация ***Ошибка в учёте возрастной иерархии.*** В русской речевой культуре возрастная иерархия достаточно метко, однозначно и образно описана пословицей *Яйца курицу не учат*: запрет младшего на дидактические речевые действия по отношению к старшему.

Таблица 3

**Варианты ответов, регулирующих ситуацию
*Ошибка в учете возрастной иерархии***

Текст паремии	Учителя	Ученики
Яйца курицу не учат	0,80	0,87
Голова у ног ума не просит	0,10	0,04
Не тебе бы говорить, да не мне бы слушать	0,05	0,11

Уровень «узнаваемости» данной паремии и у учителей (80 %), и у учеников (87 %) практически одинаков. Соблюдение возрастной иерархии, судя по результатам, наиболее узнаваемая ситуация. Паремия *Не тебе бы говорить, да не мне бы слушать*, которую респонденты выбирают в качестве иллюстрации данной коммуникативной ситуации, может быть понята ими как ответ-реакция старшего на нарушение речевой нормы младшим.

Ситуация *Ошибка в учёте профессионального уровня собеседника*. Тексты, которые отражают эту ситуацию *Ученого учить – только портить; Не учи астраханца рыбу пластать; Не учи хромать, у кого ноги болят*, требуют не вмешиваться в действия профессионала и констатируют бессмысленность дидактических действий по отношению к осведомлённому человеку.

Таблица 4

Варианты ответов, регулирующих ситуацию
Ошибка в учете профессионального уровня говорящих

Текст паремии	Учителя	Ученики
Учёного учить – только портить	0,41	0,48
Не учи астраханца рыбу пластать	0,39	0,62
Не учи хромать, у кого ноги болят	0,23	0,37
Скажи да укажи, да в рот положи	0,12	0,08
Говорить на разных языках	0,08	0,13

И ученики, и учителя правильно определили варианты ответов. Очевидно, присутствие в текстах прямого запрета помогает правильно оценить и ситуацию. Однако видна разница в выборе: если педагоги предпочитают текст с параметром «учёный», то учащиеся реагируют на образ. Таким образом, порядок рейтингов ответов у социальных групп не совпадает: учителя обращают внимание на обученность собеседника, обучаемые – на способность профессионально совершать ряд действий.

Ситуация *Ошибка в учёте социальной иерархии*. Адекватными паремиями для данной ситуации являются *Голова у ног ума не просит* и *Метать бисер перед свиньями*. Каждый из этих текстов накладывает запрет на речевые действия вышестоящего по социальной лестнице.

Варианты ответов, регулирующих ситуацию
Ошибка в учете социальной иерархии

Текст поговорки	Учителя	Ученики
Метать бисер перед свиньями	0,28	0,24
Голова у ног ума не просит	0,12	0,07
С волками жить, по-волчьи выть	0,22	0,30
В огороде бузина, а в Киеве дядька	0,12	0,04
Не тебе бы говорить, да не мне бы слушать	0,11	0,13
Яйца курицу не учат	0,05	0,16

Обращает на себя внимание рейтинговый разрыв между правильными ответами учеников и учителей. Это указывает на степень узнаваемости и распространённости каждой из поговорок. Для учащихся поговорка *Яйца курицу не учат* – это текст не только о возрастной иерархии, но и о социальной, потому что старший для них выше и социальнее. Эксперимент показал, что для респондентов поговорка *Метать бисер перед свиньями* не является отражением ситуации с социальной асимметрией. Не совсем обоснованным выглядит включение педагогами поговорки *В огороде бузина, а в Киеве дядька* как характеризующей названную коммуникативную ситуацию. Такое поведение говорит о недостаточном понимании смысла поговорки. Поговорка *С волками жить, по-волчьи выть* понимается респондентами широко: образная составляющая позволяет интерпретировать неудобное коммуникативное существование по разным параметрам, в нашем случае это нарушение социальной иерархии.

Ситуация *Интересы собеседников не совпадают*. Поговорки, регулирующие данную ситуацию *На вкус и цвет товарища нет; Не тебе бы говорить, да не мне бы слушать; Говорить на разных языках*, имеют различную логическую направленность: первая и последняя – констатируют, вторая – запрещает.

Варианты ответов, регулирующих ситуацию
Интересы собеседников не совпадают

Текст паремии	Учителя	Ученики
На вкус и цвет товарища нет	0,59	0,74
Не тебе бы говорить, да не мне бы слушать	0,41	0,56
Говорить на разных языках	0,37	0,46
В огороде бузина, а в Киеве дядька	0,12	0,01

И учителя, и ученики продемонстрировали высокую степень понимания этой ситуации, практический смысл которой – «при осознании несовпадения интересов с собеседником необходимо коммуникацию прекратить». Можно считать, что узнаваемость ситуации высокая и коммуникативная норма для респондентов очевидна. Популярность паремии *В огороде бузина, а в Киеве дядька* в педагогической среде говорит не столько об универсальности этого текста (потому что смысл паремии достаточно очевиден и не лежит в плоскости разных интересов собеседников), сколько о том, что значение паремии для этой группы респондентов размыто.

Подводя итог анализу результатов опроса, можно сказать, что в подобной анкете есть потенциал для выявления коммуникативной рефлексии, которая позволяет определять способность респондентов ориентироваться в той или иной коммуникативной ситуации. Рефлексия у двух групп респондентов развита не одинаково, она несущественно варьируется в зависимости от конкретной коммуникативной ситуации, тогда как в целом заметна тенденция большей узнаваемости ситуаций у группы учащихся, чем у педагогов. Оперативность оценки учащихся заметно выше при определении ситуаций *Интересы собеседников не совпа-*

дают и *Ошибка в учёте профессионального уровня говорящего*. Ситуация *Ошибка в учёте возрастной иерархии* также легче узнаётся учащимися, чем учителями. Наибольшую трудность оценить коммуникативное событие и подобрать иллюстрирующий паремийный текст для обеих групп представляют ситуации *Ошибка в учёте интеллектуальных возможностей собеседника* и *Ошибка в учёте социальной иерархии*, хотя педагоги имеют некоторое преимущество в правильной характеристике данных ситуаций.

Ещё одним результатом явилось понимание, что респонденты сталкиваются с затруднениями в понимании некоторых паремий [см. подробнее о трудностях в интерпретации паремий в: [Сперанская 2004]]. Этим объясняется разброс в количестве соотношений: некоторые паремии для респондентов являются универсальными для характеристики разных коммуникативных ситуаций, что говорит о размытости значения паремии для носителя языка.

Библиографический список

1. Кочетков М.В., Сперанская А.Н., Сперанский А.В. Диагностика коммуникативных норм поведения и ее использование в учебно-воспитательной работе: учебно-методическое пособие. Красноярск: Краснояр. гос. ун-т, 2001. 187 с.
2. Левин Ю.И. Избранные труды. Поэтика. Семиотика. М.: Школа «Языки русской культуры», 1998. 824 с.
3. Никитина С.Е., Васильева Н.В. Экспериментальный системный толковый словарь стилистических терминов. М., 1996. 172 с.
4. Пермяков Г.Л. От поговорки до сказки (заметки по общей теории клише). М.: Восточная литература, 1970. 240 с.
5. Сперанская А.Н. Неудачи в интерпретации пословиц и поговорок // Интерпретатор и текст: проблемы ограничений в интерпретационной деятельности: материалы Пярых филологических чтений (20–22 октября 2004 г.). Новосибирск: Изд.-во НГПУ, 2004. Ч. 1. С. 177–184.

Е.В. Такаскова

*Красноярский государственный педагогический
университет им. В.П. Астафьева*

**ФАМИЛИИ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ XIX ВЕКА
(НА МАТЕРИАЛЕ ДНЕВНИКОВ В.Д. КАСЬЯНОВА)**

В статье многоаспектно исследованы русские фамилии XIX в. Документальной базой для анализа являются дневники В.Д. Касьянова. Автором изучена теория номинации, понятия первичной и вторичной номинации; дана характеристика происхождению и семантике русских фамилий. Проведен анализ социального аспекта функционирования фамилий в дневниках В.Д. Касьянова (анализ рода деятельности носителей фамилий); исследованы структурно-грамматические принципы номинации русскоязычных фамилий. Автором также проанализированы семантические основы номинации фамилий в русском языке XIX в.

Ономастика, антропонимика, антропоним, фамилия, Касьянов.

E.V. Takaskova

*Krasnoyarsk State Pedagogical
University named after V.P. Astafiev*

**SURNAMES IN RUSSIAN OF THE 19TH CENTURY
(ON MATERIAL OF DIARIES OF V.D. KASYANOV)**

In this article it is multidimensional the Russian surnames of the 19th century are investigated. Documentary base for the analysis are V. D. Kasyanov's diaries. The author has studied the theory of the nomination, concept of primary and secondary nomination; the characteristic is given to an origin and semantics of the Russian surnames. In article the analysis of social aspect of functioning of surnames in V. D. Kasyanov's diaries (the analysis of a kind of activity of carriers of surnames) is carried out; the structural-grammatical principles of the nomination of Russian-speaking surnames are investigated. The author has also analysed semantic bases of the nomination of surnames in Russian of 19 century.

Onomastics, antroponymika, antropony, surname, Kasyanov.

В каждой культуре в тот или иной период истории образуются антропонимы с определенной национальной или культурно-исторической семантикой. С течением вре-

мени личные имена, наделенные определенным характером и ассоциативными особенностями, приобретают устойчивость и социальную значимость благодаря набору характерных признаков, таких как отражение характера, внешности, национальности и т. д. Более того, довольно часто такие антропонимы становятся символами различных обозначаемых ими качеств или характеристик.

Активное развитие лингвистических методов в изучении антропонимов, интерес к коннотативному значению слова и изучению его ассоциативной семантики вернули интерес исследователей к проблемам ономастики, который поддерживается и тем, что имена собственные представляют собой промежуточную область, в пределах которой тесно контактируют лингвистические и экстралингвистические факторы развития языка. Лингвистические факторы номинации влияют на реализацию архаизмов, которые утрачены в языке, а также на появление новых тенденций языкового развития. Интерес к проблемам ономастики объясняется также тем, что имена собственные – это своеобразное отражение культуры.

Изучение фамилий занимает особое место в такой науке, как ономастика. Оно представляет собой совокупность исторических и культурных феноменов данных последних столетий. Изучение фамилий помогает открыть немало фактов, ценных не только для самого языкознания, но и для других общественных наук: истории, культуры, географии, этнографии. Фамилии являются своего рода историей, живущей в современности, объясняют родовую принадлежность человека.

Несмотря на ценность исследований фамилий русского языка в различные периоды его развития, данная тема до сих пор недостаточно изучена в современном языкознании. Это связано прежде всего с большим документальным мате-

риалом, охватывающим различные территории распространения фамилий и социальные препятствия на пути появления фамилий в русском обществе.

В данном исследовании документальной базой для анализа являются дневники В.Д. Касьянова. Широкую известность за пределами Енисейской епархии В.Д. Касьянов получил благодаря обширной корреспонденции с видными духовными деятелями России, миссионерами из Японии, Китая, Америки, Афганистана. В год объем его переписки мог превышать 400–500 писем. Современники считали его одним из наиболее образованных людей своего времени и называли «Вселенским протоиереем». С 1870 г. до своей смерти в 1897 г. В.Д. Касьянов вел дневники, которые впоследствии хранились в собрании известного библиофила Г.В. Юдина, а затем были переданы в Красноярский краевой краеведческий музей. В 2012 г. дневники В.Д. Касьянова были изданы в виде двухтомника музейно-просветительским центром духовной культуры Красноярского края «Касьяновский дом» и издательским домом «Восточная Сибирь» по благословению митрополита Красноярского и Ачинского Пантелеимона. Собранный В.Д. Касьяновым материал является одним из важнейших источников образования и развития системы фамилий в русском языке XIX в.

Процесс создания и развития имятворчества в рамках фамилий в русском языке подчиняется теории первичной и вторичной номинации, причем фамилии как вид антропонима в большинстве случаев являются результатом вторичной номинации.

Под фамилией в данном исследовании мы понимаем последний элемент официального именованного русского человека, прибавляемого к личному имени, переходящего по наследству от отца или матери к детям или от мужа к жене, возникший последним из других официальных ан-

тропонимов и указывающий на принадлежность человека к тому или иному семейному роду.

В системе антропонимов русского языка фамилия занимает одно из главных мест, являясь официальным наследственным наименованием. Среди специфических черт фамилии, отличающих ее от других антропонимов, выделены отсутствие динамики, устойчивость, наследование, неподверженность моде, статичность.

В зависимости от различных критериев выделяется большое количество разноструктурных классификаций фамилий в русском языке. Значимыми для настоящего исследования являются семантическая классификация, соотносящая фамилию со сферой деятельности человека; грамматическая классификация, распределяющая фамилии в зависимости от их словообразовательного форманта; этимологическая классификация, позволяющая выявить источник возникновения фамилии и степень ее мотивированности и ассоциативности в русском языке.

Исследование проводится в трех аспектах:

- социальном;
- структурно-грамматическом;
- семантическом.

Под социальным аспектом функционирования фамилий в дневниках В.Д. Касьянова подразумевается исследование рода занятий людей, которым принадлежат анализируемые в данной работе фамилии.

В ходе проведения анализа выделено 13 групп людей, описываемых в дневниках В.Д. Касьянова, по их роду занятости:

- 1) духовенство (Домовский);
- 2) государственная служба (Долгушин);
- 3) торговля (Кречетова);
- 4) юриспруденция (Лавров);

- 5) творческие профессии (Вербов);
- 6) технические профессии (Голубцов);
- 7) руководство страной / местностью (Романов);
- 8) здравоохранение (Коновалов);
- 9) наука (Карамзин);
- 10) исследования планеты / путешествия (Потанин);
- 11) крестьянство (Петров);
- 12) другие профессии (Грачев);
- 13) отсутствие указания профессиональной занятости (Спешилова).

В большинстве случаев фамилия человека не связана с его профессиональной сферой деятельности. В некоторых подгруппах фамилии вовсе отсутствуют: в духовенстве, у представителей царской власти, у крестьян.

В рамках исследования дневников В.Д. Касьянова, в которых путем сплошной выборки выделено 2 108 фамилий, обнаружено 10 фамильных формантов:

- 1) –ов / -ев / -ёв (Егоров, Зверев, Соловьёв);
- 2) –ский / -цкий (Орлянский, Савицкий);
- 3) –ин / -ын (Уточкин, Потылицын);
- 4) –ич (Карпович);
- 5) –ко / -енко (Симченко, Назаренко);
- 6) –ой / -ий (Родственная, Родственный);
- 7) –ман / -сон (Шульман, Кадысон);
- 8) –ых / -их (Черных);
- 9) –ый (Многогрешный);
- 10) другие форманты или бессуфиксальное образование (Синица).

Помимо этого, в данную классификацию русских фамилий XIX в. необходимо включить также двойные и тройные фамилии, обнаруженные в дневниках В.Д. Касьянова. Доминирующим словообразовательным формантом для фамилий людей любой профессии в русском языке XIX в. яв-

ляется формант –ов (и его разновидности –ев и –ёв). Другие форманты отмечаются гораздо реже.

Исконно русские форманты и ряд заимствованных суффиксов (-ман, -сон, -ич) обладают возможностью словоизменения в соответствии с грамматическими категориями имени прилагательного в русском языке. Другие форманты (например, -ых) не подвергаются склонению и являются в большинстве случаев неизменяемыми фамилиями. Исключения составляют фамилии на –ко, которые в XIX в. считались изменяемыми, однако в современном русском языке не подвергаются склонению.

Этимологические основы номинации фамилий представлены в дневниках В.Д. Касьянова довольно широко. Исходя из обнаруженных фамилий, можно выделить множество различных групп.

1. Канонические и неканонические имена (Романов, Жуковский).

2. Топонимические основы русских фамилий (Астраханцев).

3. Фамилии на основе прозвищ (Ворожейкина).

4. Основы, отражающие отношение к новорожденному (Девятов).

5. Основы, обозначающие характеристику человека (Долгоруков).

6. Основы фамилий по профессии (Водовозов).

7. Основы, обозначающие религиозные понятия (Вознесенский).

8. Основы, обозначающие части тела (Безноскова).

9. Основы от названий объектов живой природы (Пальмин).

В системе фамилий XIX в. и современных фамилий можно отметить ряд различий. Во-первых, в XIX в. фамилии не использовались представителями крестьянства

и правителями страны (императорами). Однако в современном русском языке фамилией обладает каждый гражданин России, вне зависимости от его социального статуса или должности (например, *В.В. Путин*). Во-вторых, изменения коснулись грамматических особенностей склонения фамилий (изменяемость фамилий на –ко в XIX в. и их неизменяемость в современном русском языке).

Библиографический список

1. Антропонимика / ред.: В. А. Никонов, А. В. Суперанская. М.: Наука, 1970. 360 с.
2. Бондалетов В.Д. Русская ономастика. М.: Просвещение, 1983. 224 с.
3. Гак В.Г. К типологии лингвистических номинаций // Языковая номинация: Общие вопросы. М., 1977. С. 230–293.
4. Суперанская А.В. Языковой знак и имя собственное // Проблемы языкознания. Доклады и сообщения советских ученых на X Международном конгрессе лингвистов. М.: Наука, 1967. С. 152–156.
5. Унбегаун Б.О. Русские фамилии: пер с англ. / общ. ред. Б.А. Успенского. М.: Прогресс, 1989. 443 с.
6. Шмелева Т.В. Ономастика. Славянск-на-Кубани: Издательский центр филиала ФГБОУ ВПО «КубГУ» в г. Славянск-на-Кубани, 2013. 161 с.
7. Большой энциклопедический словарь / гл. ред. В.Н. Ярцева. 2-е изд. М.: Большая Российская Энциклопедия, 2000. 688 с.
8. Ганжина И.М. Словарь современных русских фамилий. М.: Астрель: АСТ, 2001. 672 с.
9. Значение фамилий // Ufolog.ru: сайт. [Электронный ресурс] URL: <http://www.ufolog.ru/names/> (дата обращения: 23.09.2016).
10. Месяц С.А. Красноярские имена и фамилии: справочник. Красноярск: Красноярский писатель, 2004. 160 с.
11. Федосюк Ю.А. Русские фамилии: популярный этимологический словарь. 3-е изд. испр. и доп. М.: Русские словари, 1996. 286 с.

А.Г. Тимченко

*Красноярский государственный педагогический
университет им. В.П. Астафьева*

**ЧАСТНЫЕ ТЕМПОРАЛЬНЫЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ
НОСИТЕЛЕЙ РУССКИХ ГОВОРОВ
КРАСНОЯРСКОГО КРАЯ
(СЕМИОТИЧЕСКАЯ ОППОЗИЦИЯ «ВЕСНА–ЗИМА»)**

В статье рассматриваются лексические единицы русских говоров Красноярского края с темпоральной семантикой в рамках универсальной бинарной семиотической оппозиции «весна–зима». Материал отражает локальные ментальные представления носителей красноярских говоров, реализующие обобщенное противопоставление и указывающие на важные в сельскохозяйственных обрядах темпоральные символы. *Говоры, бинарные семиотические оппозиции, категория темпоральности, наивная картина мира.*

A.G. Timchenko

*Krasnoyarsk State Pedagogical
University named after V.P. Astafiev*

**SOME TEMPORAL REPRESENTATION OF NATIVE
RUSSIAN DIALECTS OF KRASNOYARSK TERRITORY
(SEMIOTIC OPPOSITION «SPRING–WINTER»)**

The paper is devoted to the Russians dialect lexical items of Krasnoyarsk Territory with temporal semantics within a universal binary semiotic opposition «spring-winter». The material represents local mental representations of native Krasnoyarsks dialects, implement a generalized opposition and point out important agricultural rites temporal characters. *Dialects, semiotic binary opposition, temporality category, trivial linguistic worldview.*

Законь природы обуславливають противостояние теплогo времени года холодному. Древние славяне условно делили год на два временных отрезка: «плодотворной растительности и бесплодного отдыха природы, соответствующие отвлеченным понятиям лета и зимы, жары и хо-

лода, света и мрака, добра и зла, жизни и смерти: «Кто два супостата борются? – Смерть и живот» [Шеппинг 1997: 114]. Противопоставление «зима–весна» сближается тесно с широкой в смысловом плане оппозицией «жизнь–смерть». Идея жизни у славян связывалась с пробуждением природы, которая возрождается и умирает согласно сезонным циклам, соответственно с жизнью связывался первый член оппозиции, со смертью – второй. В широком понимании эта оппозиция – противопоставление временного периода от зимнего солнцеворота, который заканчивается полевыми уборочными работами, периоду умирания природы и завершения сельскохозяйственных работ [Иванов, Топоров 1965: 120]. Следовательно, весна и лето, осень и зима объединяются здесь попарно в два антонимичных цикла.

Зима для крестьян – время отдыха, гуляний и подготовки к весенне-полевым работам. С приходом весны, тепла начинался активный труд, способствовавший впоследствии безбедной и хлебосольной жизни зимой, а также обрядовые праздники, ритуалы, без которых многие племена, населяющие Землю, не могли (а в некоторых культурах и по сей день не могут) обойтись. Первобытный человек, находясь вдали от истинных причин явлений, пребывал в неведении и верил: чтобы пробудить силы природы, с которыми так тесно связана его жизнь (а порой и зависит, как он полагал), необходимо подражать им, поскольку эти действия повторят более могущественные силы. И на ужасающие первобытного человека процессы он взирал со страхом до тех пор, пока не осознал закономерности в их повторении [Фрэзер 1983: 303–304]. Год как философско-временная категория всегда подразумевает цикличность. Это отрезок времени, который имеет начало и конец. «И в конце определенного цикла и в начале следующего цикла совершается ряд ритуалов, связанных с обновлением мира» [Элиаде 2010: 51]. Это обновление словно заново творит мир по космогонической модели.

Лексико-семантический анализ отобранных единиц русских говоров Красноярского края позволяет условно выделить несколько тематических блоков, в которые входят лексемы, ярко иллюстрирующие оппозицию «весна–зима» в говорах Красноярского края:

- обобщенное противопоставление, обозначающее конкретную темпоральность;
- названия праздников и обрядов;
- символы (животные, растения, явления природы);
- атрибуты, необходимые / характерные для того или иного времени года;
- темпоральные постройки;
- связь с домашними, сельскохозяйственными работами, промыслами.

Остановимся на частной реализации обобщенного противопоставления и рассмотрим темпоральных символов.

Обобщенное противопоставление реализуется в основном с помощью наречных форм и означает принадлежность к определенному периоду года, начало года.

Весна: *веснУсь* – нареч. *прошлой весной* (Словарь говоров центральных районов Красноярского края, далее – СЦГ), *вЁснУсь* – 1. *прошлой, минувшей весной* 2. *в прошлом году* (Словарь говоров северных районов Красноярского края – далее ССГ), *вЁснУсь* – *прошлой, минувшей весной* (СЦГ; Словарь говоров южных районов Красноярского края, далее – СЮГ), *первовесЕнье* – *начало весны* (СЮГ).

Зима: *зИмУсь* – нареч. *прошлой зимой* (ССГ, СЦГ, СЮГ), *зимУся* – *прошлой зимой* (ССГ).

По своей морфемной структуре практически все оппозиции абсолютно идентичны друг другу и образованы от легко вычленимых апеллятивных основ с характерным значением противопоставления. Интересно, что в северных районах *вЁснУсь* – полисемантическая лексема, во втором значении на-

зывающая период прошлого года вообще. Это еще раз указывает на то, что первый член оппозиции маркирован положительно и отсчет хозяйственного года в народном календаре (а в средние века и календарного) славяне вели с весны [Славянские древности Т.1 1995: 348]. Лексема *первовесЕнье* также указывает на данный факт. Необходимо было подчеркнуть важность начала (*перво-*), хотя явления природы еще указывали на зиму (*По численнику первовесенье, а по погоде зима еще, весной не пахнет. П-Х.*), и показать необходимость начала в связи с этим весенне-летних работ: *Первовесенье, дак сидеть некогда, работы хватает. П-Х.*

Поскольку старожилы ориентировались не только на календарь, но и на приметы, так как каждый следующий год мог отличаться от предыдущего года (весна или зима могли наступить по календарю раньше или позже), у каждого временного периода были свои **знамения, характерные черты, символы**, которые необходимо было обозначить в языке. В каждой культуре символы могут как дублироваться, так и отличаться, как отличаются и климатические условия, в которых проживает этнос. В говорах Красноярского края нам встретились следующие именованья, относимые к данной лексико-семантической группе и воплощающие первый член оппозиции **весна: белобрЮшка** – ласточка (СЦГ), **вергУлька** – подснежник (СЦГ), **капЁж** – капель, **оттепель** (СЦГ), **потОпа** – весеннее половодье (СЦГ, ССГ), **вЕтреница** – подснежник (ССГ), **большевОдье, большАя вода** – весенний разлив рек (СЮГ). Сталкиваемся с символом весны в образе птицы – ласточкой, *белобрЮшкой*: морфема *бел-* указывает на чистоту и невинность этого образа, связывается с небом, что также может быть соотнесено с оппозицией **белый–темный** (или в широком плане – **сакральный–мирской**). В сознании старожиллов птицы, прилетающие из теплых краев, связывались с раем (вырием), которые его словно «отмыкают»

[Афанасьев 1988: 441; Иванов, Топоров, 1965: 129; Потебня 1877: 35]. В этом случае, как отмечают исследователи, прослеживается также связь с оппозицией *«верх–низ» («небо–земля»)*, где птицы как символы весны ассоциируются с мотивом мирового дерева и его вершиной – вырием, где пребывают птицы и души человеческие. В народе ласточку издавнеле называли «святою, божьею птицею, а у чехов – птицею Девы Марии» и верили в то, что в дом, где она поселяется, приносит с собой удачу и защищает его от пожаров [Афанасьев 1988: 439]: *Белобрюшки кажну весну под нашей крышей гнездо вьют. Счас у них уже птенчики, должно, есь. Ишь, разлетались.* Дв.: Овс. (СЦГ).

Вестниками весны, конечно же, были и распускающиеся, пробуждающиеся от зимнего сна подснежники. Весьма очевидным в семантическом отношении представляется именование *вЕтреница*: *«Название анемонов, т. е. ветрениц, дано от греческого слова άνεμος – ветер, потому что у многих цветочные покровы так слабо держатся, что осыпаются от дуновения ветра»* [ЭСБЕ Т.I А 1890: 777]; встретилось весьма любопытное их именование в центральных говорах Красноярского края – *вергУльки*. Вероятнее всего, это фонетическое искажение лексемы *ургУльки*, произошедшее от забайкальского апеллята *ургУй*: *«растение прострел» в.-сиб., нерч. (Селищев 1968: 375; Цом. Ист. Хр. 2/1: 74), «растение подснежный лютик Апетона daurica» ирк. (Даль 4: 507), ургУй, ургУльки мн. «подснежник» прибайк. (Прибайк. сл. 4: 95), ургУль, ургУльник «растение прострел» амур. (Приамур. сл.:311) // Из бур. *ургуй «подснежник, прострел» (с сохранением конечного –ий) ~ бур. ургы то же, ургылиг «богатый подснежниками» далее к монг. Яргуй, п.-монг. Irayui «подснежник» (Фасмер 4: 167; Рас. 1982: 60, 63, 124; Ан. ЛФСЯС 1987: 117)» [Аникин 2000: 589].*

На примере лексики говоров видим, что маркируются, как правило, первые / последние признаки весны / зимы, поскольку именно они были наиболее значимыми для начала / завершения хозяйственной деятельности человека. Так, *капЁж* означает начало капели: *В конце зимы, в начале весны, начинается капёж. Снег тает, и с крыши капает. Ем.: Шил. (СЦГ)*. Дериват образован от легко вычлняемой основы с добавлением непродуктивного суффикса -ёж. Ещё один признак весны – это разливы рек, повторяющиеся из года в год и указывающие на цикличность явления: *Весной, когда снег растаивает, то прибыль воды все источники заливают, особенно большая вода – это троицкая. Ш. (СЮГ)*. *БольшАя вода* или *большевОдье, потОпа* – так именовали старожилы это явление. Морфема *больш-* подчеркивает обилие явления, указывая на важность его именованя в связи с опасностью, которую оно таит.

С *зимой* же в говорах связаны следующие лексемы-символы: *блудЯга* – медведь, который не лёг на зиму в берлогу (СЦГ), *зимнО* – нареч. холодно (СЦГ, СЮГ), *отЗИмка*, *отЗИмье* – резкое похолодание, мороз со снегопадом весной после длительного тепла (СЦГ), *пАдера* – сильный осенний или (чаще) зимний ветер, несущий пыль, снег (СЦГ, ССГ, СЮГ), *зИмник1* – первый снег (СЮГ), *первозИмье* – установившийся зимний путь, первопуток (СЮГ).

Устойчивых образов-символов, связанных с зимой (в отличие от весны), мы не встретили в говорах, поскольку это отрицательно маркированный член оппозиции [Иванов, Топоров 1965: 129]. Пробуждение медведя в славянских представлениях связывалось с пробуждением весны: *«У вост. славян считается, что М. (медведь. – прим. автора) ложится в берлогу на Воздвижение (14.IX); среди зимы, на Ксению-полузимницу (24.1) или на Спиридона-солнцеворота (12. XII) он поворачивается в берлоге на другой бок, а встает –*

на *Благовещение (25.III)* или *Васильев день (12.IV)*» [Славянские древности Т.3 2004: 213]. Однако в говорах бытует нетипичный вариант лексемы, соотносимый с зимним временем года, – *блудЯга*: *Блудяга-то попадёт, ничё и охотник, и ученик оробеет. Он злой, как жиру не находит за лето, так и в берлогу не ложится. Тс.: Бек. (СЦГ)*. Встреча с ним сулит опасность любому. В корне именованного (блуд-) заложено значение скитания в поисках еды, добавленный суффикс -яг- придает окраску сочувствия или оттенок презрения.

Представления старожилов о погодных условиях складываются из целого комплекса оценок: температурного режима (*зимнО* – характерная лексема для юга и центральных районов края, однако не встретившаяся нам среди корпуса лексических единиц севера, поскольку там эти температуры воспринимались гораздо привычнее, нежели в более южных районах); названия ветров и т. п. Поскольку место обитания субэтноса – территория несколько неустойчивая в климатическом отношении, не всегда, как отмечалось выше, человек мог ориентироваться только по календарю. И среди весны могла вновь вернуться зима, с чем и связаны такие лексемы, как *отзИмка*, *отзИмье* (в приставке *от-* реализуется значение явления, подобного тому, что названо исходным словом, но происходящее после него), *пАдера* («*пáдера пáдора «буря с дождем и снегом», новгор., псковск., арханг., перм., сиб. (Даль), падарь ж. «зимнее ненастье». От па- и дереу (Брандт, РФВ 21, 216)*» [Фасмер Т.3 1987: 183]). Как и в случае с явлениями весны, зимой тоже необходимо было номинировать все первое: первый снег (*зИмник*), первый возможный путь по снегу (*первозИмье* – в морфемном составе самой лексемы отражено значение *первый*).

Таким образом, на уровне оппозиционного деления «*весна–зима*» проявляется теснейшая связь дериватов с верованиями славян, а также обусловленный этим синкретизм

социальной сферы и цикличных темпоральных изменений в природе. Довольно обширный пласт бытующих в говорах Красноярского края лексем составляют именованья с корнями, указывающими на сезонную принадлежность, что позволяет говорить о важности таковых явлений для человека и зависимости от них условий жизни, труда, предметов, окружающих старожиллов и отражающих наивные представления человека о мире (наивную картину мира).

Библиографический список

1. Аникин А.Е. Этимологический словарь русских диалектов Сибири: Заимствования из уральских, алтайских и палеоазиатских языков. Москва; Новосибирск: Наука, 2000. 768 с.
2. Афанасьев А.Н. Живая вода и вещее слово. М.: Сов. Россия, 1988. 512 с.
3. Иванов Вяч. В., Топоров В.Н. Славянские языковые моделирующие семиотические системы. М., 1965.
4. Потехня А.А. Малорусская народная песня по списку XVI века. Текст и примечания. Воронеж, 1877. 53 с. (из «Филол. зап.», вып. II за 1877 г.).
5. Славянские древности: этнолингвистический словарь: в 5 т. / под ред. Н.И. Толстого. М.: Международные отношения, 1995–2009. Т. 1–4.
6. Словарь русских говоров северных районов Красноярского края. Красноярск: Изд-во КГПИ, 1992. 348 с.
7. Словарь русских говоров центральных районов Красноярского края: в 5 т. Красноярск: РИО КГПУ, 2003–2011.
8. Словарь русских говоров южных районов Красноярского края. 2-е изд., перераб. и доп. Красноярск: Изд-во Краснояр. ун-та, 1988. 488 с.
9. Словарь русских народных говоров. Масленичек–Мутрасливый. Ленинград: Наука, 1982. Вып. 18. 368 с.
10. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т.: пер. с нем. 2-е изд., стереотип. М.: Прогресс, 1987. Т. 3.
11. Фрэзер Дж. Дж. Золотая ветвь: исследование магии и религии. 2-е изд. М.: Политиздат, 1983. 703 с.

12. Шеппинг Д.О. Мифы славянского язычества. М.: ТЕРРА, 1997. 240 с.
13. Элиаде М. Аспекты мифа. 4-е изд. М.: Академический Проект, 2010. 251 с.
14. Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. СПб., 1890–1907.

Д.В. Тихонова

*Красноярский государственный педагогический
университет им. В.П. Астафьева*

ВЛИЯНИЕ КЛИМАТА И ВНЕШНЕЙ СРЕДЫ НА РЕЧЕВЫЕ СИТУАЦИИ

Статья поднимает проблему междисциплинарного подхода в филологии. Автор выдвигает гипотезу о влиянии климата на различные речевые ситуации. Приводятся примеры проведенных исследований подобной темы, а также обосновывается необходимость дальнейшего исследования вопроса.

Речевые ситуации, климат, междисциплинарный подход, филология, стереотип.

D.V. Tikhonova

*Krasnoyarsk State Pedagogical
University named after V.P. Astafiev*

CLIMATE AND OUTSIDE ENVIRONMENT INFLUENCE ON THE SPEECH SITUATIONS

The article is about a problem of cross-disciplinary approach in philology, the author makes a hypothesis of climate influence on various speech situations. In the article examples of past researches about similar subject are given, and also the need of a further research of a question is proved.

Speech situations, climate, interdisciplinary approach, philology, stereotype.

Наука – это прогрессивный взгляд на вещи. Наука всегда имеет дело с анализом прошлых фактов, настоящих явлений и возможностью делать какие-либо прогнозы относительно развития объекта. Цель статьи – желание зая-

вить о необходимости междисциплинарного подхода к изучению филологических проблем, а также знакомство читателей с гипотезой нашего исследования, начатого в 2015 г. в рамках написания магистерской диссертации по языкознанию. Известный российский исследователь, филолог, Константин Анатольевич Богданов считает, что филологам нужно заниматься демифологизацией тех стереотипов, тех штампов, которые определяют общественное сознание. «Если разговор начинается со стереотипов, то никаких подвижек не будет. От стереотипов надо отказаться. И помощь в этом – то небольшое, что действительно может сделать филология. Как в естественнонаучной лабораторной практике, где условием любого хорошего эксперимента должна быть перепроверка исходного этапа этого эксперимента, в социальной сфере должна быть перепроверка тех суждений, на которых основаны дальнейшие умозаключения» [Богданов 2010: электронный ресурс]. Эта мысль кажется современной, актуальной и требующей нашего внимания.

В последнее время ученые и исследователи из разных областей знания всё чаще сталкиваются с необходимостью междисциплинарного подхода к изучению того или иного аспекта или предмета. Ведущие российские и зарубежные ученые открывают возможности интегративного подхода, подхода на стыке двух и более наук. Ведь все компоненты мира находятся в тесной взаимосвязи, наряду с процессами индивидуализации идет и глобализация. Так и филология озадачена изучением разных аспектов, факторов, влияющих на функционирование языка, на процесс его изменения.

Автор статьи считает необходимым рассматривать и языковые явления, процессы с точки зрения междисциплинарного подхода. Известный филолог Николай Федорович Алефиренко отмечает важность внешних и внутрис-

темных связей языковых явлений. Внешние связи языка обнаруживаются в его взаимодействии с внеязыковыми явлениями. Такая связь во многом определяет характер развития [Алефиренко 2005].

В 2015 г. нами начато исследование, в рамках которого выдвигается основная гипотеза: климат и внешняя среда могут оказывать влияние на речевые ситуации. Гипотеза появилась после неоднократных наблюдений – южные народы с мягким, теплым климатом, более открыты в разговоре, больше жестикулируют, что также является следствием чувства большей свободы при общении. Представители же сурового климата намного более сдержанны, они чаще «угукают», «агакают», даже не открывая при этом рта, соглашаясь с чем-то или что-то отрицая. Другими словами, часто используют минимум языковых средств, в то время как представители теплого климата готовы использовать многообразную палитру языка. В рамках исследования планируется сравнить влияние климата на речевые ситуации в русском и испанском языках. Мы сравниваем аспекты русского языка как представителя сурового климата и испанского как языка, на котором говорят жители юга. Любопытно, что подобные наблюдения делали и писатели с мировым именем, например Эрнест Хемингуэй, неоднократно путешествовавший по Испании и очень любивший эту страну и ее жителей.

Кроме того, проблеме взаимодействия климата и речи посвящены исследования американских ученых из Университета Майами Калеба Эверетта, Дамиана Блази, Шона Робертса, которые изучали влияние внешней среды на языки и заключили, что предположительно внешняя среда, когнитивные и биологические факторы влияют на невообразимое разнообразие языков мира и отражают его. А также лингвисты пришли к выводу, что для того, чтобы на самом деле

понять язык, мы должны принимать во внимание то, как на него влияют и как он влияет на другие сферы нашей жизни [Эверетт 2015].

В России этой проблемой тоже занимаются. Есть исследования и выводы российского филолога, доктора филологических наук, ведущего научного сотрудника Института русской литературы РАН К.А. Богданова, который участвовал в проекте «Новые направления в гуманитарных исследованиях», а предметом его научных изысканий был климат с его культурным значением. Другими словами, то, как на культуру народа может влиять климат, а язык, безусловно, входит в понятие «культура». В работах К.А. Богданов говорит об «окультуривании климата», о том, как и почему мы разные в зависимости от климата и внешней среды. По мнению филолога, «понятия “климат”, “ландшафт”, “география” очень важны для понимания, кто мы вообще такие, в какой мере мы особенные, отличные от других».

Понятие климата идет через весь XX в. и было востребовано еще в XVIII в., когда в западной историографии ставились вопросы, что такое Россия, кто такие русские и как с ними себя вести. И Монтескье, и Дидро, и всевозможные просветители от Вальтера и дальше пытались определить специфику России через климат. Екатерина II даже включила статью Монтескье о климате в наказ, который во многом стал законодательной базой последующих юридических и конституционных текстов. Для Монтескье Россия была страной дикого холода, страной, где, кроме медведей, мало кто живет. При этом он, пытаясь «подпевать» русской императрице и говорить ей только хорошие вещи, делал из этого позитивные выводы. Холод определяет храбрость, стойкость, верность и другие политические добродетели.

Сложно спорить с тем, что в современном мире на новый уровень вышли международные взаимоотношения. Это каса-

ется как деловой и бизнес-среды (работа в межнациональном коллективе, в международной компании, ведение бизнеса с иностранными партнерами), так и просто личных взаимоотношений (друзья-иностранцы, межнациональные браки). Поэтому актуальность темы обусловлена необходимостью понимания различного поведения представителей разных культур, интересом описания поведения носителей разных иностранных языков и малой изученностью проблемы.

Результаты исследования и полученные данные найдут практическое применение. Полученные в результате исследования материалы можно использовать для специальных курсов по межкультурной коммуникации, могут быть введены в программу лингвострановедения, в преподавание испанского языка и русского языка как иностранного, что несомненно обогатит дисциплины иностранного языка и делает кругозор студентов шире.

Библиографический список

1. Алефиренко Н.Ф. Современные проблемы науки о языке: учебное пособие. М.: Флинта, Наука, 2005. 412 с.
2. Звегинцев В.А. Мысли о лингвистике. М.: Изд-во МГУ, 1996. 336 с.
3. Калёб Э. Окружающая среда определяет развитие языка [Электронный ресурс] // Постнаука. 2015. URL: <http://postnauka.ru/faq/43263>
4. Климат и особенности местности влияют на звучание языка [Электронный ресурс] // Научная Россия. 2015. URL: <http://scientificrussia.ru/articles/klimat-i-iazyk>
5. Лингвисты доказали влияние климата на язык [Электронный ресурс] // КиевСМИ. 2016. URL: <https://kievsmi.net/novosti/science/264490-lingvisty-dokazali-vliyanie-klimata-na-yazyk.html>
6. Маслова В.А. Лингвокультурология: учебное пособие для студ. высш. учеб. заведений. М.: Академия, 2001. 208 с.
7. Мельникова А.А. Язык и национальный характер: учебное пособие. СПб.: Речь, 2003. 320 с.

С.В. Ускова, Е.А. Чиждова
*Сибирский государственный аэрокосмический
университет им. акад. М.Ф. Решетнёва*

ПРЕДСТАВЛЕНИЕ О СОЦИАЛЬНОМ ПОСТУПКЕ В МОЛОДЁЖНОЙ СРЕДЕ

Цель статьи – изучение представления о социальном поступке в молодёжной среде. Уникальность данной статьи состоит в междисциплинарном подходе к проблеме социальной активности молодёжи. Наряду с семантикой социального поступка изучается роль личности в социальных изменениях.

Семантика, социальный поступок, социальные изменения, ценностные установки.

S.V. Uskova, E.A. Chizhova
*Siberian State Aerospace University
named after Academician M.F. Reshetnev*

THE IDEA OF A SOCIAL ACT AMONG YOUTH

The article aims to study representations of the social act of the youth. The uniqueness of this article – an interdisciplinary approach to the problem of youth social activity. Along with the semantics of social action examines the role of the individual in social change.

Semantics, social action, social change, values.

Поступок является важным элементом русской культуры. Представление о нем рассматривается нами как концептуальное, отражающее устойчивый пласт русской языковой картины мира. Об актуальности данного концепта говорят работы, посвященные ему в различных областях науки: философии (М.М. Бахтин, Г.М. Сафина); психологии (А.Н. Леонтьев); лингвистике (Ф. Фичи Джусти, С.Л. Сахно, Л.А. Бушуева); литературоведении (М.Ю. Лотман, Н.В. Бубырь и др.).

В работе предпринята попытка комплексного изучения поступка с применением лингвистических и социологических методов исследования.

Рассматривая поступок как языковое явление, мы описываем слово «поступок» в качестве ядерного компонента, семантического предиката, вокруг которого группируются семантические валентности:

1) субъект – 2) мотив совершения поступка – 3) акциональная составляющая (описание события, определяемого как поступок) – 4) экспликация нарушения нормы (поступок является преодолением нормативной границы в поведении, своем или общественном) – 5) оценка (положительная или отрицательная) – 6) социальные и персональные последствия / результат [Ускова 2011]. Приведем пример.

*Дмитрий Песков назвал геройским **поступок** офицера полиции Магомеда Нурбагандова, который перед гибелью от рук боевиков призвал продолжать борьбу с радикалами.*

Напомним, Нурбагандов погиб при нападении боевиков 10 июля возле села Сергокала. Один из бандитов, направив на полицейского пистолет, пытался заставить его выступить на камеру с призывом не работать в правоохранительных органах. В ответ полицейский заявил: «Работайте, братья».

В данном тексте реализованы следующие валентности:

– субъект действия: Магомед Нурбагандов;

– акциональная часть: *погиб при нападении боевиков 10 июля возле села Сергокала. Один из бандитов, направив на полицейского пистолет, пытался заставить его выступить на камеру с призывом не работать в правоохранительных органах. В ответ полицейский заявил: «Работайте, братья»;*

– оценка совершенного действия как поступка: *Дмитрий Песков назвал геройским поступок;*

– оценка поступка: *Дмитрий Песков назвал **геройским поступок** офицера полиции Магомеда Нурбагандова;*

– результат: 1) *погиб при нападении боевиков 10 июня* (результат); 2) *готовят представление о награждении Магомед Нурбагандова*. Кроме того, руководство МВД решило встретиться с членами семьи погибшего офицера и поблагодарить их за то, что воспитали достойного сына (социальные последствия).

В социологии поступок как оцениваемое действие рассматривается крайне редко. В основном изучается само действие: его цель, объект действия и степень осознания [Аберкромби, Хилл, Тернер 1999: 65]. Структура поступка, по мнению Толкотт Парсонса, следующая: деятель, цели деятеля, его ожидания и ценности, средства достижения целей, характер ситуации и понимание данной ситуации деятелем. Тогда как Дж. Г. Мид определил только три элемента действия: импульс, определение ситуации и осуществление, т. е. в его схеме отсутствуют субъект действия и последствия действия (даже рефлексивные). Чуть позже Альфред Шюц описал ключ к интерпретации действия, где отметил ведущую роль рефлексии любого человеческого опыта. По его мнению, действие (поступок) не имеет смысла без его осознания в прошлом или будущем времени. Особенно важна рефлексия в «совершенном будущем времени», т. е. можно рефлексировать по поводу будущих действий так, словно они были совершены в прошлом [Аберкромби, Хилл, Тернер 1999: 66]. Данная рефлексия дополняет основной мотив и цель действия, которые и определяют импульс действия. На импульс действия влияет также наличие или отсутствие определённой нормы (ожидания) действия. Наличие определённой нормы структурирует социальную деятельность, делает действие более эффективным и наделяет его в большей или меньшей степени автоматизмом (уменьшает степень рефлексии). В повседневной жизни мы то и дело совершаем множество элементарных актов социального вза-

имодействия, даже не подозревая о том: говорим приветствие (прощаемся), платим за проезд, оплачиваем покупки, пропускаем вперед женщин, детей и пожилых людей. Все это – акты социального взаимодействия, основанные на общепринятых нормах. Такие действия поступками в филологическом смысле назвать трудно: они не сопровождаются значительными волевыми усилиями, осмыслением цели и её последствий. Например, подарить цветы женщине в современном российском обществе является нормой (взаимодействующие стороны ожидают подобных действий: одна сторона дарит цветы, другая принимает и благодарит). Если мы изменим возраст и статус субъектов действия и рассмотрим деятелей в возрасте от 12 до 16 лет, то в данной социальной среде подарить цветы не является нормой и данное действие может оцениваться как поступок.

Таким образом, набор семантических валентностей слова *поступок* коррелирует с социологической структурой поступка (действия):

- 1) субъект – деятель;
- 2) мотив совершения поступка – импульс действия, состоящий из мотива, ценностей, цели, осознания на основе рефлексии, ожидания от социального взаимодействия;
- 3) акциональная составляющая – определение ситуации, средства достижения целей, осуществление действия, понимание данной ситуации деятелем;
- 4) экспликация нарушения нормы – отсутствует;
- 5) социальные и персональные последствия – осознание действия деятелем посредством рефлексии, оценка действия со стороны других (социума), социальное нормирование.

Далее с целью выявить понимание (образ) социального поступка у учащейся молодежи на примере студентов СибГАУ в октябре 2016 г. было проведено разведывательное социологическое исследование методом ассоциативно-

го ряда. В исследовании использовалась выборка доступных случаев, количество опрошенных: 18 студентов III курса института социального инжиниринга.

Полученные ассоциации на слово «по поступок» были сгруппированы по элементам структуры поступка: деятель, импульс действия, определение ситуации, социальные и персональные последствия. В результате были получены следующие группы ассоциаций:

- импульс действия (всего 2 ассоциации): желание;
- определение ситуации (всего 61 ассоциация): действие (19), деяние (8), решение (7), движение (5), последствие (2), восприятие (2), шаг, ответственность, внимание, помощь, выполнение, волнение, демонстрация, выражение, уверенность;
- социальные и персональные последствия (всего 20 ассоциаций): человечность (4), подвиг (2), хорошие манеры, благородство, храбрость, милосердие, гуманность, справедливость, толерантность.

Отдельно можно выделить эмоциональное сопровождение ситуации (всего 13 ассоциаций): чувства (2), радость (2), уважение (2), доброта, ощущения, любовь, ненависть, злость, сила воли (2).

Следует отметить, что в скобках указано количество повторяющихся ассоциаций.

Итак, сравнивая лингвистическую и социологическую модели поступка, можно сделать вывод о том, что они практически идентичны. Однако следует отметить, что в образе поступка, по мнению студентов, отсутствует субъект (деятель), а результат (последствие поступка) представлен только эмоциональной оценкой. Кроме того, образ поступка, по мнению студенческой молодежи, в большей степени несёт положительную окраску, т. е. студенты понимают в качестве поступка социально одобряемое действие, для реа-

лизации которого необходимы преодоление эгоцентризма, сила воли и принятие последствий данного действия.

Библиографический список

1. Аберкромби Н., Хилл С., Тернер Б. С. Социологический словарь: пер. с англ.; под ред. С.А. Ерофеева. М.: Экономика, 1999. 428 с.
2. Бахтин М.М. К философии поступка // Философия и социология науки и техники: ежегодник. 1984–1985. М.: Наука, 1986. С. 80–160.
3. Бубырь Н.В. Слово и поступок: к поэтике русского рока // Литературоведческий сборник. Донецк: Донецкий национальный университет, 2006. Вып. 26–27. С. 77–85.
4. Бушуева Л.А. Имена поступков и связанные с ними оценки в русском и английском языках // Вестник Саратовского государственного технического университета. 2006. № 2. С. 143–147.
5. Джустини Фичи Ф. «Действие» в русском и итальянском языках // Логический анализ языка. Модели действия. М.: Наука, 1992. С. 135–138.
6. Леонтьев Д.А. К психологии поступка // Экзистенциальная традиция: Философия, Психология, Психотерапия. URL: <http://www.existradi.ru>
7. Лотман Ю.М. Декабрист в повседневной жизни // В школе поэтического слова: Пушкин. Лермонтов. Гоголь. М.: Промсвещение, 1988. С. 158–205.
8. Сафина Г.М. Поступок как основа нравственного выбора в народной философии: опыт регионального исследования // Регионоведение. 2010. № 1. URL: <http://regionsar.ru>
9. Сахно С.Л. Действие в контексте естественного языка // Логический анализ языка. Модели действия. М.: Наука, 1992. С. 90–96.
10. Ускова С.В. Семантическая модель совершения поступка в русском языке // Вестник Красноярского государственного педагогического университета им. В.П. Астафьева. Гуманитарные и естественные науки. 2011. № 3 (17), т. 2. Краснояр. гос. пед. ун-т им. В.П. Астафьева. Красноярск, 2011. С. 109–113.

Е.В. Устьянцева

*Красноярский государственный педагогический
университет им. В.П. Астафьева*

**ИЗУЧЕНИЕ БАЗОВЫХ ЦЕННОСТЕЙ
ЖИТЕЛЕЙ ПРИЕНИСЕЙСКОЙ СИБИРИ
НА МАТЕРИАЛЕ АССОЦИАТИВНЫХ СЛОВАРЕЙ***

В статье рассматривается слово-образ «хлеб» как одна из базовых единиц языкового сознания сибиряков на материале Электронного ассоциативного словаря Приенисейской Сибири.

Ассоциативное поле, хлеб, лексическое значение, психолингвистическое значение.

E.V. Ustyantseva

*Krasnoyarsk State Pedagogical
University named after V.P. Astafiev*

**STUDYING OF BASIC VALUES OF RESIDENTS
OF PRIYENISEYSKY SIBERIA ON MATERIAL OF
ASSOCIATIVE DICTIONARIES**

In article the word image «bread» as one of basic units of language consciousness of Siberians on material of the Electronic associative dictionary of Priyeniseysky Siberia is considered.

Associative field, bread, lexical meaning, psycholinguistic value.

Базовые ценности общества формируются исходя из целей и задач, которые стоят перед ним в определенный исторический период и отображают фундаментальные общественные потребности, сменяющие друг друга в социально-историческом времени и пространстве. Ценности определяют мотивацию, норму и цель поведения. Они реализуются в том числе на уровне сознания и языка [Васильева 2015: 214].

Одной из базовых ценностей русского народа во все времена являлся хлеб, без которого не мыслится ни одно за-

* Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ и Красноярского краевого фонда поддержки научной и научно-технической деятельности. Проект «Базовые ценности регионального языкового сознания русских Приенисейской Сибири» № 16-14-24003.

столье. «За хлебом все добро» – гласит старинная русская поговорка, что свидетельствует о нравственной ценности хлеба и благодарной памяти человека.

Одним из методов изучения базовых ценностей является ассоциативный эксперимент. Ранее нами интерпретировались результаты свободного ассоциативного эксперимента [Устьянцева 2015: 249], проведенного с целью выявления возможности расхождения между психологической реальностью слова «хлеб» для носителей языка и представлением содержания данного слова в словарной статье на основе сопоставления данных ассоциативного эксперимента со словарями ассоциативных норм XX и XXI вв. Анкетирование проводилось в городе Сосновоборске Красноярского края в 2014 г. среди учащихся школ № 3 и 4, их педагогов и медицинских работников города. Количество испытуемых составило 163 человека в возрасте от 11 до 63 лет. Особое внимание обращает на себя тот факт, что возраст большинства респондентов – младше 18 лет.

Анализ полученных в результате ассоциативного эксперимента данных показал, что все значения слова «хлеб», зафиксированные в современных толковых словарях, нашли отражение в языковом сознании респондентов. Также нами были выявлены новые смыслы, позволяющие говорить о развитии семантической структуры слова «хлеб»: хлеб – нечто положительное с точки зрения нравственности (добро, святость, теплота, нежность, хорошо); хлеб – то, что способно приносить облегчение кому-либо в самые трудные минуты жизни (голод, карточки, Ленинград, история); хлеб – это национальное достояние, то, что переходит от одного поколения к другому и имеет высокую ценность (народ, русские, традиция); хлеб – семейная ценность, объединяющая близких родственников (детство, воспитание, семья, дом); хлеб – пищевой продукт, который при употреблении с другими, преимущественно жидкими, пищевыми про-

дуктами и блюдами создает специфические вкусовые ощущения (суп, колбаса, квас, молоко, сгущенка, сметана).

Сравнив набор ассоциаций ядерной зоны ассоциативного поля «хлеб» с реакциями, представленными в ассоциативных словарях XX и XXI вв., мы пришли к выводу, что в них отражено разное отношение информантов к образу хлеба. Первые позиции в «Словаре ассоциативных норм русского языка» (САНРЯ) занимают реакции «белый» и «вкусно», в «Русском ассоциативном тезаурусе» (РАТ) – «белый», «мягкий» и «вкусный», а по результатам нашего ассоциативного эксперимента и в «Электронном ассоциативном словаре Приенисейской Сибири» (ЭАСПС) самой частотной оказалась реакция «еда». Во всех упомянутых реакциях реализовано основное лексическое значение слова «хлеб», однако восприятие образа хлеба все-таки разное. «Хлеб белый, вкусный, мягкий» – говорится как о любимом, значимом продукте питания, чувствуется положительное отношение к представленному образу. И «хлеб – еда» – сказано как о ежедневной пище; эмоционально-оценочная составляющая никак не выражена. Такая разница объясняется нами, во-первых, большим временным интервалом между ассоциативными экспериментами, результаты которых отражены в ассоциативных словарях, во-вторых, разным возрастным составом респондентов, в-третьих, мы предположили, что возможно иное отношение к хлебу у жителей Приенисейской Сибири.

Цель данного фрагмента исследования – сравнить ассоциативные поля «хлеб», составленные в результате разных ассоциативных экспериментов, проведенных на территории Приенисейской Сибири, по возрастному аспекту и территориальному признаку.

Итак, для сравнения возьмем результаты свободного ассоциативного эксперимента, полученные нами в 2014 г., и результаты проведенного красноярскими учеными массового ассоциативного эксперимента, зафиксированные

в ЭАСПС 2013–2016 гг. Стоит упомянуть, что ЭАСПС систематически пополняется новыми реакциями на определенный стимул, что позволяет говорить об объективности данных словаря.

Всего реакций на стимул «хлеб» в ЭАСПС – 154. Формальная структура ассоциативного поля представлена 87 существительными, 52 прилагательными, 6 глаголами, 2 наречиями, 1 словосочетанием. Смысловая структура определяется ядром, околядерной и периферийной зонами. Ядро ассоциативного поля «хлеб» составили реакции: еда – 23, соль – 14, белый – 10, чёрный – 8, свидетельствующие о первичном представлении информантов о хлебе как о пищевом продукте.

Околядерная зона представлена следующими реакциями: мука – 7, голова – 6, насущный, ржаной, всему голова – 5, свежий – 4, рожь, масло – 3, мягкий, каравай, есть, вода, пища, зерно, батон, Бородинский, вкусный, чёрствый – 2. В представленных реакциях реализуется не только основное значение слова «хлеб», но и производные: «о самом важном, необходимом для существования кого-, чего-л.», «растение, из зерна которого изготавливается мука и крупа», «зерно, из которого делают муку, идущую на выпечку такого продукта», «пищевой продукт из муки в виде изделия какой-нибудь формы».

Единичные реакции следующие: сеять, хруст, серый, купить, сытый, святое, буханка, невкусный, дорогой, хрустящий, булочная, резать, бутерброд, пропитание, домашний, поле, завтрак, насущность, зрелище, злаки, Бородино, чёрный, вкус, Глеб, Христос, мясо, нужно, вкусно, молоко, сыр, никольский, жизнь, резной, горячий, богатство, фирменный, жевать, крестьянин, булка. Как видим, и в единичных реакциях реализуются значения слова «хлеб», зафиксированные в современных толковых словарях: «пищевой продукт», «растение, из зерна которого изготавли-

вается мука и крупа», «зерно, из которого делают муку, идущую на выпечку такого продукта», «пропитание, иждивение», «о самом важном, необходимом для существования кого-, чего-л.», «пищевой продукт из муки в виде изделия какой-нибудь формы».

В отличие от результатов свободного ассоциативного эксперимента, проведенного в г. Сосновоборске, ассоциативное поле слова «хлеб», представленное в ЭАСПС, не отражает значений «тесто, приготавливаемое для выпечки», «об основном пищевом продукте (какой-л. страны, местности)» (встречается в «Новом словаре русского языка» Т.Ф. Ефремовой), «средство к существованию; заработок» (встречается в «Большом толковом словаре русского языка» С.А. Кузнецова). На наш взгляд, это объясняется тем, что появление тех или иных ассоциативных реакций может быть обусловлено многими факторами, как то: тип сложившейся ситуации; образовательные, профессиональные, возрастные, половые особенности испытуемых; индивидуальный опыт конкретной личности или ее психический статус и т. п.

Обращают на себя внимание некоторые единичные реакции, такие как Глеб, резной, Бородино, Христос. В случае с реакцией «Глеб» наблюдается такой аспект языкового сознания, как план выражения языкового знака, представленный фонетической ассоциацией. Реакция «резной» вместо «нарезной» свидетельствует, скорее всего, о непонимании значения слова, что повлекло за собой нарушение правила лексической сочетаемости. Реакция «Бородино» была вызвана названием сорта хлеба «Бородинский».

Реакцию «Христос» легко объяснить, если вспомнить Новый Завет: «...Я есмь хлеб жизни... Я – хлеб живой, спешший с небес; ядущий хлеб сей будет жить во век» [Православный календарь].

Таким образом, новых смыслов, не соотносимых ни с одним значением слова «хлеб», обнаружено не было. Гово-

речь о формировании значения «хлеб – Христос» мы не можем ввиду того, что данная реакция была единичной.

Сравнив набор ассоциаций ядерной зоны ассоциативного поля «хлеб» (2014) с реакциями ядерной зоны в ЭАСПС (2013 – 2016), можно увидеть, что первую позицию занимает ассоциация «еда», в которой реализовано основное лексическое значение слова. Ядерная зона ассоциативного поля «хлеб» (2014) представлена также реакциями, в которых реализованы и другие значения слова: «растение, из зерна которого изготавливаются мука и крупа», «зерно, из которого делают муку, идущую на выпечку такого продукта», «о самом важном, необходимом для существования кого-, чего-л.».

Ядерная зона реакций на стимул «хлеб» в сравнении

Реакции на стимул «хлеб» по ассоциативному эксперименту, %	% в ЭАСПС
Еда – 16	Еда – 15
Вкусный – 7	Соль – 9
Пшеница – 5	Белый – 6
Мягкий – 4,5	Чёрный – 5
Пшено – 3,3	
Белый – 2,7	
Мука, корочка, суп – 2,5	
Поле, всему голова – 2,4	

Рассмотрев атрибутивные сочетания ядерной зоны ассоциативного поля «хлеб» (2014), мы отметили, что наиболее частотной оказалась реакция «вкусный» (7 %), дающая оценку вкусовым свойствам хлеба. На втором месте по частоте употребления находится реакция «мягкий» (4,5 %), на третьем – «белый» (2,7 %), характеризующие хлеб по состоянию и цвету соответственно, в то же время эти реакции дают косвенную оценку и вкусовым свойствам хле-

ба. Так, белый хлеб по вкусу отличается от чёрного, и мягкий хлеб вкуснее чёрствого. Ядерная зона ассоциативного поля «хлеб» в ЭАСПС представлена только двумя атрибутивными сочетаниями – белый (6 %) и чёрный (5 %), характеризующими хлеб только по цвету. Анализ реакций-ассоциаций, в которых нашло отражение основное значение слова «хлеб», показал, что для респондентов моложе 18 лет в приоритете вкусовые свойства хлеба, которым была дана положительная оценка.

Таким образом, в ходе данного фрагмента исследования нами было обнаружено, что в ассоциативном поле слова «хлеб» в ЭАСПС, в отличие от результатов свободного ассоциативного эксперимента, реализованы не все значения слова, представленные в современных толковых словарях; также отсутствуют новые смыслы, что не дает нам права говорить о формировании новых значений слова. Предполагаем, что такое расхождение в результатах исследования объясняется разным возрастным составом респондентов. В массовом ассоциативном эксперименте приняли участие люди от 16 до 100 (условно), при проведении свободного ассоциативного эксперимента возраст большинства респондентов составил до 18 лет. Предметное восприятие у детей, подростков и взрослых людей происходит по-разному.

Библиографический список

1. Васильева С.П. ВЕРА, НАДЕЖДА, ЛЮБОВЬ в языковом сознании сибиряков Приенисейской Сибири // Вестник КГПУ им. В.П. Астафьева. 2015. № 2. С. 214–220.
2. Православный календарь. URL: http://days.pravoslavie.ru/Bible/B_in6.htm (дата обращения: 15.11.2016).
3. Русский ассоциативный тезаурус. URL: <http://thesaurus.ru/dict/dict.php> (дата обращения: 15.11.2016).
4. Словарь ассоциативных норм русского языка / под ред. А.А. Леонтьева. URL: <http://it-claim.ru/Projects/ASIS/Leont/Index.htm> (дата обращения: 15.11.2016).

5. Устьянцева Е.В. Лексикография и психолингвистическое значение слова «хлеб» // Вопросы психолингвистики. 2015. № 4 (26). С. 240–249.
6. Электронный ассоциативный словарь Приенисейской Сибири (ЭАСПС). URL: <http://react.ftn24.ru/statistic> (дата обращения: 15.11.2016).

М.В. Цемина

Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева

ОБУЧЕНИЕ МЛАДШИХ ШКОЛЬНИКОВ ОСНОВАМ РЕЧЕВОГО ЭТИКЕТА НА ЗАНЯТИЯХ «ШКОЛЫ ВЕЖЛИВОСТИ»

В статье представлен опыт обучения младших школьников основам речевого этикета на занятиях «Школы вежливости». Содержится краткое описание занятий для второклассников. Считаем, что решение такой важной задачи школы, как развитие культуры общения учащихся, возможно и с помощью специальных занятий по овладению нормами речевого этикета.

Младшие школьники, речевой этикет, занятия «Школы вежливости», формулы речевого этикета, культура общения.

M.V. Tsemina

Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafiev

TRAINING YOUNGER STUDENTS THE FUNDAMENTALS OF SPEECH ETIQUETTE IN THE CLASSROOM «COURTESY OF THE SCHOOL»

This article presents the experience of teaching younger students the fundamentals of speech etiquette in the classroom «courtesy of the School». It contains a brief description of the activities for the second graders. We believe that the solution of an important school tasks at the present stage of learning, namely the development of culture of students of communication possible, including with the help of special training on mastering norms of speech etiquette.

Junior high school students, the speech etiquette classes «courtesy of the School», the formula of speech etiquette, communication culture.

Искусство быть приятным собеседником помогает человеку в личной жизни и профессиональной деятельности. В основе данного искусства – умение правильно выбирать тему беседы; избегать спорных и запретных тем; уступать и при необходимости менять тему; следить за красотой и правильностью своей речи и т. д.

Проблема эффективности речи особенно важна сегодня, когда растет значение правильного, убедительного слова. Современная школа должна подготовить человека думающего и чувствующего, который не только имеет знания, но и может использовать эти знания в жизни, умеет общаться и обладает внутренней культурой. Цель не в том, чтобы ученик знал как можно больше, а в том, чтобы он умел действовать и решать проблемы в любых ситуациях. Приоритетные средства для этого – культура речи и культура общения. Овладение языком, правильной речью – необходимые условия формирования социально активной личности.

Научиться ясно и грамматически правильно говорить, излагать собственные мысли в свободной творческой интерпретации в устной и письменной форме, уметь выражать свои эмоции разнообразными интонационными средствами, соблюдать речевую культуру и развивать умение общаться необходимо каждому. Поэтому одной из наиболее важных задач школы на современном этапе обучения считается развитие культуры общения учащихся. Отметим, что успешное обучение школьников возможно, безусловно, при специальной подготовке будущих учителей [Зорина 2012: 195].

Обучение речевому этикету в начальной школе – это знакомство школьников младших классов с самыми простыми, элементарными нормами речевого поведения в различных коммуникативных ситуациях: обращение, приветствие и прощание, благодарность и извинение, просьба и приказ, согласие и возражение, поздравление и др.

Анализ действующих программ и учебников для начальной школы показал, что занятий, ориентированных на развитие умений речевого этикета младших школьников, в школе недостаточно. Наблюдения, педагогическая практика доказали, что младшие школьники нуждаются в специальном обучении речевому этикету [Федосов 2015: 52].

С целью выявления актуального уровня владения младшими школьниками речевым этикетом был проведен констатирующий эксперимент в Северо-Енисейской школе № 1 им. Е.С. Белинского во вторых классах. Ученикам были предложены анкеты, позволяющие определить знание и понимание формул речевого этикета младшими школьниками. Результаты показали, что только 10 % детей владеют речевым этикетом на необходимом уровне.

С целью обучения второклассников были разработаны специальные занятия «Школы вежливости». В течение полугода младшие школьники познакомились с основами речевого этикета. Занятия проходили по следующим темам: «Приветствие», «Просьба», «Извинение», «Благодарность», «Комплименты», «Поздравления», «Прощание»; один раз в 2 недели, продолжительностью 40 минут.

На первом занятии младшие школьники познакомились с тем, как нужно приветствовать другого человека. Ученики узнали о том, что в приветствии отражается уровень воспитанности человека, а также о том, что, приветствуя друг друга, люди обычно смотрят в глаза, выражая этим дружелюбие и радость от встречи; отводить взгляд в сторону невежливо. Второклассники повторили формулы приветствия («Привет», «Здравствуйте!») и ситуации, в которых та или иная формула применяется.

На втором занятии рассматривалась ситуация просьбы. Ученики узнали о том, что существует несколько форм просьбы:

а) нейтральная форма (*дай, сделай, принеси, напиши, можно мне* и т. д.);

б) официальная форма (*если вам не трудно, дайте, пожалуйста; могу я попросить вас; разрешите я попрошу у вас...*);

в) неофициальная форма (*сходишь в магазин? починишь телевизор? сходим в кино?*)

На третьем занятии изучалась ситуация извинения. Младшие школьники узнали о том, что воспитанный человек много раз в день произносит слова «простите» и «извините», но делает он это не потому, что совершает так уж много ошибок, за которые обязательно нужно просить прощения. Дело в том, что эти слова могут употребляться и как не несущая особой эмоциональной нагрузки формула вежливости при обращении.

Для обсуждения были представлены следующие выражения:

– часто употребляемые фразы (*извини, извините*);

– со словом «пожалуйста» (*Извини, пожалуйста! Простите меня, пожалуйста!*);

– за какую-либо вину (*Прости... за..; Извини за то, что...*);

– с оттенком официальности (*Приношу свои (глубокие) извинения! Разрешите извиниться (перед вами)! Позвольте просить (у вас) прощения!*).

На четвертом занятии изучалась ситуация благодарности. Младшие школьники повторяли формулы благодарности и варианты ответа на благодарность. Например, отмечалось, что «спасибо» используется в качестве этикетной формулы самостоятельно или с уточняющими словами: «спасибо»; «спасибо за все»; «спасибо за хлеб, соль»; «и на том спасибо».

На пятом занятии младшие школьники учились говорить комплименты и отвечать на них. Например: «*Вы хо-*

рошо выглядите. Вы не изменились. Вы всё молодеете. Вы умны (умный). Вы красивы (красивый). Вы хороший специалист. Вы превосходный музыкант. Какой вы добрый человек! Вы хорошо поете. Вы прекрасно танцуете! Вы прекрасно играете в шахматы». При этом ученики выяснили, насколько важно использовать в речи комплименты.

Темой шестого занятия стала ситуация поздравления и пожелания. Отмечалось, что поздравление – принятый обществом ритуал уважения и радости за человека. Младшие школьники узнали, что поздравления бывают:

– официальные (*примите мои поздравления с днём рождения, и т. д.*);

– нейтральные (*С праздником! С Новым годом! Шлю вам свои поздравления, Передайте мои поздравления...*).

Пожелания бывают:

– официальные (*Разрешите пожелать вам успехов, счастья, и т. д.*);

– нейтральные (*крепкого вам здоровья, не болейте! Выздоровливайте, пусть все будет хорошо, и т. д.*);

– обычные в письмах (*примите мои самые теплые, горячие пожелания счастья, и т. д.*);

– разговорные (*успехов! счастья! удачи! Всего самого-самого*);

– пожелание на ночь (*спокойной ночи, приятного сна!*);

– пожелание перед едой (*приятного аппетита!*).

На завершающем занятии второклассники изучали ситуацию прощания. Ученики узнали, что наряду с формулами приветствия существуют и формулы прощания. Редко бывает так, чтобы формула прощания прозвучала совершенно неожиданно для собеседника, в этом случае он может подумать, что чем-то сильно расстроил или даже обидел уходящего. Обычно прощанию предшествуют какие-то указания на завершение общения [Курочкина 2003: 134].

Отметим, что все занятия проходили на высоком эмоциональном подъеме. Каждый ученик с интересом участвовал в обсуждении. Для закрепления полученных сведений проводились игры («Словарь вежливых слов», «Скажи комплимент», «Давай прощаться!» и т. д.) и мини-сценки с использованием этикетных формул.

С целью выявления успешности занятий «Школы вежливости» был проведен итоговый срез, результаты которого показали, что после проведенных занятий 25 % младших школьников стали лучше владеть речевым этикетом.

Итак, в статье рассмотрен процесс обучения младших школьников основам речевого этикета на занятиях «Школы вежливости». Полученный практический опыт показал, что решение важной задачи школы на современном этапе обучения, а именно развитие культуры общения учащихся, возможно, в том числе и с помощью специальных занятий по овладению нормами речевого этикета.

Библиографический список

1. Зорина В.В. Изучение языка русской вежливости студентами педагогического вуза // Вестник КГПУ им. В.П. Астафьева. 2012. №4 (22). С. 195–198.
2. Курочкина И.Н. Современный этикет и воспитание культуры поведения у школьников М., 2003. 134 с.
3. Федосов В.А. Обучение речевому этикету на уроках литературного чтения // Начальная школа. 2015. № 12. С. 52–54.

ЭКСПЛИКАЦИЯ
БАЗОВЫХ ЦЕННОСТЕЙ ЭТНОСА
В РЕЧИ И ТЕКСТЕ

*Материалы научно-практической конференции
с международным участием*

Красноярск, 17 ноября 2016 г.

Редактор *Ж.В. Козуница*
Корректор *А.П. Малахова*
Верстка *Н.С. Хасанишина*
Дизайн обложки *Ф.Е. Подсохин*

660049, Красноярск, ул. А. Лебедевой, 89.
Редакционно-издательский отдел КГПУ им. В.П. Астафьева,
т. 217-17-52, 217-17-82

Подписано в печать 01.03.17. Формат 60x84 1/16.
Усл. печ. л. 14,5. Бумага офсетная.
Тираж 100 экз. Заказ № 02-РИО-001

Отпечатано в типографии «Литера-принт»,
т. 295-03-40